Пѣсни Донскихъ Казаковъ

Да знаютъ потомки,
доблести своихъ отцовъ
къ славѣ Дона громки!
(Изъ донской пѣсни.)

Пѣсенники л.-гв. Атаманскаго полка
съ картины французскаго художника Детайля.

Составилъ

Н. Н. Голубинцевъ.

Москва

1911 года.

Лит. Г. Шмидтъ, С.П.Б. 4 рота № 23/4.

ПѢСНИ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ

Да знаютъ потомки,
доблести своихъ отцовъ
къ славѣ Дона громки!
(Изъ донской пѣсни.)

Пѣсенники Л.-Гв. Атаманскаго полка
съ картины французскаго художника Детайля.

СОСТАВИЛЪ

Н. Н. ГОЛУБИНЦЕВЪ.

МОСКВА

1911 года.

Их Сіятельствамъ: Князю Николаю Николаевичу и Княгинѣ Ольгѣ Ильиничнѣ Одоевскимъ-Масловымъ въ знакъ глубокаго уваженія и преданности. Авторъ.

ЛИТ. Г. ШМИДТЪ, С.П.Б. 4 РОТТА № 20/8.

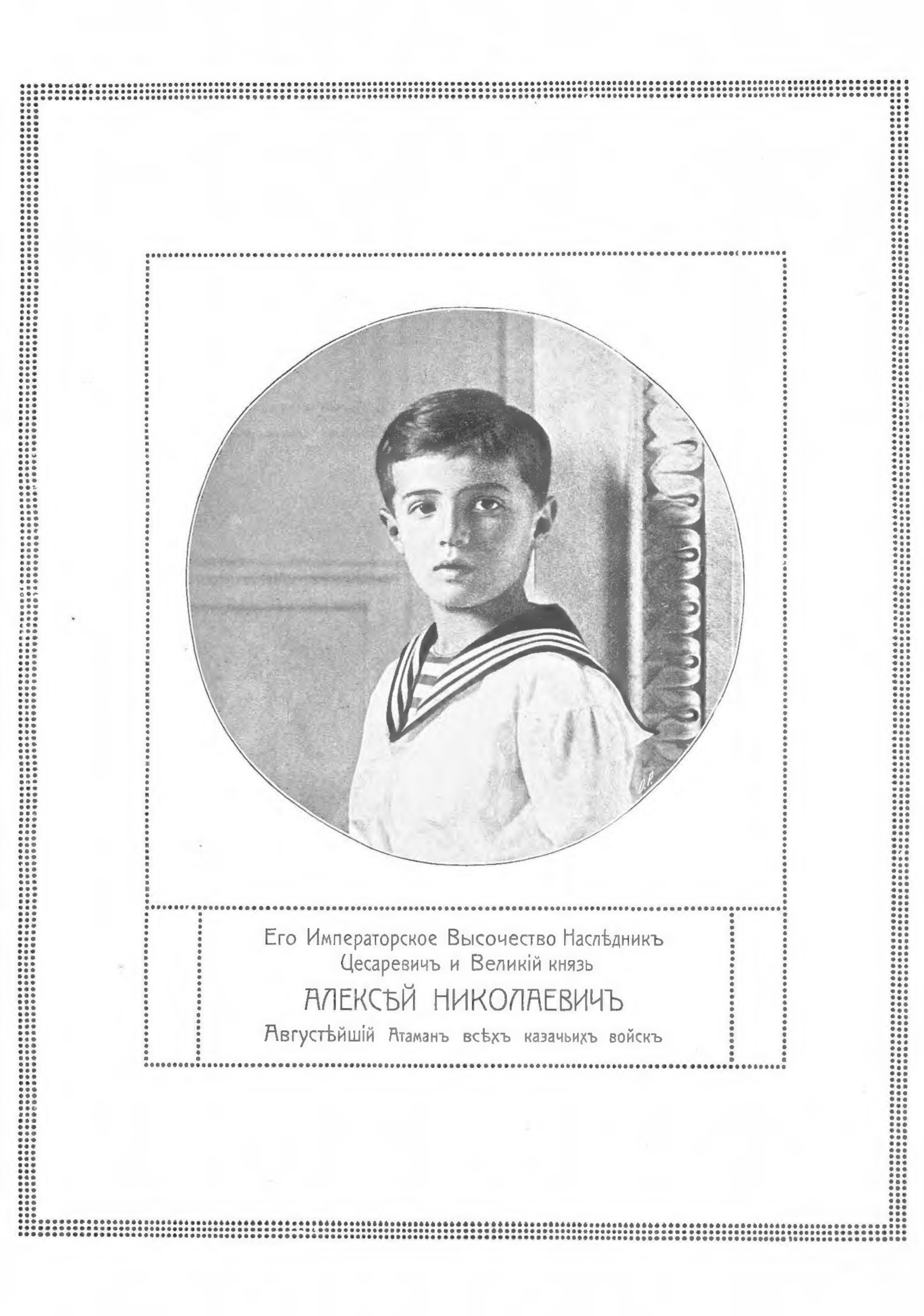
Его Императорскому Высочеству

Наслѣднику Цесаревичу

и Великому Князю

Алексѣю Николаевичу

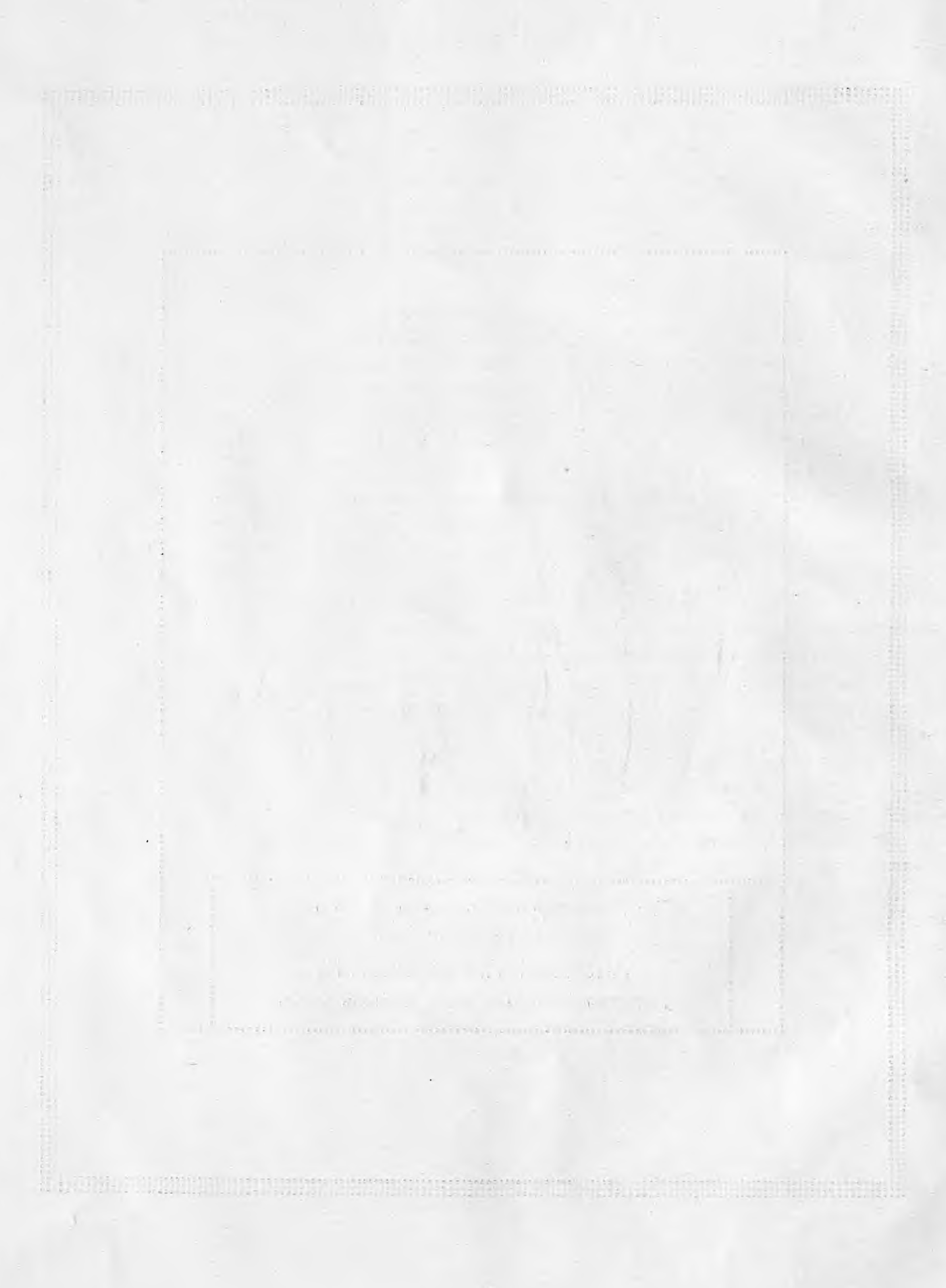
съ глубочайшимъ благоговѣніемъ
всепреданнѣйше посвящаетъ
авторъ.



Его Императорское Высочество Наслѣдникъ
Цесаревичъ и Великій князь

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ



Предисловіе.

Пѣснь, имѣющая столь важное значеніе для русскаго войска вообще, особенно дорога для Донского казака.

Съ нею его укачиваетъ въ люлькѣ мать; съ пѣснею проходитъ его юность; съ нею онъ живетъ, несетъ службу, идетъ въ бой и съ нею же онъ со службы возвращается въ родную станицу и переживаетъ впечатлѣнія минувшаго. Она служитъ отрадой его старости и средствомъ могучаго воздѣйствія на подрастающее поколѣніе въ духѣ завѣтовъ, создавшихъ силу и славу казачества: „за вѣру, Царя и отечество“.

На Дону поются пѣсни и обще-русскія, и собственно казачьи, по словамъ и напѣву.

Къ сожалѣнью, громадное большинство этихъ пѣсенъ до сихъ поръ не записано; онѣ переходятъ изъ устъ въ уста отъ поколѣнія къ поколѣнію и поддаются естественно искаженію, въ послѣднее же время на нихъ особенно гибельно дѣйствуетъ вліяніе фабричныхъ пѣсенъ, которымъ казаки научаются во время службы въ фабричныхъ районахъ и уже недалеко, быть можетъ, то время, когда полные чувства и глубокаго смысла напѣвы и слова старинныхъ пѣсенъ будутъ окончательно вытѣснены фабричными частушками.

Съ дѣтства слушая и запоминая казачьи пѣсни, полюбивъ ихъ и въ теченіи сорока-лѣтней своей службы, въ качествѣ молодого офицера, сотеннаго и полковаго командира, принимая близкое участіе въ дѣлѣ полковаго пѣнія, я записалъ и положилъ на музыку много пѣсенъ, которыя постоянно поются казаками на службѣ и въ станицѣ. Лучшія изъ этихъ пѣсенъ въ количествѣ 56ти соединены мною нынѣ въ одинъ сборникъ и къ нимъ присоединено восемь пѣсенъ уже ранѣе положенныхъ на музыку другими, въ виду особой ихъ распространенности на Дону. Во главу сборника положена пѣснь, особенно дорогая каждому казаку, какъ и каждому русскому — народный гимнъ.

Слова нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ мнѣ удалось найти въ старинномъ сборникѣ 1822 года, неизвѣстнаго автора а также и въ сборникѣ А. Н. Пивоварова; они были исправлены на основаніи текста этихъ сборниковъ, но съ сохраненіемъ тѣхъ варіантовъ, которые прочно установились при исполненіи ихъ казаками.

Полагая на музыку пѣсни, до сихъ поръ не записанныя, т. е. большинство пѣсенъ сборника, я имѣлъ въ виду въ точности запечатлѣть ихъ существующій напѣвъ и потому допустилъ нѣкоторыя отступленія отъ правилъ гармоніи, въ тѣхъ-же цѣляхъ въ текстѣ пѣсенъ, въ необходимыхъ случаяхъ допущены отступленія отъ обычнаго правописанія, напримѣръ: „маво“ вмѣсто „моего“ „пашеница“ вмѣсто „пшеница“ и проч.

Въ настоящемъ своемъ видѣ сборникъ пѣсенъ Донскихъ казаковъ, со словами и нотами, является, на сколько мнѣ извѣстно, первымъ въ русской литературѣ и, мнѣ сдается, можетъ представить нѣкоторый интересъ при изученіи русскаго народнаго эпоса вообще.

Главная же цѣль сборника — сохранить для грядущаго поколѣнія казаковъ чудныя слова и напѣвы старинныхъ пѣсенъ, въ которыя вылились лучшія стороны души ихъ предковъ.

Въ надеждѣ, что въ этомъ отношеніи мой сборникъ можетъ оказаться полезнымъ для родного Дона, — я осмѣлился съ *Высочайшаго* соизволенія посвятить сборникъ священному *Имени Августѣйшаго Атамана* всѣхъ казачьихъ войскъ, *Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича*.

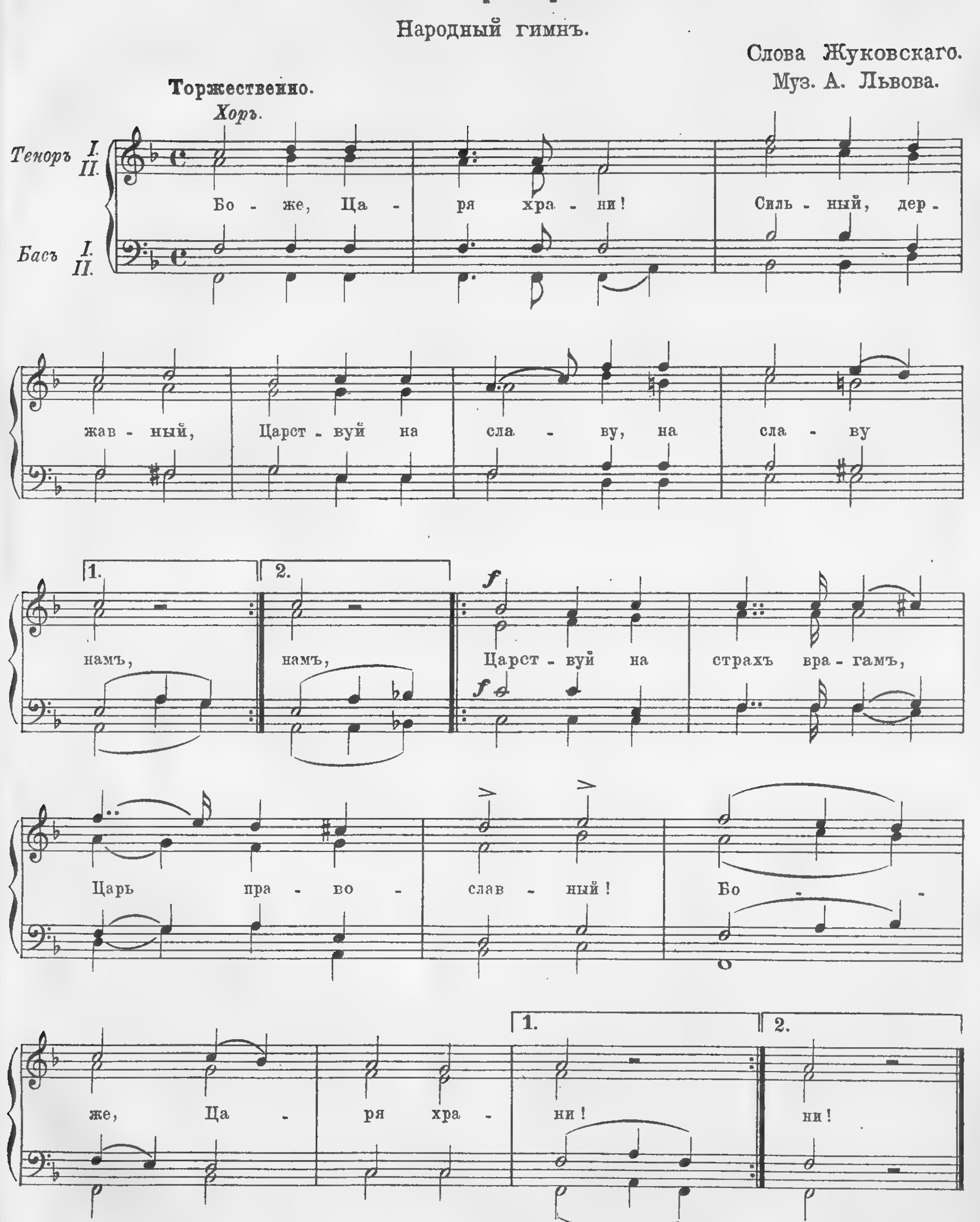
г. Москва
1 Марта 1911 года.

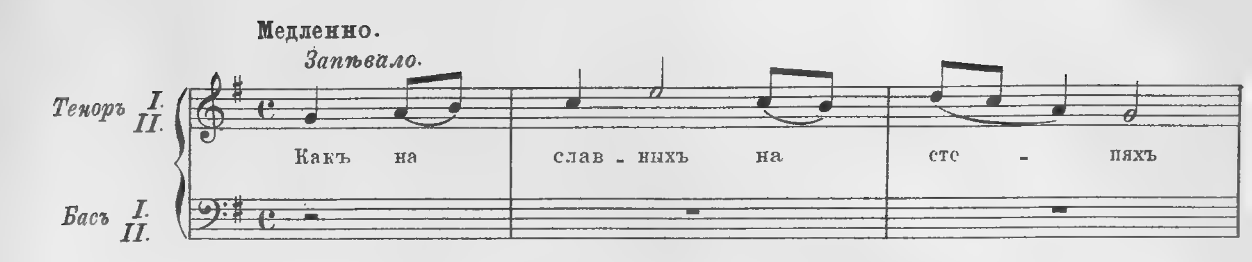
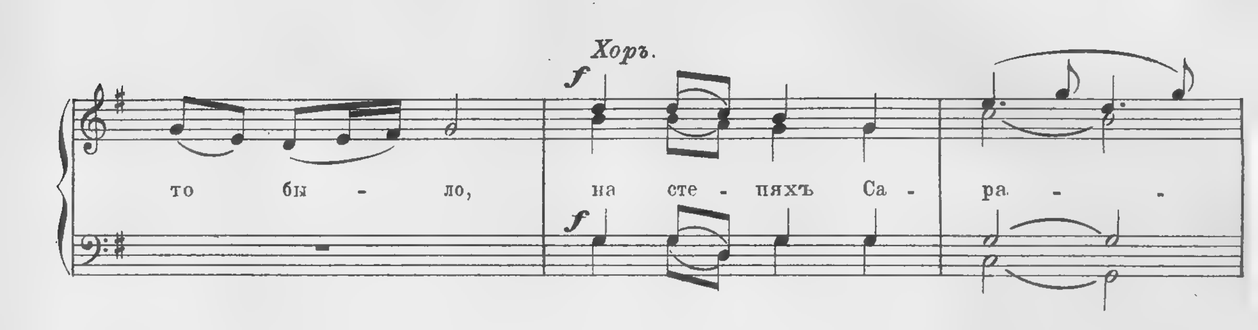
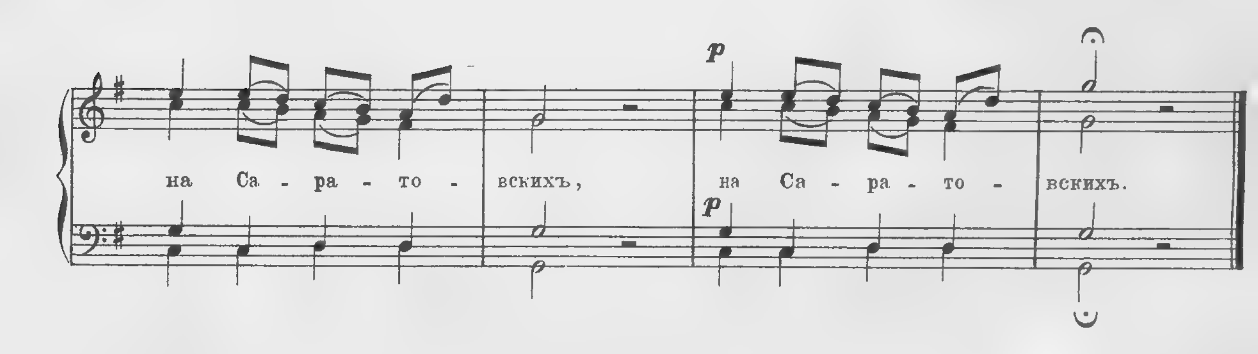
Войска Донского Генералъ-Маіоръ Голубинцевъ.

Оглавленіе.

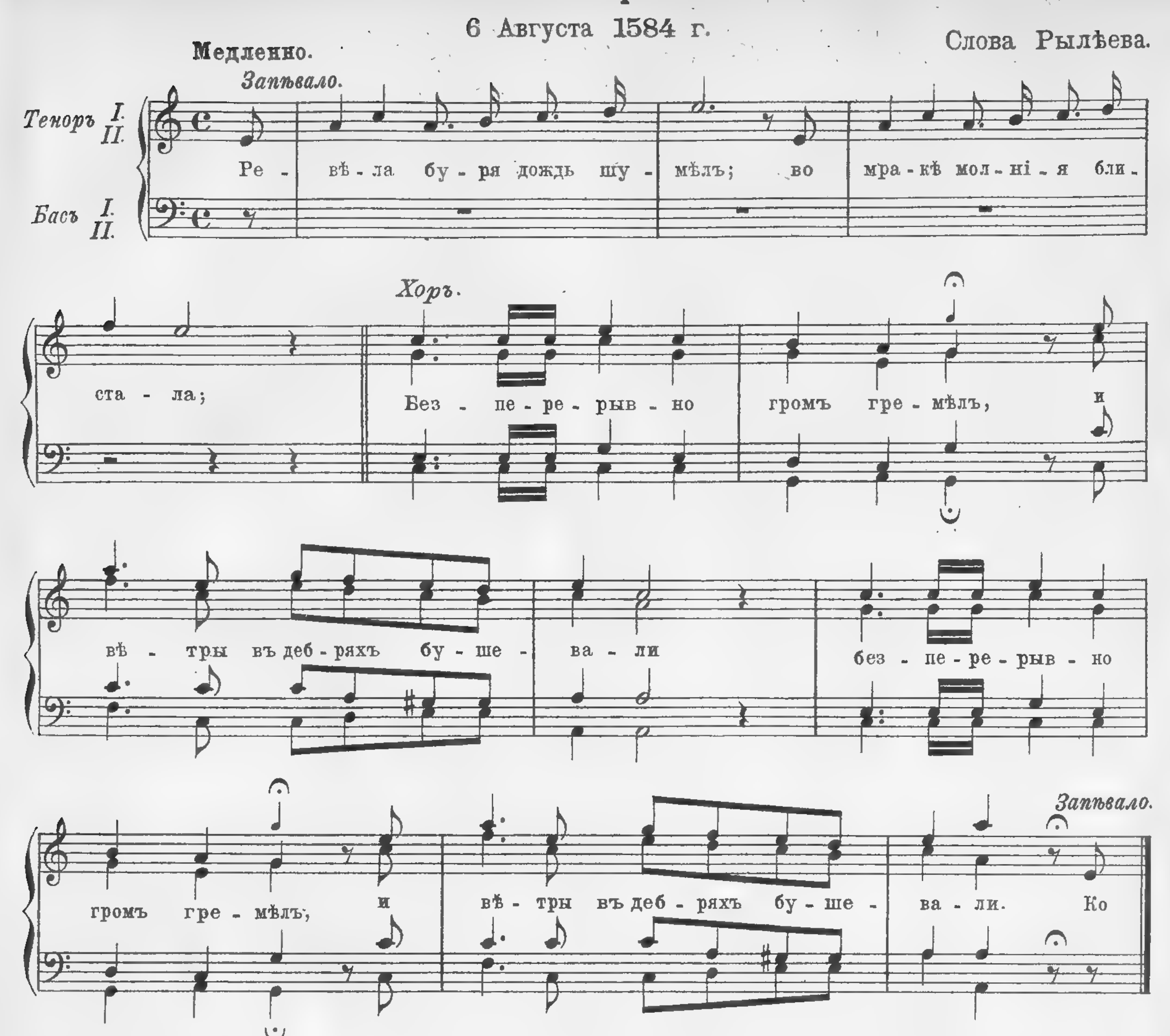
Боже Царя храни.

Народный гимнъ.

Слова Жуковскаго.
Муз. А. Львова.

Ермакъ.

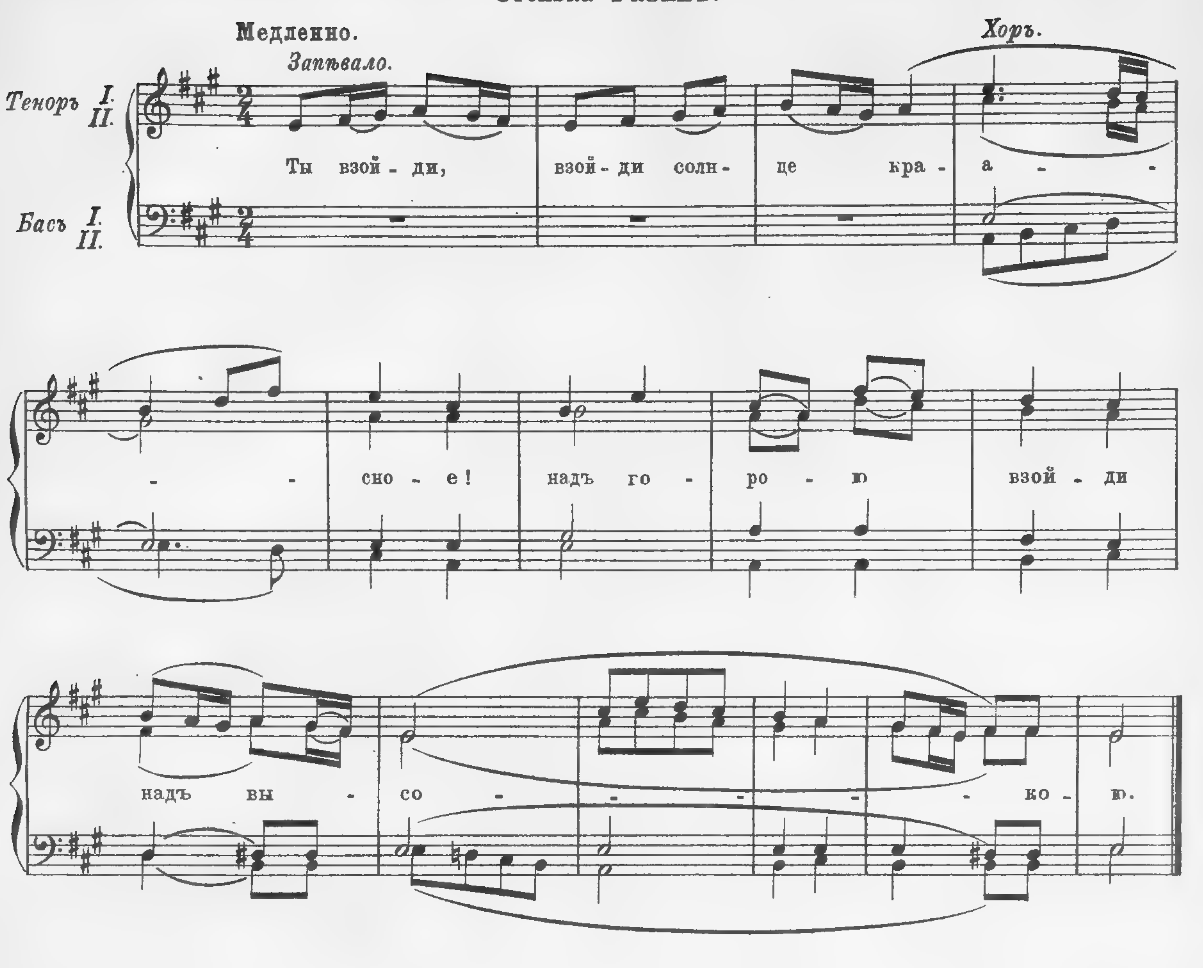
Походъ въ Сибирь 1582 годъ.



Какъ на славныхъ на степяхъ то было,
На степяхъ Саратовскихъ.
Собирались казаки, други, люди вольные.
Какъ Атаманъ у нихъ-то былъ, братцы,
Ермакъ Тимофеевичъ!
Какъ возговоритъ Ермакъ,
Ермакъ Тимофеевичъ!
Завоюемъ-то мы братцы, братцы,
Царство Сибирское.
Мы пойдемъ-то къ Царю батюшкѣ,
Мы съ повинною.

Гибель Ермака.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молнія блистала;
Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.
Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близь дубравы.
„О, спите, спите,“ мнилъ герой:
„Друзья, подъ бурею ревущей!
„Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
„На славу иль на смерть зовущій.
„Вамъ нуженъ отдыхъ: сладкій сонъ
„И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
„Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
„И силы ратниковъ удвоитъ.
„Кто жизни не щадилъ своей,
„Опасность въ сѣчахъ презирая,
„Тотъ думать будетъ ли о ней,
„За Русь святую погибая,
„Своей и вражьей кровью смывъ
„Всѣ прегрѣшенья буйной жизни
„И за побѣды заслуживъ
„Благословеніе отчизны?...

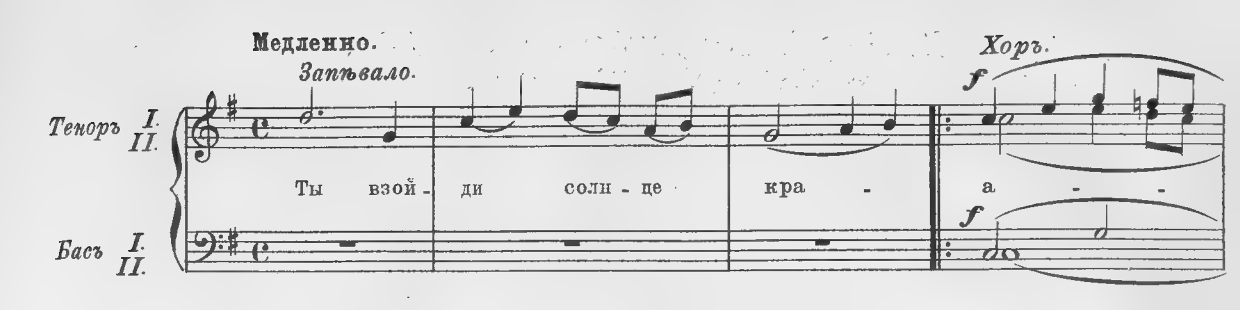
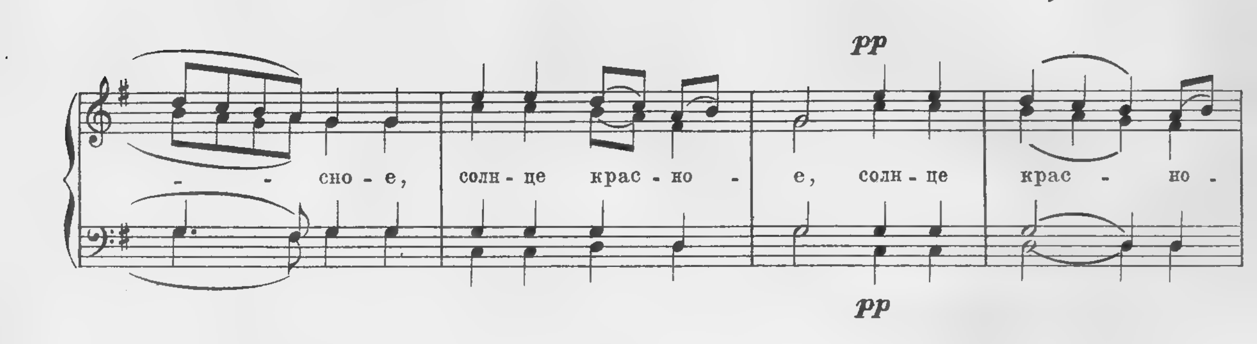
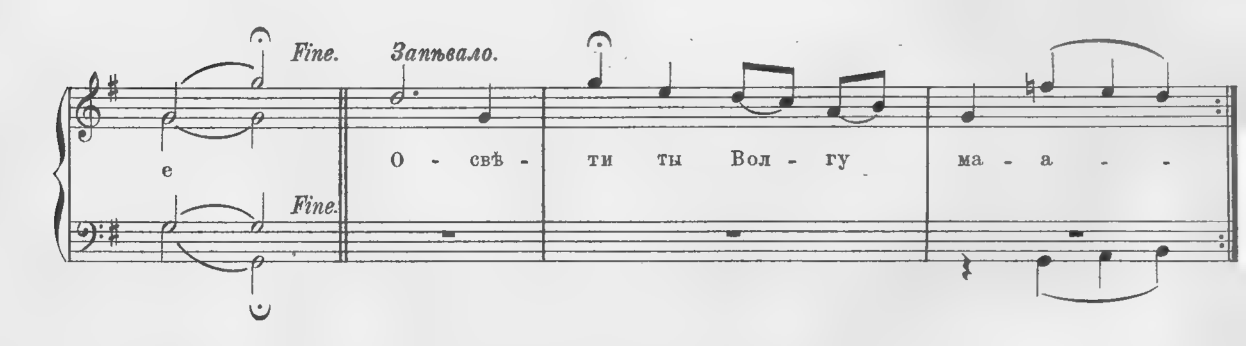
„Намъ смерть не можетъ быть страшна;
„Свое мы дѣло совершили:
„Сибирь Царю покорена,
„И мы— не праздно въ мірѣ жили!“
Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молнія блистала;
Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.
Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ;
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ казачьи челны....
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала.
Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ—
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина....
Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И гибель зря, стремится въ волны;
Душа отвагою полна;
Но далеко отъ брега челны!
Иртышъ волнуется сильнѣй....
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ—
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ
Плыветъ.... ужъ близко челнока:
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.
Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь— даръ Царя—
Сталъ гибели его виною.
Ревѣла буря.... Вдругъ луной
Иртышъ на мигъ осеребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ стальной кольчугѣ озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молнія блистала,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
Но Ермака уже не стало!

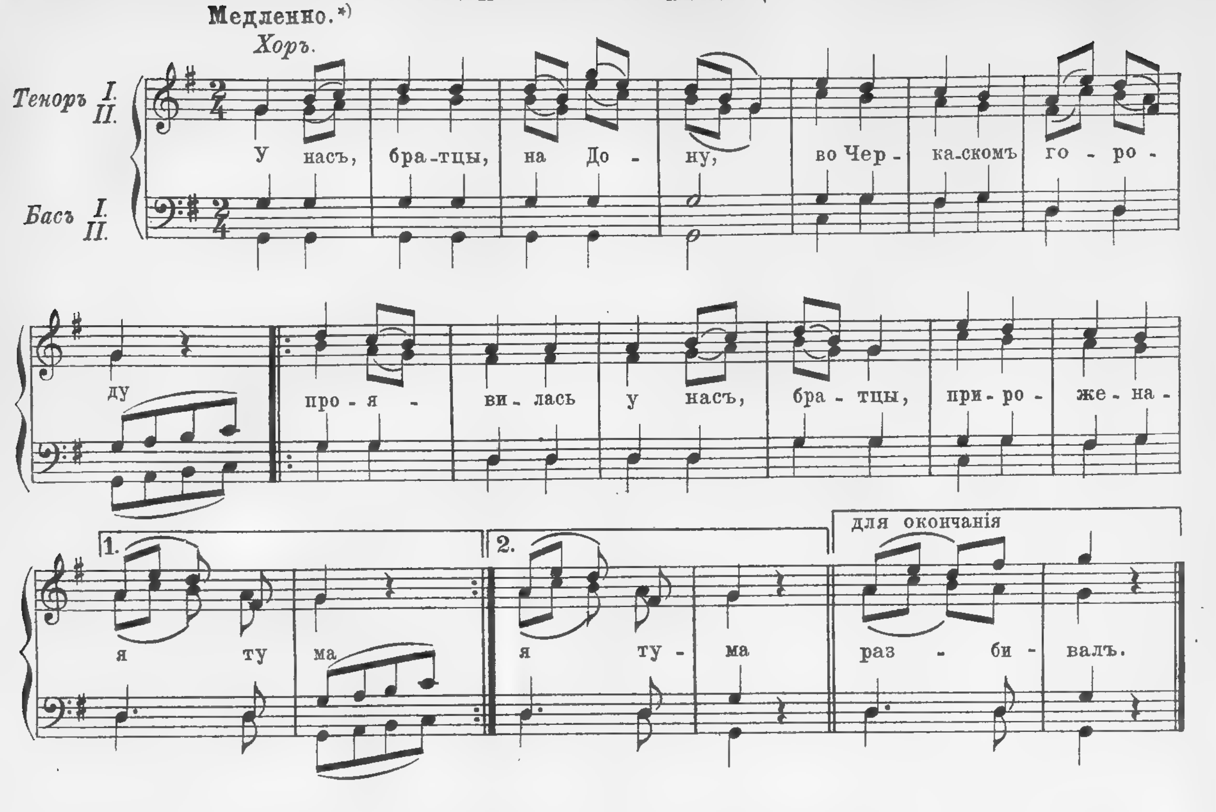
Ты взойди солнце красное.

Стенька Разинъ.

Ты взойди, взойди солнце красное!
Надъ горою взойди, надъ высокою,
Надъ дубравою взойди надъ зеленою,
Надъ ущельицемъ взойди надъ глубокимъ,
Обогрѣй насъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, сиротъ бѣдныхъ,
Сиротъ бѣдныхъ, людей вольныхъ.
Что по ниже то было села Юркина
А по выше то было села Лыскова,
Протекала тамъ быстрая рѣченька,
Быстрая рѣченька, славная Керженка,
Что ни кто по ней не проѣзживалъ,
Ни кто слѣду не прокладывалъ,

Что плыветъ по ней легкая лодочка,
Легкая лодочка, все разбойничья,
На кормѣ сидитъ Атаманъ съ ружьемъ,
На носу сидитъ Есаулъ съ багромъ,
По середь лодки бѣлъ тонкій шатеръ,
Что подъ тѣмъ шатромъ, золота казна,
На казнѣ сидитъ красная дѣвица.
Какъ возговоритъ она громкимъ голосомъ:
„Мнѣ вчера младой приснился сонъ,
„Не хорошъ-то сонъ мнѣ пригрезился
„Атаманушкѣ быть разстрѣляну!
„Есаулушкамъ быть всѣмъ повѣшану!
„А мнѣ дѣвицѣ быть на волюшкѣ!“

Ты взойди солнце красное.

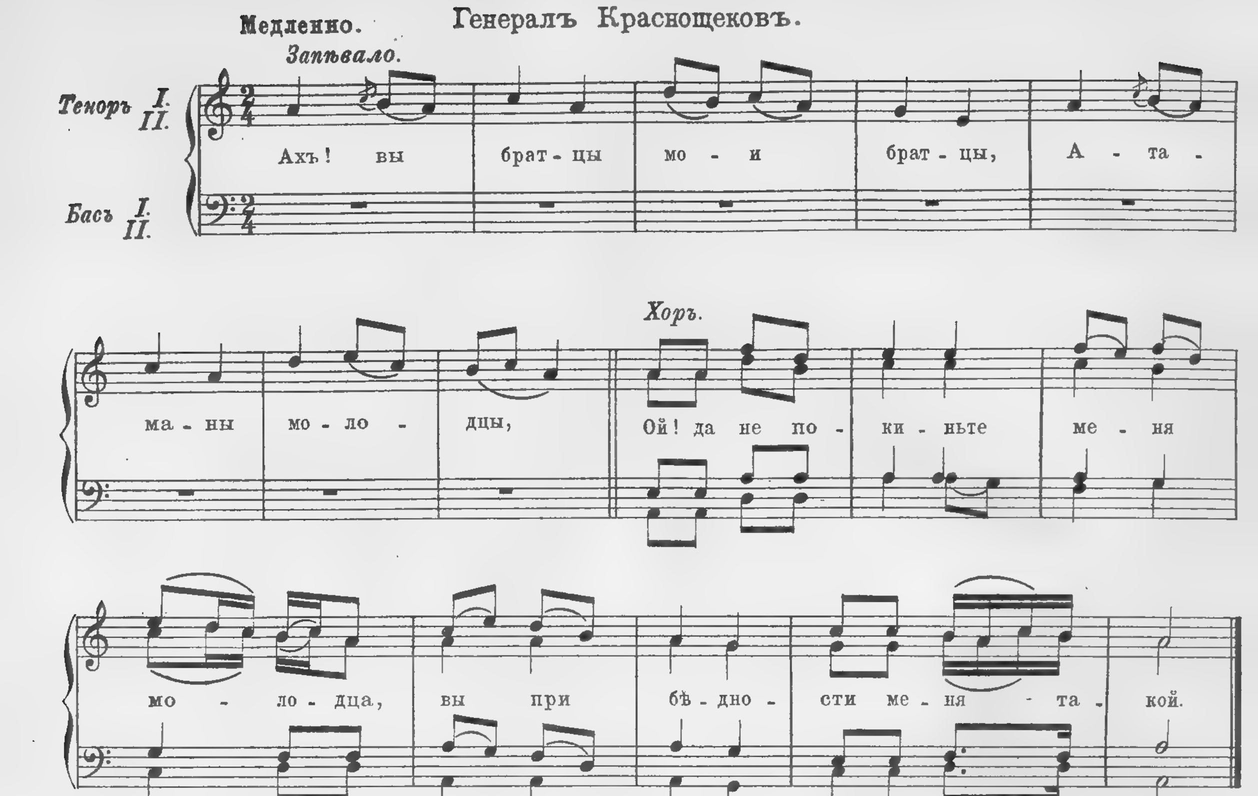
Стенька Разинъ.

Ты взойди солнце красное,
Освѣти ты Волгу матушку,
Обогрѣй насъ добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, на чужой сторонѣ.
Мы не сами-то идемъ
Насъ нужда ведетъ,
Нужда горькая.
Мы ни воры, ни разбойнички,
Стеньки Разина мы помощнички.

Измѣна Сеньки Маноцкова.

У насъ, братцы, на Дону, во Черкаскомъ городу
Проявилась у насъ, братцы, прироженая тума, [1])
Онъ изъ тумъ, братцы, тума, Сенька Маноцковъ злодѣй;
Крѣпкой думушки съ стариками, онъ не думывалъ,
Думывалъ крѣпкую онъ думушку съ ярыжками,
Перекинулся собака къ Азовскому пашѣ,
А Азовскій-то паша сталъ его спрашивати:
—„Ты скажи, скажи, пріятель, правду истинную,
„Что-то думаютъ у васъ во Черкаскомъ городу?“
—„Да у насъ-то, на Дону, во Черкаскомъ городу
„Старики-то пьютъ, гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
„По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ:
„Ой не дай Боже Азовцамъ ума разума того —
„Не поставили-бъ они башенки на усть рѣчки Каланчи,
„Не перекинули бы цѣпи черезъ славный тихій Донъ,
„Не подвели-бы они струны ко звонкимъ колоколамъ!“
Ужъ нельзя намъ, братцы, будетъ во сине море пройтить,
По сину морю гулять, зипуновъ-то доставать! —
Какъ у насъ было, на Дону, во Черкаскомъ городу
Войсковой нашъ атаманъ во всю ночушку не спалъ,
Какъ со вечеру соколъ нашъ Роговыя проплывалъ,
Ко бѣлу свѣту соколъ нашъ по синю морю гулялъ,
По синю морю гулялъ, кораблики разбивалъ!

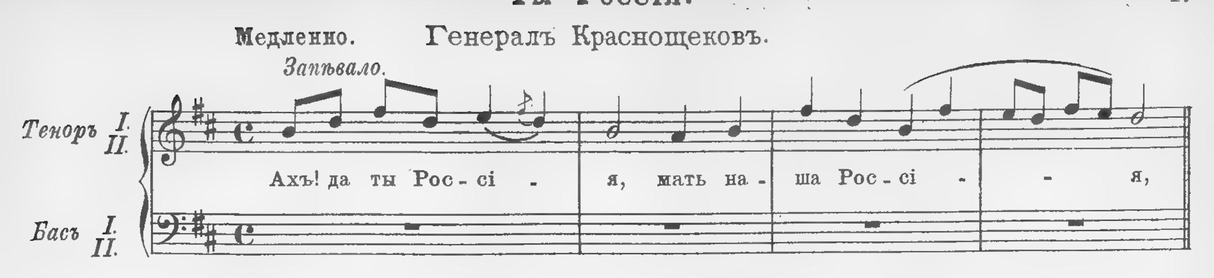
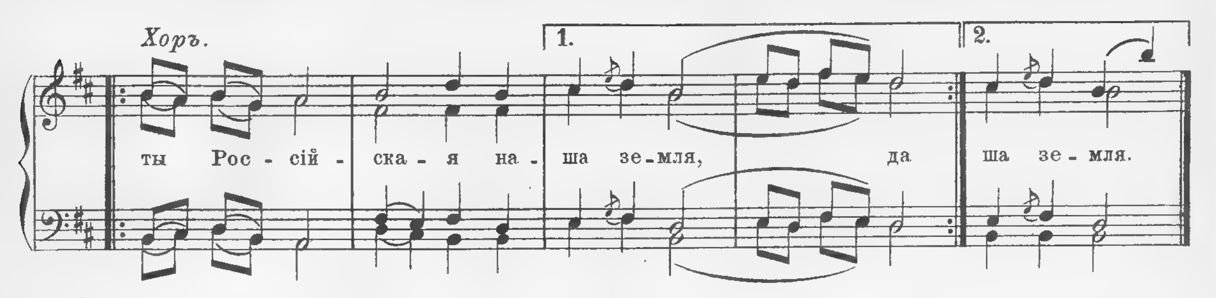
*) можно и темпъ марша.

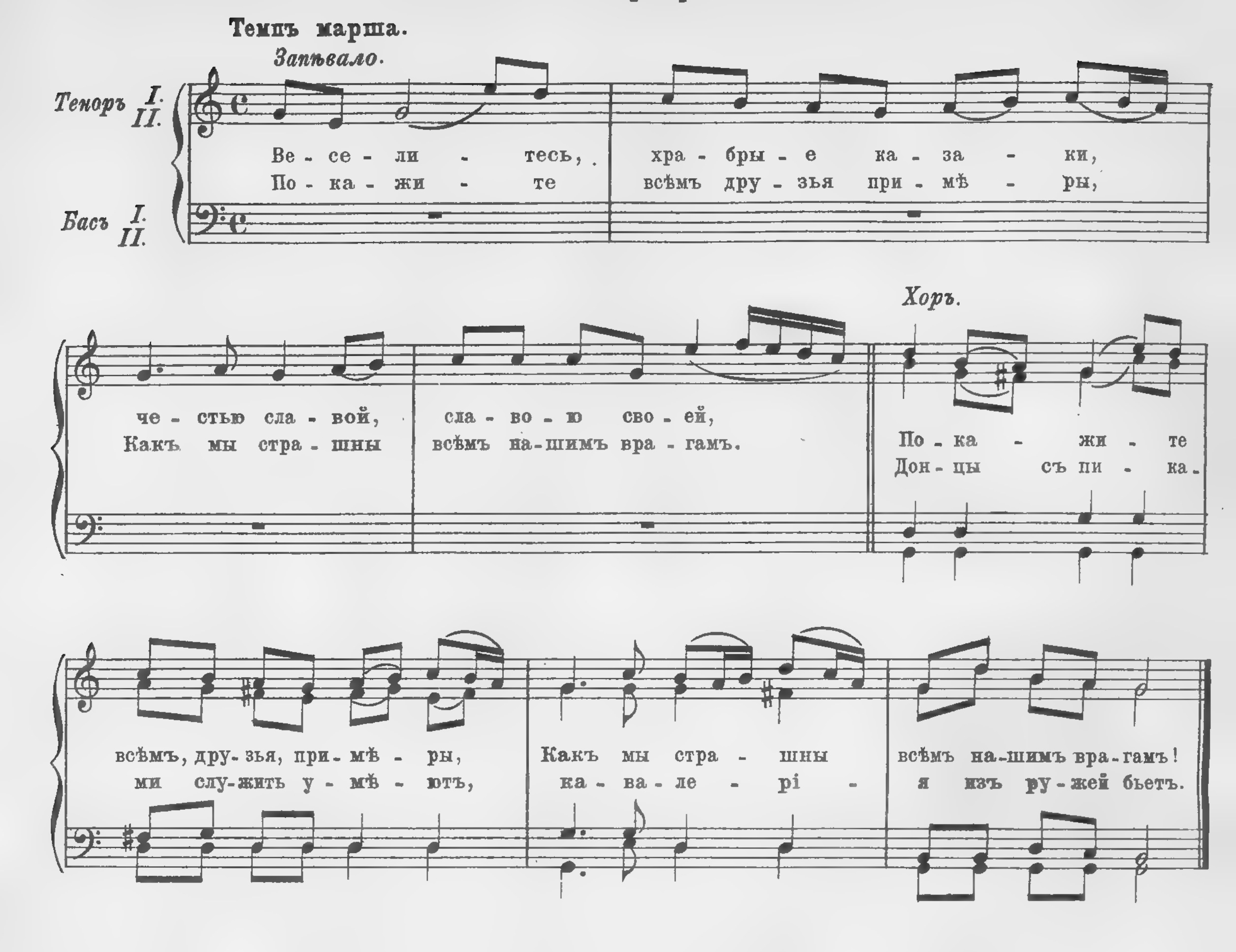
1) „тума“ не казакъ а перешедшій въ казаки изъ Татаръ.

Ахъ! вы братцы.

Генералъ Краснощековъ.

Ахъ! вы братцы, мои братцы, Атаманы молодцы!
Не покиньте меня молодца, вы при бѣдности такой;
Какъ и нынче да доброму молодцу, мнѣ малымъ, мало спалось,
Мнѣ малымъ, мало спалось, много во снѣ видѣлось:
Будто, будто раздушечка добрый конь, онъ да разыгрался подо мной,
Разыгрался, расплясался подъ удалымъ молодцомъ,
Сывалилася кунія шапочка, съ моей буйной головы,
Оторвался лукъ съ колчаномъ, съ моей правой стороны.
Ахъ! вы братцы, мои братцы, Атаманы молодцы!
Не покиньте добраго молодца, вы при бѣдности такой,
Какъ во всякое времячко пригожуся, братцы вамъ,
Замѣню я вашу смерть, грудью бѣлою моей.
Разскажите вы мнѣ братцы, что означаетъ да мой сонъ?
Услыхала родная матушка изъ высока терема:
„Охъ! ты чадо, мое чадо, чадо милое мое!
„Вотъ я тебѣ, мое чадо, этотъ сонъ твой разскажу:
„Какъ тебѣ-то, мое чадо, да на службицу итить;
„Да на службицѣ, мое чадо, убитому тебѣ быть,
„Вороному твоему коню, быть подстрѣляну,
„Молодой твоей женѣ быть удовошкою,
„Малымъ дѣтушкамъ твоимъ, сиротинушками.“

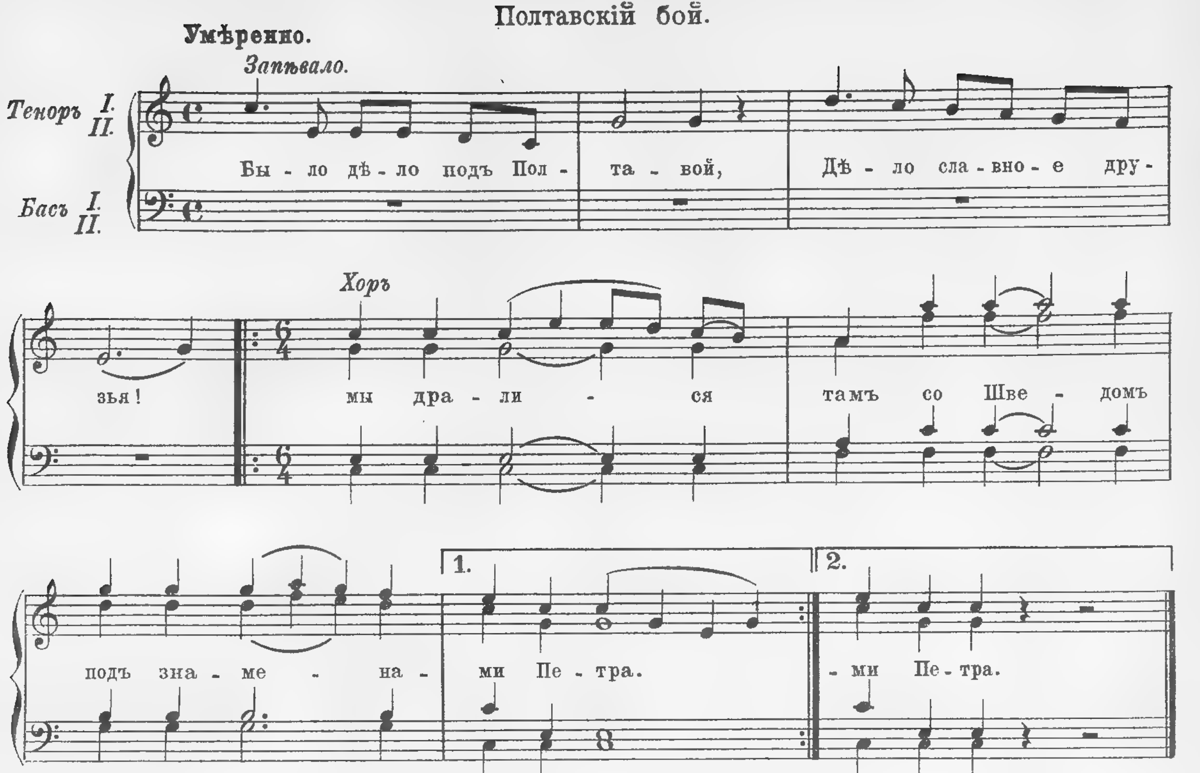
Ты Россія.

Медленно. Генералъ Краснощековъ.

Ахъ! да ты Россія, мать наша Россія,
Ты Россійская наша земля,
Много горя, нужды приняла,
Много крови, крови пролила,
Много славы, славы нажила!
Ой! да ни за то-ли мать наша Царица,
Чиновъ много, она жаловала.
Краснощекова-ли казака
Генераломъ его назвала,
Къ Пруссу въ гости его послала.
А Пруссъ его не узналъ,
За купчика его принималъ,
За дубовый столъ его сажалъ,
Разнымъ питьемъ его угощалъ.
Онъ просилъ гостя драгова,
Правду истинну ему сказать:
Сколько въ арміи есть войска?
Краснощекова-ли показать;
Обѣщалъ ему въ награду
Злата, шубу дорогу.
— „Стой батюшка!“ дочь тутъ возразила:
„На что злато, намъ терять?
Его можно и такъ узнать:
Взглянь, родимый, въ кабинетъ,
Это чей у насъ портретъ?
Онъ лицомъ тамъ смугловатъ,
Волосами кудреватъ,
Глаза точно сокола
Вотъ какъ этого орла!“
Краснощекъ тутъ же догадался,
Изъ палатъ бѣжать принялся
Со крыльца лишь онъ сбѣжалъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
„Ой вы слуги, мои други,
Вы Донскіе казаки!
Вы скорѣй, скорѣй подайте
Мово вѣрнаго коня!“
Краснощековъ на конь сѣлъ,
Будто соколомъ взлетѣлъ,
Подъ окошко подбѣжалъ,
Королю онъ честь отдалъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
„Ахъ! да ты ворона, ты ворона,
Ты ворона Пруссъ — Король!
Не умѣлъ ты молодца
Во рукахъ своихъ держать,
А теперь я, Краснощековъ
Ужъ на волюшкѣ своей!“
Тутъ Король велѣлъ догнать,
Краснощекова поймать,
Велѣлъ его растерзать
Иль съ костей кожу содрать,
Да соломою напхать,
Государынѣ послать!

Веселитесь храбрые казаки.

Веселитесь, храбрые казаки,
Честью славой, славою своей!
Покажите всѣмъ, друзья, примѣры,
Какъ мы страшны всѣмъ нашимъ врагамъ!
Донцы съ пиками служить умѣютъ,
Кавалерія изъ ружей бьетъ,
А пѣхота на штыки валяетъ,
Артиллерія на дуло ждетъ!
Мы не отступаемъ, хоть ихъ числомъ больше
И изъ ружей бьемъ своихъ враговъ.
Бьемъ, разимъ, непортя свой порядокъ,
Только слушаемъ одинъ приказъ.
Куда скажутъ наши Командиры
Мы туда идемъ, рубимъ, бьемъ!

Петръ I-й.

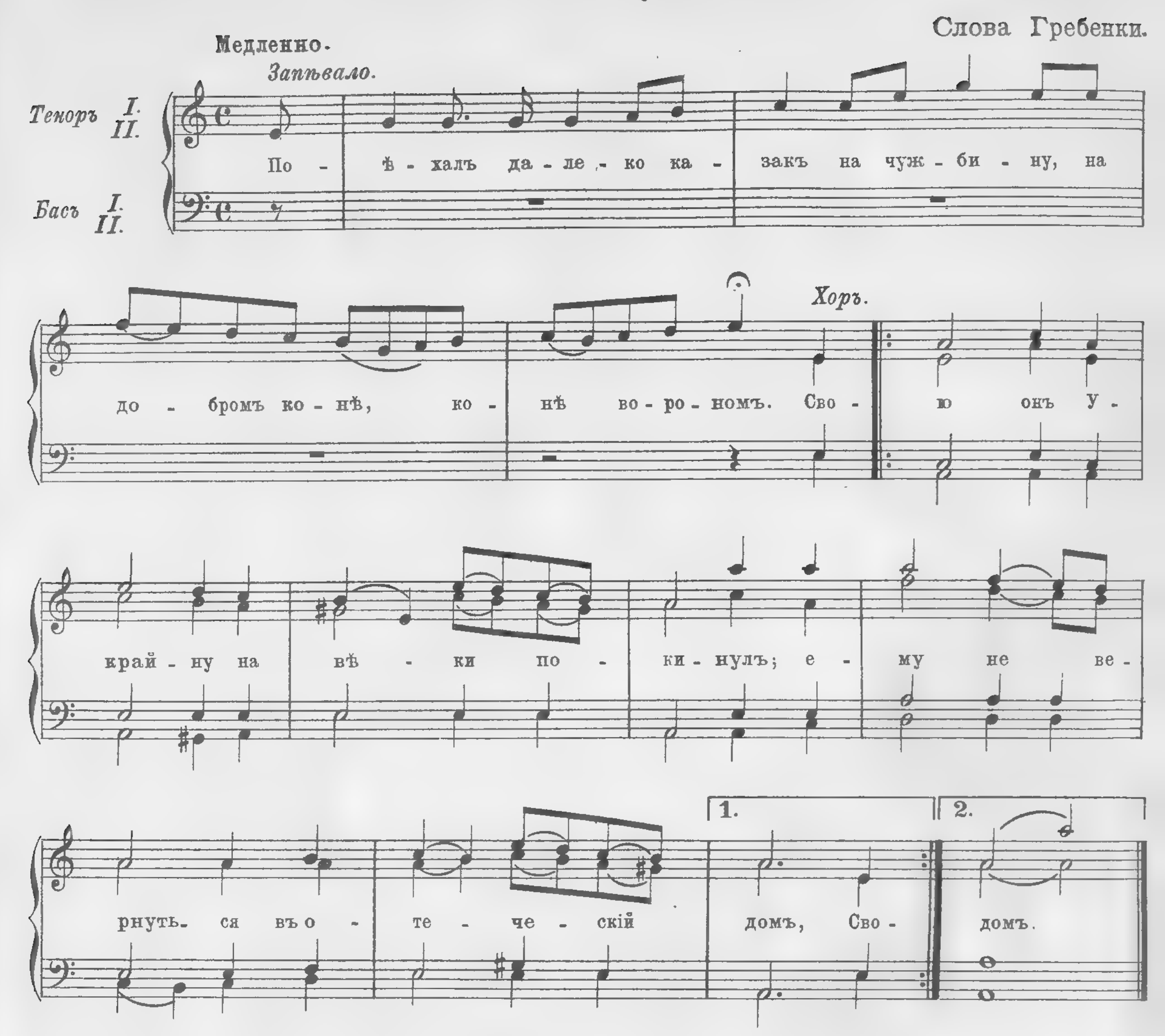
Полтавскій бой.

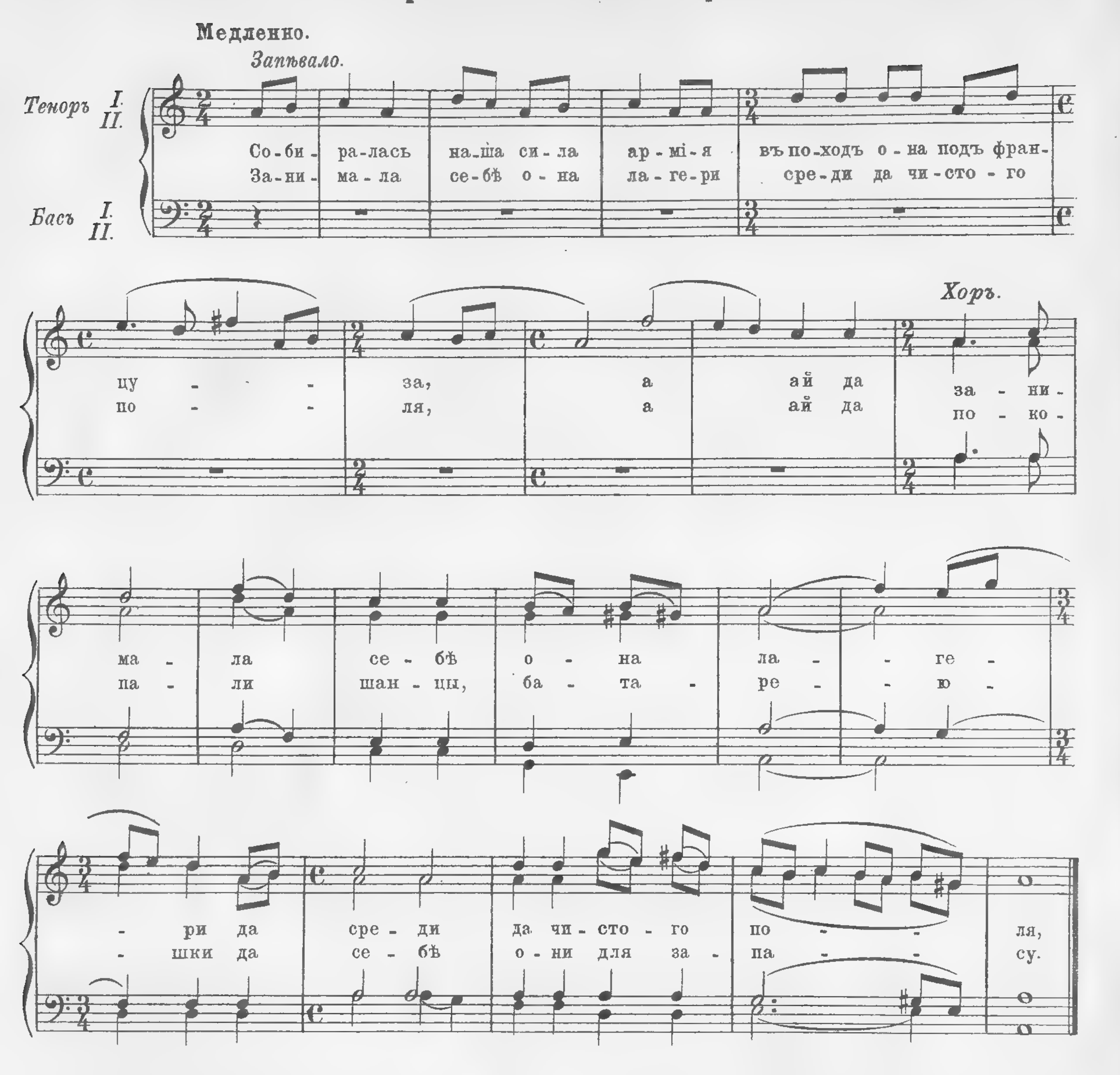


Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное друзья!
Мы дралися тамъ со Шведомъ
Подъ знаменами Петра.
Нашъ могучій Императоръ, —
Память вѣчная ему, —
Самъ родимый, предъ полками,
Словно соколъ, онъ леталъ.
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушки заряжалъ.
Бой кипѣлъ! Герой Полтавы, —
Нашъ державный Великанъ,
Ужъ не разъ грозою грянулъ
На могучій вражій станъ.
Пули облакомъ носились,
Кровь горячая лилась...
Вдругъ одна, злодѣйка пуля,
Въ шляпу Царскую впилась!
Видно Шведы промахнулись,
Императоръ усидѣлъ!
Шляпу снялъ, перекрестился,
Снова въ битву полетѣлъ!

Много Шведовъ, много Русскихъ
Подъ Полтавою легло.
Вдругъ еще злодѣйка — пуля
Въ сѣдло Царское впилась.
Не смутился Императоръ;
Взоръ какъ молнія блисталъ;
Конь не дрогнулъ отъ удара,
Но быстрѣе поскакалъ.
Вотъ, какъ разъ и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ:
Прямо въ грудь ему летѣла,
И ударилась какъ громъ!
На груди его высокой
Чудотворный крестъ висѣлъ:
Пуля съ визгомъ отскочила
Отъ чудеснаго креста,
И спасенный побѣдитель
Славилъ Господа Христа.
Было дѣло подъ Полтавой!
Сотни лѣтъ еще пройдутъ —
Эти Царскія три пули
Въ сердцахъ Русскихъ не умрутъ!

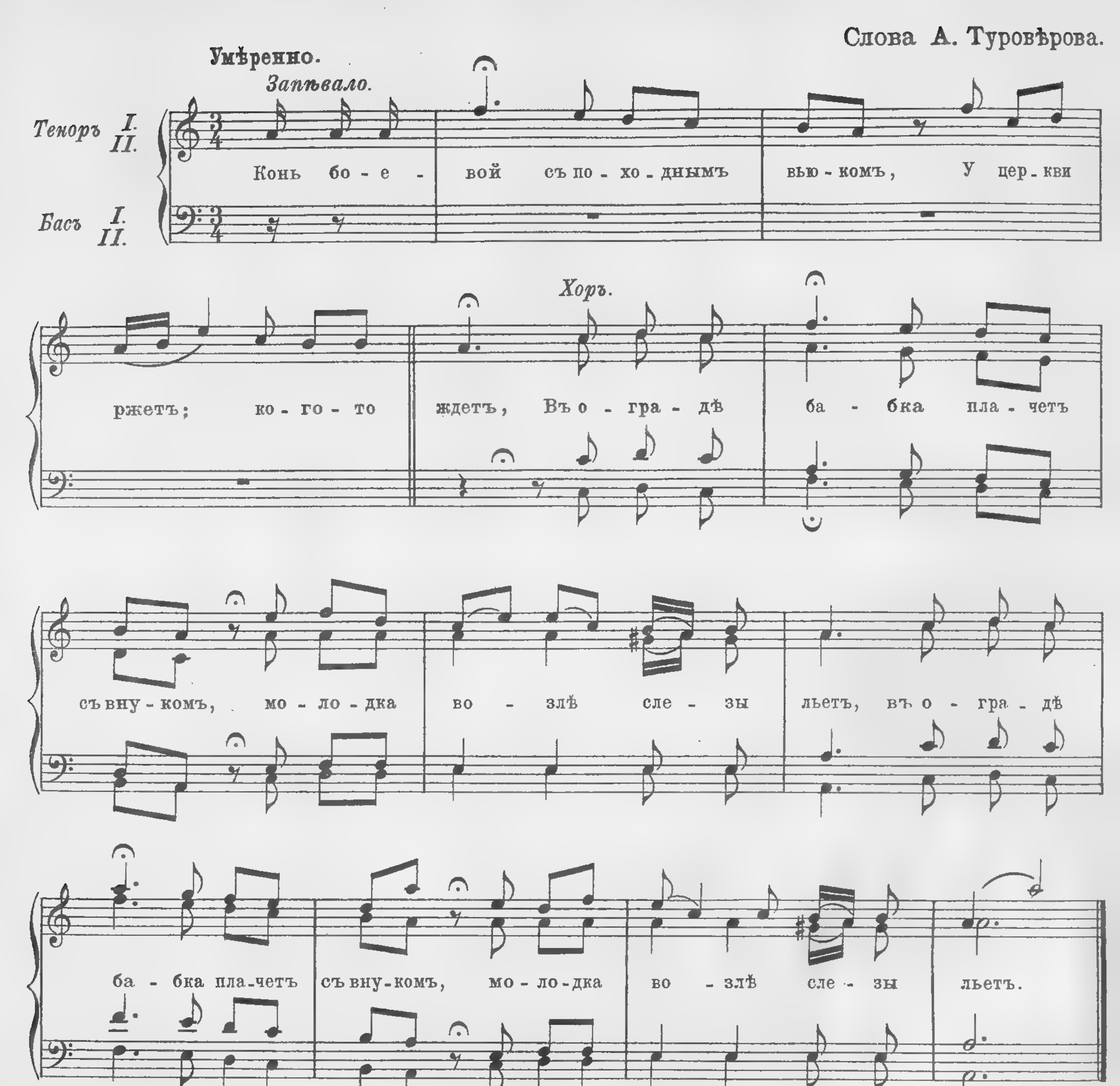
Казакъ на чужбинѣ.

Слова Гребенки.

Поѣхалъ далеко казакъ на чужбину,
На добромъ конѣ ворономъ.
Свою онъ Украйну на вѣки покинулъ;
Ему не вернуться въ отеческій домъ!
Напрасно казачка его молодая
И утро и вечеръ на сѣверъ глядитъ;
Все ждетъ, да пождетъ: изъ полночнаго края
Къ ней милый когда прилетитъ!
Далеко, откуда къ намъ вѣютъ мятели,
Гдѣ страшно морозы трещатъ;
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и ели...
Казацкія кости лежатъ.
Казакъ и просилъ и молилъ умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ:
„Пускай на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ плодахъ."
„Пусть вольныя птицы садясь на калинѣ
Порой прощебечутъ и мнѣ,
Мнѣ бѣдному, вѣсть, на холодной чужбинѣ,
О милой родной сторонѣ."!

Собиралась наша сила армія.

Собиралась наша сила-армія
Въ походъ она подъ француза,
Занимала себѣ она лагери
Да среди чистого поля,
Покопали шанцы, батерѣюшки
Славно себѣ для запасу.
Батарейные наши командирушки
Да славно они квартируютъ,
Бомбардиры съ гренадерами
Славно они маршируютъ.

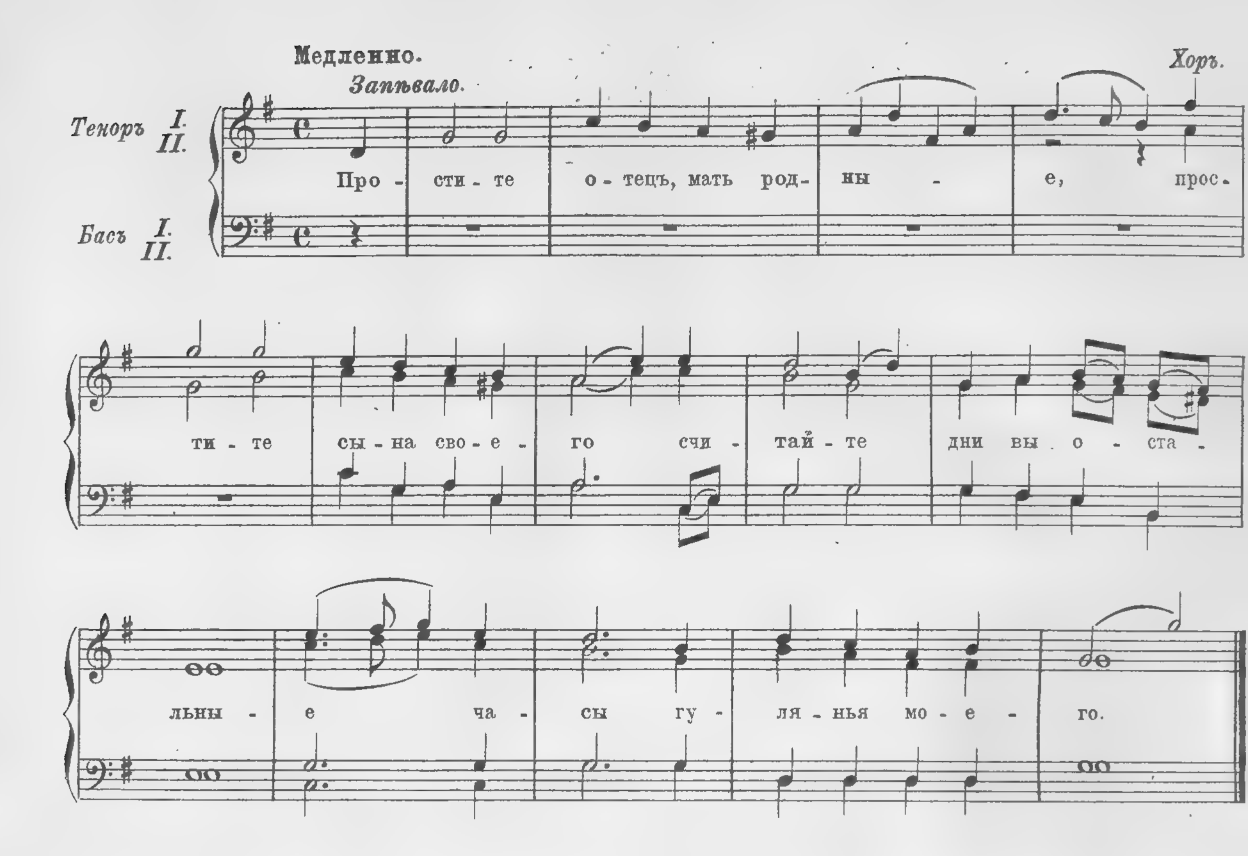
Случилася перепалушка
Сы праваго она фланга,
Убили нашего полковничка
Въ грудь пулею свинчатою,
Упалъ нашъ полковничекъ
Съ конечка на сыру землю,
Закричалъ молодой полковничекъ:
„Стоите, дѣти, не робѣйте,
Свинцу, пороху не жалѣйте!
Свинцу, пороху достанетъ,
А насъ молодцевъ, не станетъ!“

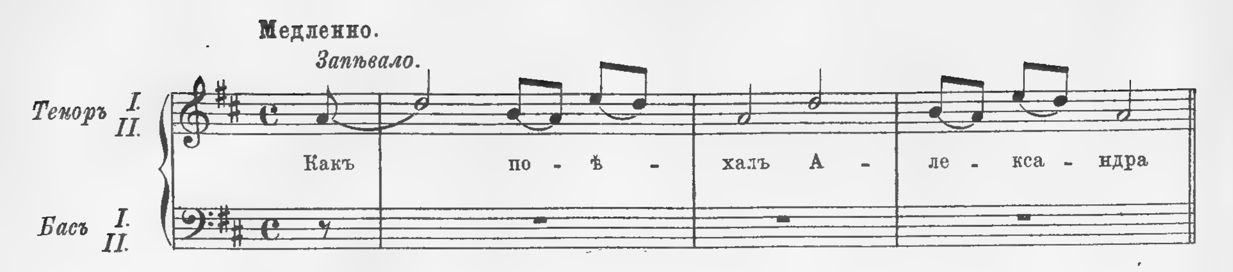
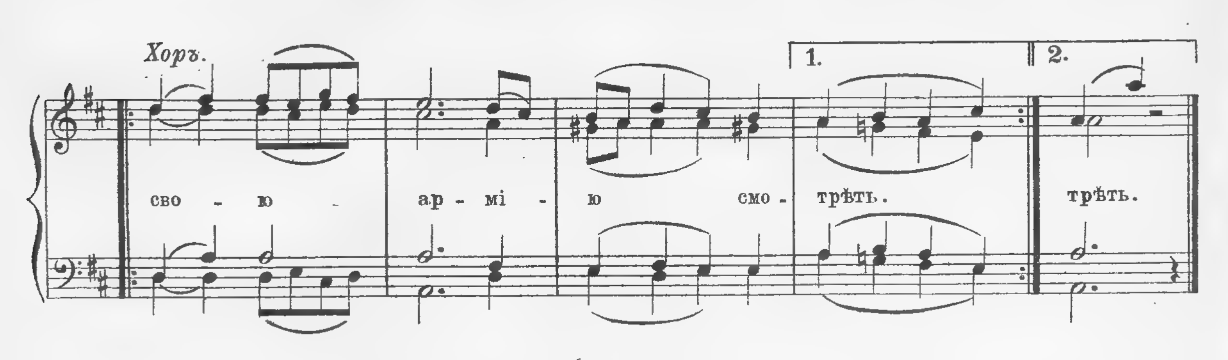
Проводы казака на службу.

Слова А. Туровѣрова.

Конь боевой съ походнымъ вьюкомъ
У церкви ржетъ;— кого-то ждетъ.
Въ оградѣ бабка плачетъ съ внукомъ,
Молодка возлѣ слезы льетъ.

А изъ дверей святого храма
Казакъ въ доспѣхахъ боевыхъ
Идетъ къ коню, изъ церкви прямо
Съ отцомъ, въ кругу своихъ родныхъ,

Жена коня подводитъ мужу,
Племянникъ пику подаетъ.
„Вотъ“ — говоритъ отецъ- „послушай
„Моихъ рѣчей ты напередъ.
„Мы послужили Государю,
„Теперь тебѣ чередъ служить,
„Ну, поцѣлуй же женку Варю,
„И Богъ тебя благословитъ!
„И да пошлетъ тебѣ Онъ силы
„Долгъ службы свято соблюдать,
„Служить, какъ мы Царю служили,
„И славу рода поддержать.
„Иди туда, куда укажутъ
„Господь, начальство и чередъ,
„Когда же въ бой летѣть прикажутъ,
„Благословясь ступай впередъ!...
„Но ни въ бою, ни передъ боемъ
„Ты не бранися, не ругай;
„Будь христіанинъ и передъ боемъ
„Крестомъ себя ты осѣняй...
„Коня даю тебѣ лихого,
„Онъ добровитъ былъ у меня.
„Онъ твоего отца сѣдого
„Носилъ въ огонь и изъ огня.
„А добрый конь — все наше счастье,
„И честь и слава казака,
„Онъ нуженъ въ счастьѣ и въ напасти,
„И за врагомъ и на врага!
„Конь боевой всего дороже,
„И ты, мой сынъ, имъ дорожи,
„И лучше самъ ты ѣшь по плоше,
„А лошадь въ холѣ содержи!
„Тотъ колетъ пикою ловчѣе,
„И въ дѣлѣ тотъ и молодецъ,
„Кому коня добылъ добрѣе
„Дѣдъ, прадѣдъ, дядя иль отецъ...
„А вотъ и пика родовая
„Подруга славы и побѣдъ,
„И наша шашка боевая —
„Съ ней бился я и бился дѣдъ!
„Исправенъ будь! и старшихъ слушай,
„Найди товарища себѣ.
„Живите съ нимъ душа въ душу,
„Клянитесь выручить въ бѣдѣ!...
„Куда придешь — ты, первымъ дѣломъ,
„Развѣдай все, — до пустяка.
„Гдѣ трактъ какой, кто есть, примѣромъ,
„Гдѣ лѣсъ, гдѣ села, гдѣ рѣка.
„Тогда ты свой въ чужой сторонкѣ,
„И командирамъ ты рука!
„Вѣдь ловкость, сметка да сноровка...
„Весь капиталъ у казака!...

Прощаніе казака.

Простите отецъ, мать родные,
Простите сына своего,
Считайте дни, вы остальные,
Часы гулянья моего.
Простите стежки и дорожки,
И всѣ, вы милые друзья,
Сажусь я на коня гнѣдого,
Слезою грудь всю оболью,
Иду въ чужую я сторонку
Служить батюшкѣ Царю.
Богъ знаетъ когда возвращуся
Опять на родину свою.
Хотя намъ служба не тяжела,
Но и нѣтъ тамъ маменьки родной,
Одно, въ походахъ только трудно,
На квартирушкахъ хоть плачь,
Чужая-жъ маменька не скажетъ:
Возьми сынокъ да съѣшь калачъ.

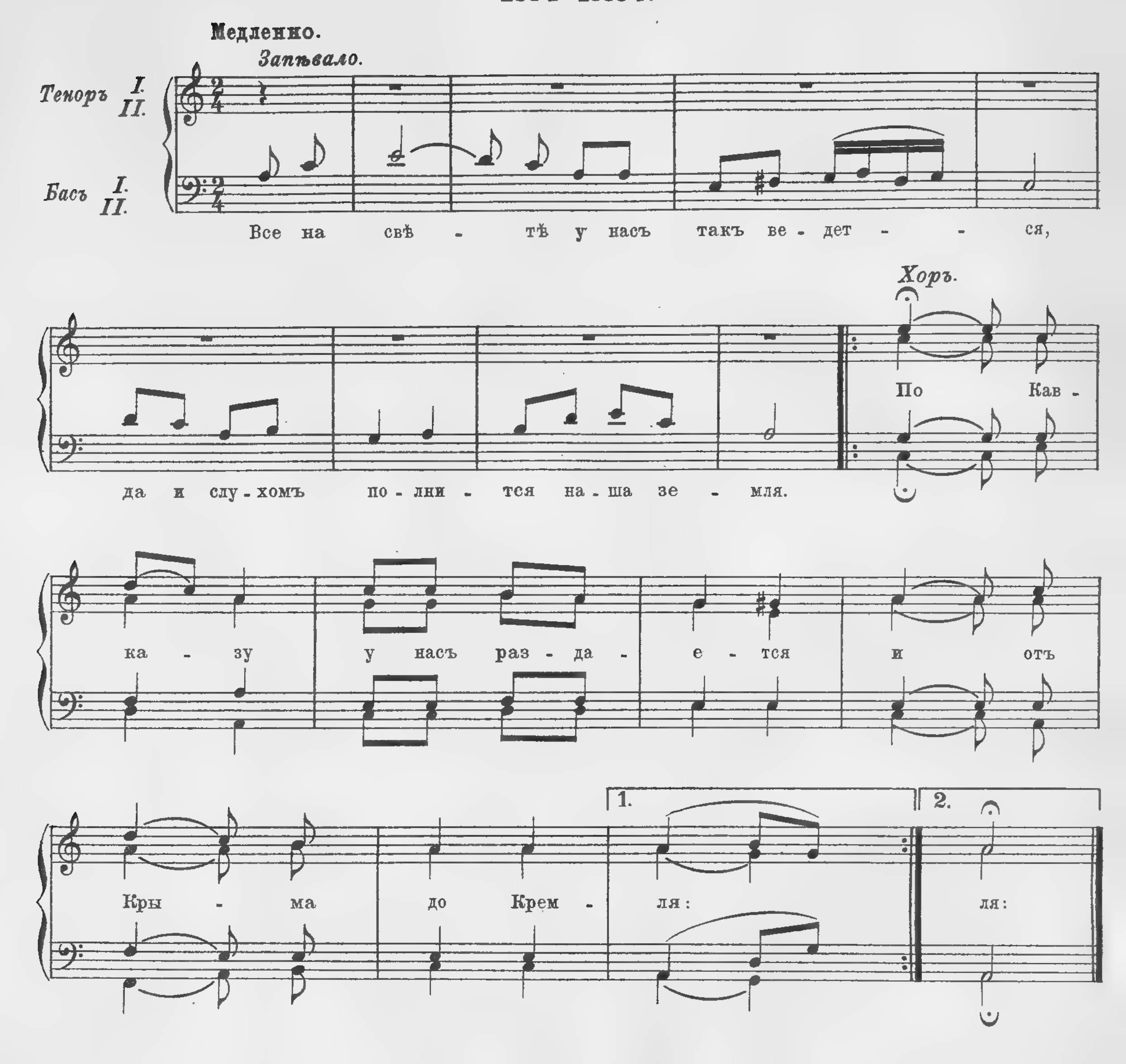
Александръ I.

Какъ поѣхалъ Александра,
Свою армію смотрѣть,
Обѣщался Императоръ
Къ Рождеству домой прибыть,

Вотъ всѣ праздники проходятъ,
Александра дома нѣтъ.
Его маменька родная
Стосковалася по немъ.

Выйду, выйду на ту башню,
Которая выше всѣхъ,
Посмотрю я въ ту сторонку,
Отколь Царь долженъ прибыть.

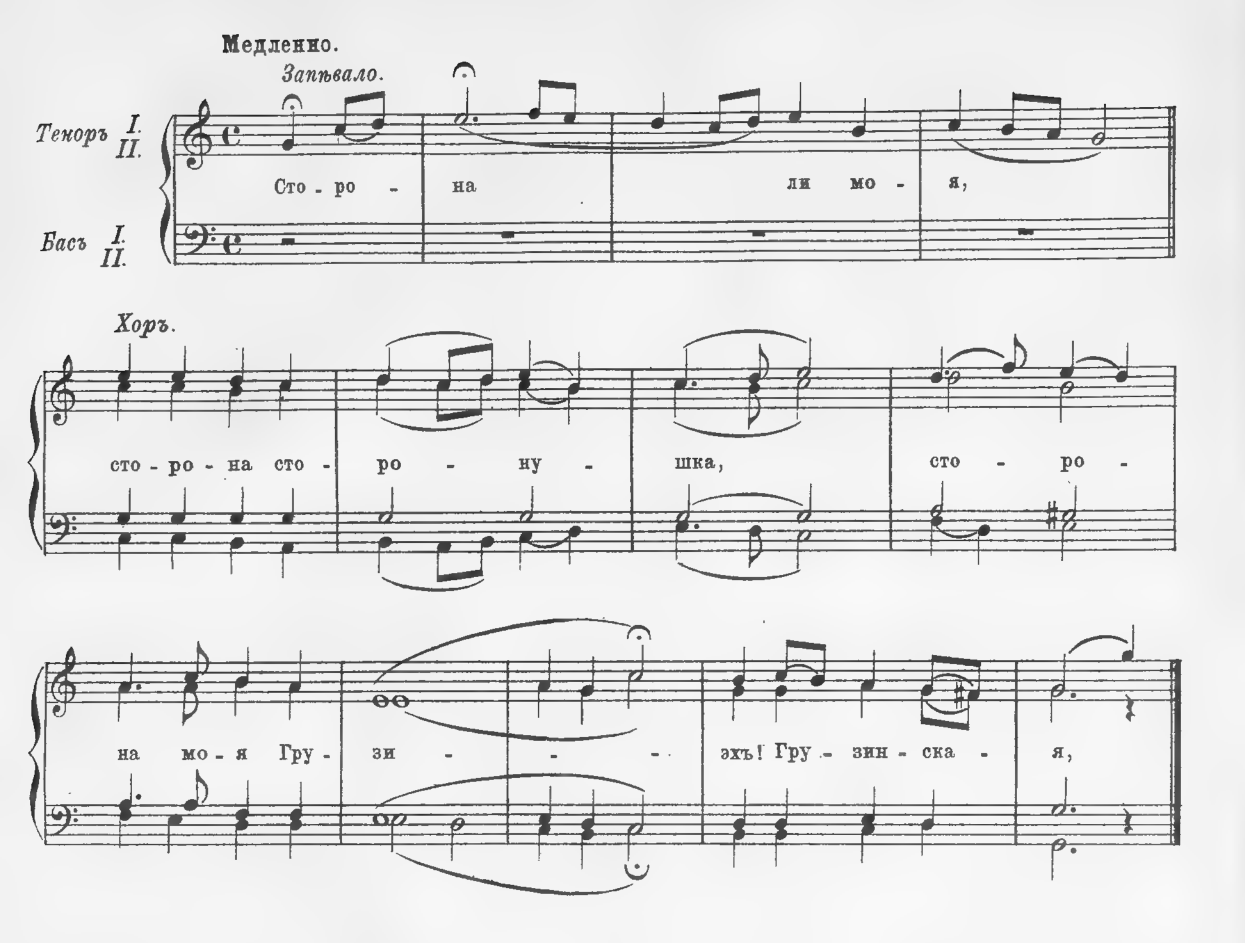
Да по Питерской дорожкѣ,
Молодой курьеръ бѣжитъ!
„Умеръ, умеръ Александра,
„Въ Таганрогѣ жизнь скончалъ!“

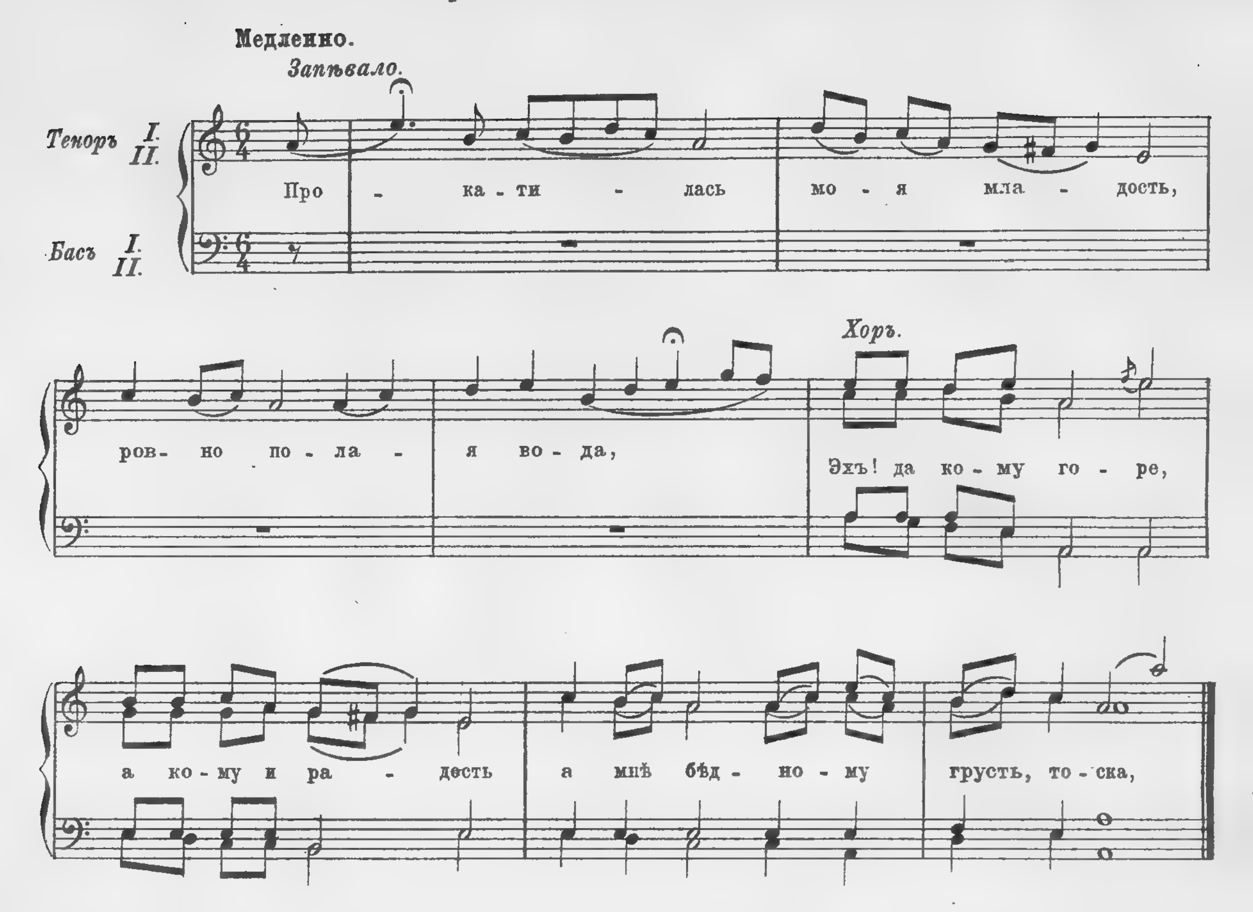
Малаховъ курганъ.

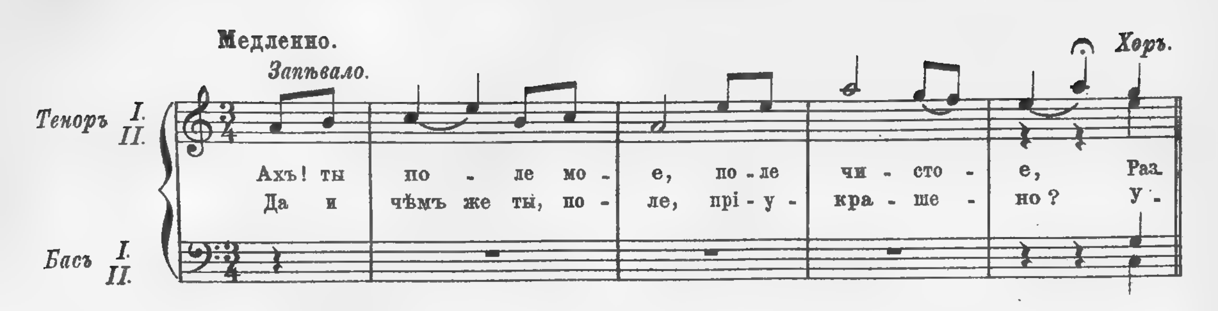
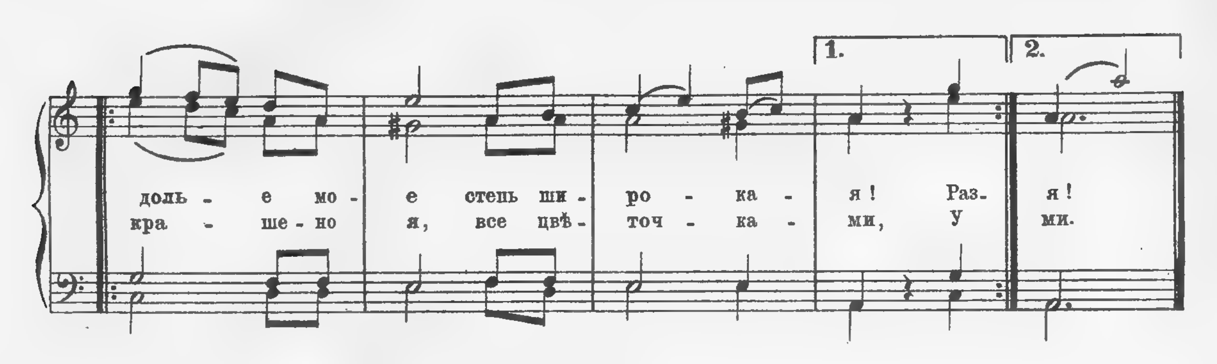
1854–1855 г.

Все на свѣтѣ у насъ такъ ведется,
Слухомъ полнится наша земля.
По Кавказу у насъ раздается
И отъ Крыма до Кремля:
Во Крыму было въ прошедшемъ годѣ,
Къ намъ пріѣхалъ туда Генералъ,
Сотню первую свою собралъ онъ,
Союзниковъ поджидалъ.

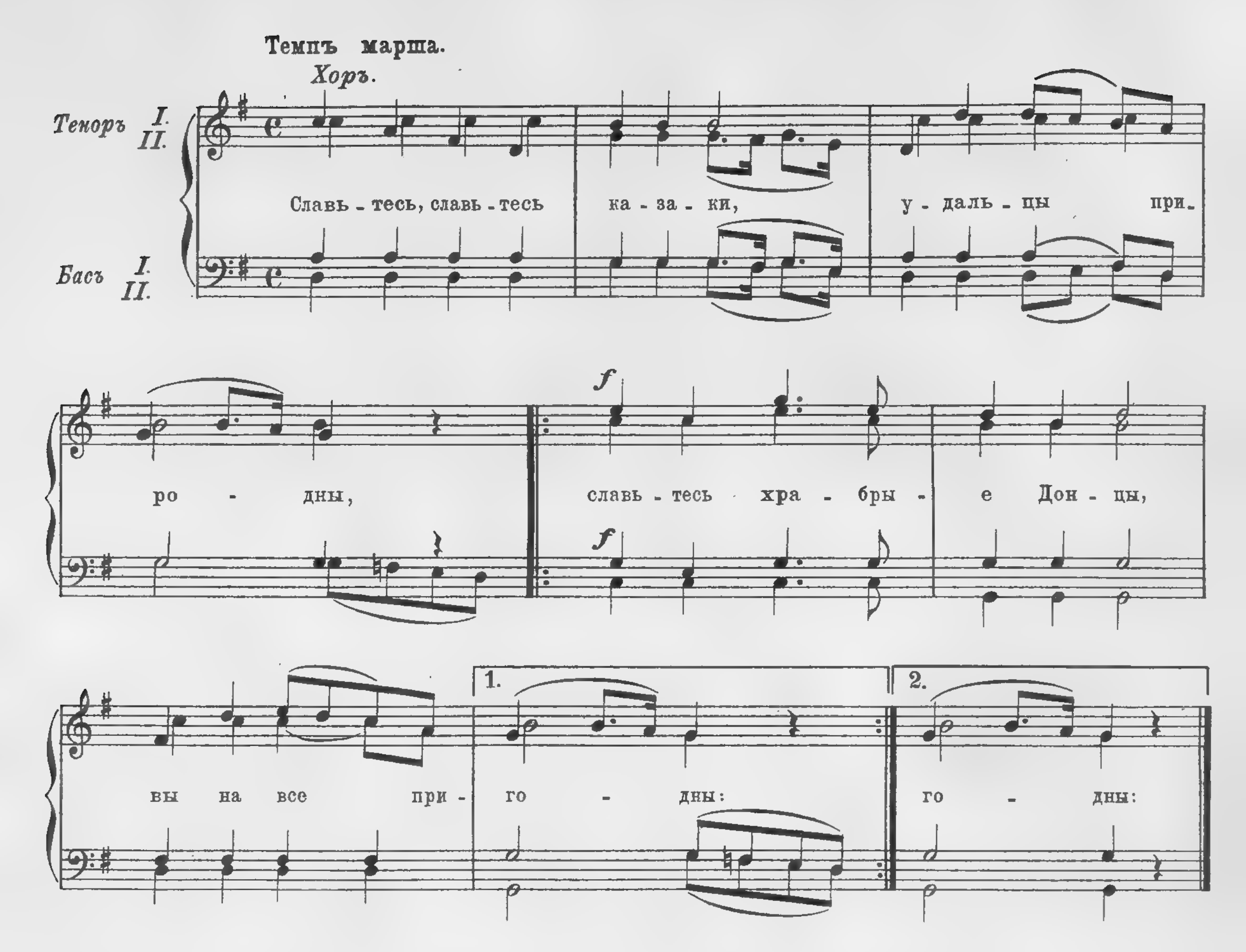
Какъ шестого[1] было утромъ рано,
Билъ тревогу въ войскахъ барабанъ,
Англичанинъ, Французъ, Турокъ
Забралися на курганъ.
Казаки бѣгутъ къ отряду,
Поспѣшаютъ встрѣтить всѣ врага.
У казаковъ сердце бьется,
Кровь геройская кипитъ.
Звукъ изъ пушекъ раздается,
Всякій броситься хотитъ!

[1] 6 Іюня 1855 года.

Служба въ Грузіи.

Сторона- ли моя, сторона сторонушка
Сторона моя Грузинская,
Я не самъ- ли зашелъ на эту сторонушку,
Завела- ли служба Царская!
Я служилъ-ли на тебѣ сторона чужая,
Служилъ ровно девять лѣтъ,
Не получалъ я съ Дону вѣсточки,
Ни отъ батюшки, ни отъ матушки,
На десятый годъ получилъ отъ дядюшки,
Пишетъ: что отца въ живыхъ ужъ нѣтъ,
Родная матушка больна лежитъ,
Молода-жъ жена забыла меня,
Малыхъ дѣтушекъ по людямъ раздала,
Сама— шельма со двора сошла.

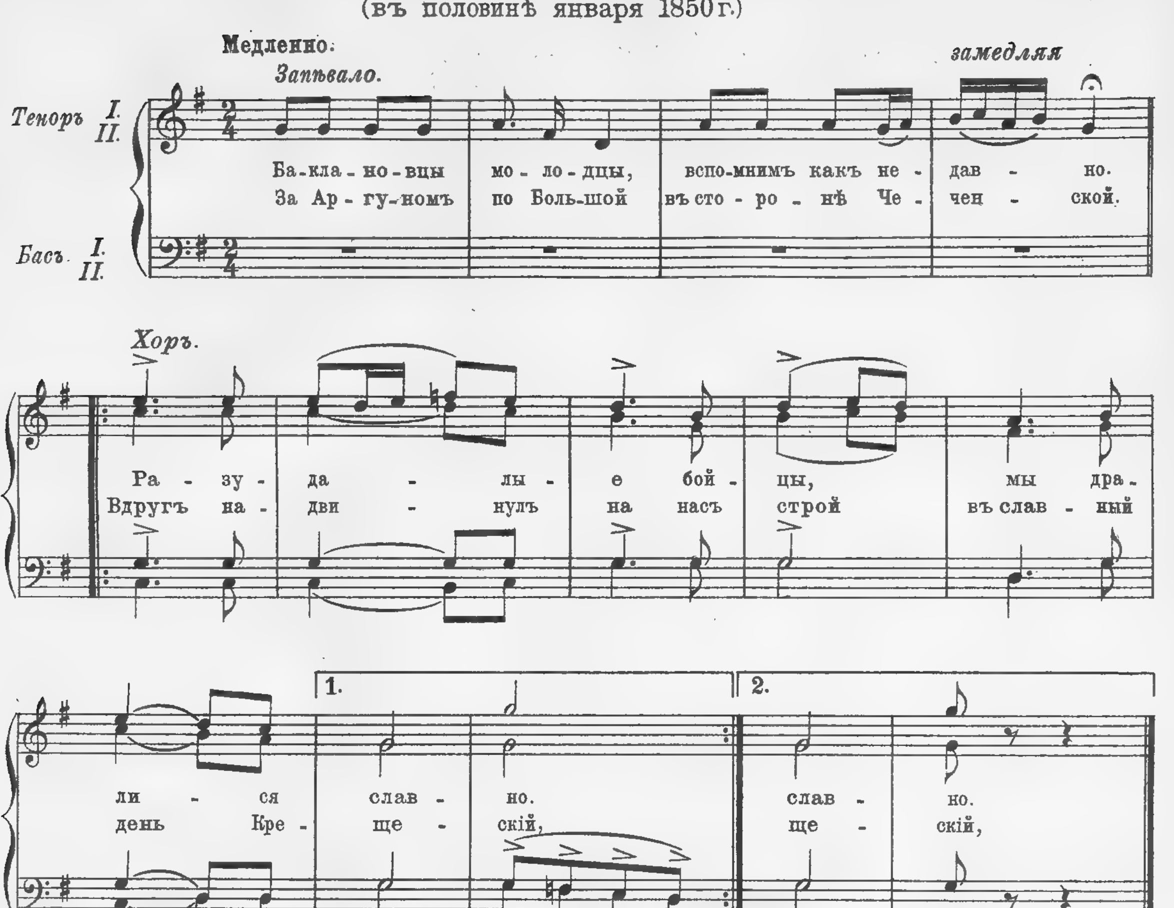
Прокатилась моя младость.

Прокатилась моя младость,
Ровно полая вода,
Эхъ! да кому горе, а кому и радость
А мнѣ бѣдному грусть, тоска,
Настигала меня старость,
Точно лютая зима.
Шелъ на службу, я былъ молодъ
Не тужилъ я ни по комъ.
Семь лѣтъ службы въ Грузіи довольно,
Чтобъ вернуться старикомъ.
Море синее глубоко,
Не увидишь въ морѣ дна,
Такъ и молодость моя ушла далеко
Не увидишь ее никогда!

Раненый казакъ.

Ахъ! ты поле мое, поле чистое,
Раздолье мое, степь широкая!
Да и чѣмъ же ты, поле, пріукрашено?
Украшено я, все цвѣточками,
Все цвѣточками василечками.
По среди поля часть ракитовъ кустъ,
Подъ кустомъ лежитъ молодой казакъ,
Молодой казакъ весь израненый.
Въ головахъ у него бѣлъ— горючъ камень,
Въ рукахъ у него шашка вострая,
Въ груди у него пуля мѣткая,
Въ ногахъ у него стоитъ добрый конь.
„Ужъ ты конь, ты мой конь, ты товарищъ мой,
„Ты ступай, бѣги, ты на тихій Донъ,
„Поклонись родимымъ: отцу, матери,
„Ты скажи, скажи молодой женѣ:
„Какъ женилъ меня, бѣлъ— горючъ камень,
„Обвѣнчала меня, шашка вострая,
„Молода жена, пуля мѣткая!“

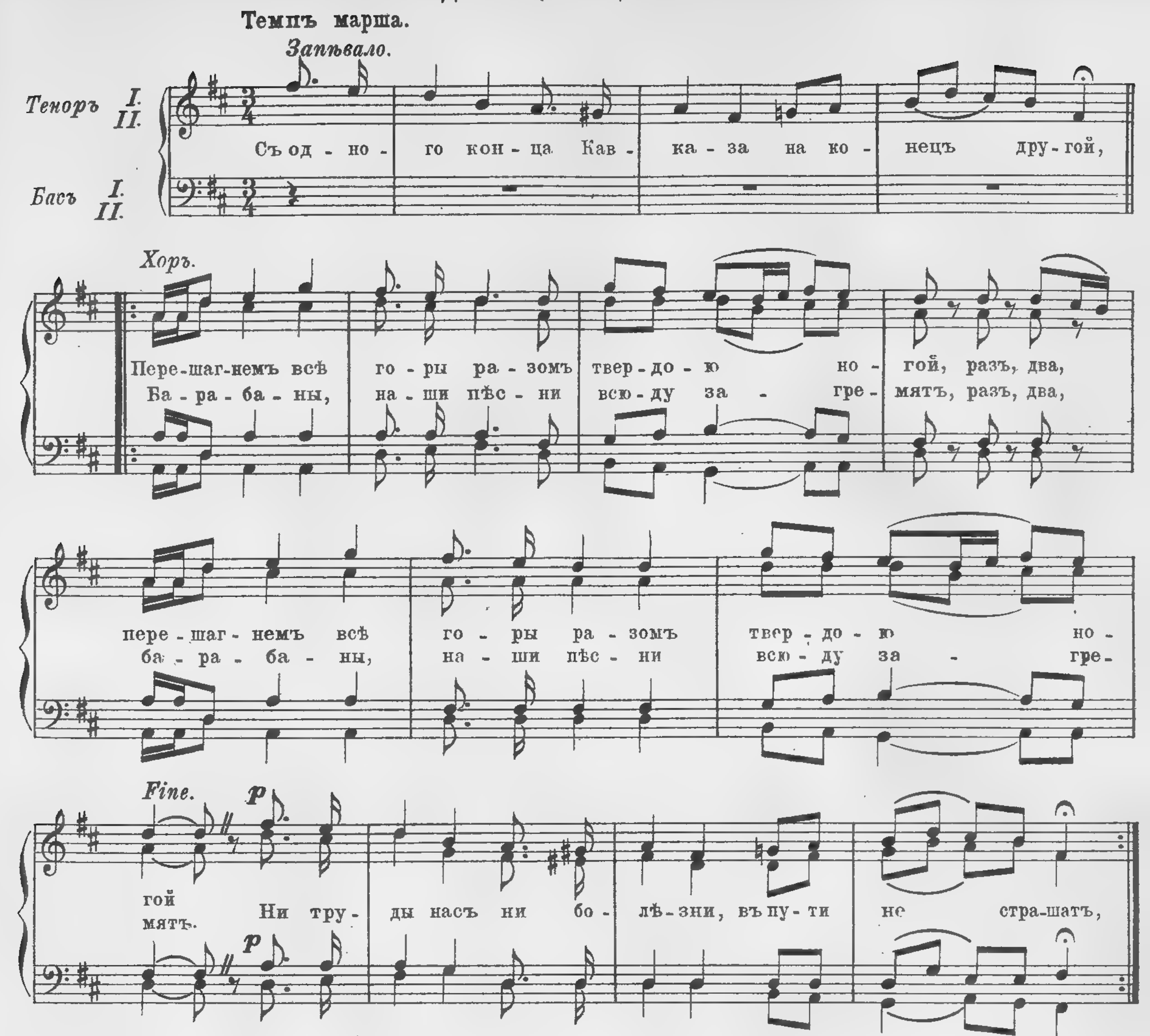
Казаки въ Венгріи 1849 г.

Славьтесь, славьтесь казаки,
Удальцы природны,
Славьтесь храбрые Донцы,
Вы на все пригодны:
Не страшитъ васъ пуля, мечъ,
Не страшитъ ядро, картечь,
Горы и долины, топи и стремнины,
Гдѣ въ васъ нужность, вы туда
Орлами летали,
Подъ орудія мѣста, мигомъ занимали,
Въ рѣки стройно вы неслись,
Берега отъ васъ тряслись!
Вы спасали нѣмца, карали венгерца
И награду отъ Царя, за то получили,
И отъ буйства венгровъ, разомъ отучили,
И венгерскій духъ поникъ,
Устрашась казачьихъ пикъ,

А пушки казацки,
Разили ихъ хватски.
Царь отецъ вамъ знамя далъ,
Да знаютъ потомки,
Доблести своихъ отцовъ
Къ славѣ Дона громки,
Пусть стараются служить,
Къ славѣ Дона послужить,
Безстрашно сражаясь,
Славой возвышаясь.
Государь внемли Донцамъ!
Умереть мы рады!
За всѣ милости твои
За твои награды.
Укажи лишь гдѣ враги,
Стройно съ крикомъ ги, ги, ги,
Врага уничтожимъ,
На мѣсто положимъ.

Набѣгъ Бакланова къ Мичику.

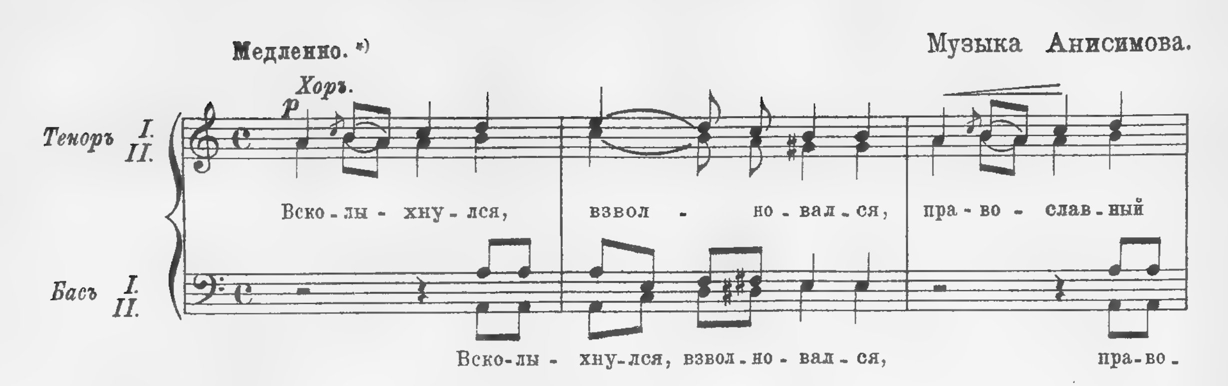
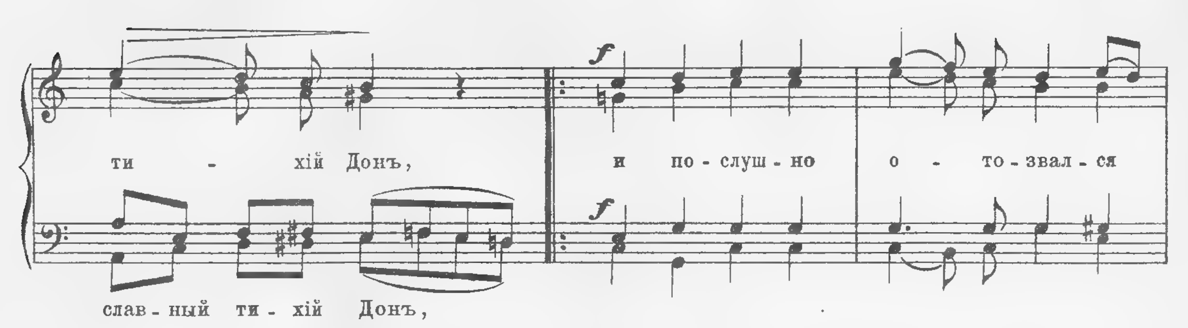
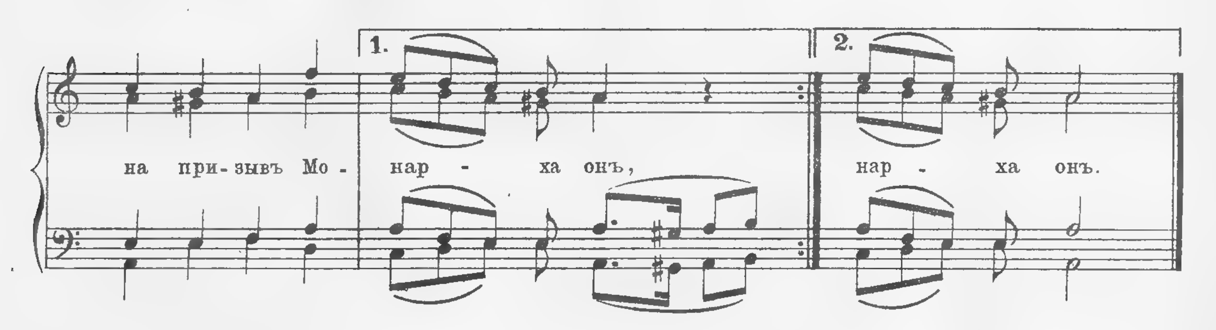
(въ половинѣ января 1850 г.)

Баклановцы молодцы,
Вспомнимъ, какъ недавно,
Разудалые бойцы,
Мы дралися славно
За Аргуномъ по Большой
Въ сторонѣ Чеченской.
Вдругъ надвинулъ на насъ строй
Въ славный день Крещенскій,
За рѣчкою Мичукомъ
Насъ Январь прославилъ,
Въ восемнадцато число
Онъ насъ призабавилъ.
Тотъ счастливый нашъ день былъ,
Въ памяти остался,
Нашъ Бакланъ враговъ разилъ,
Мичукъ обливался, [1]
Барятинскій предводилъ,
Храбрыми войсками,
Онъ безстрашно проходилъ
Между горъ, лѣсами.
Подполковникъ нашъ Баклановъ
Стоялъ передъ строемъ,
Ободрялъ онъ молодцовъ,
Своихъ онъ героевъ.
Онъ приказы отдавалъ
Всѣмъ своимъ героямъ,
Три, четыре пули далъ [2]
Не попалъ — оставилъ!

1) обливался кровью.
2) Залпы.

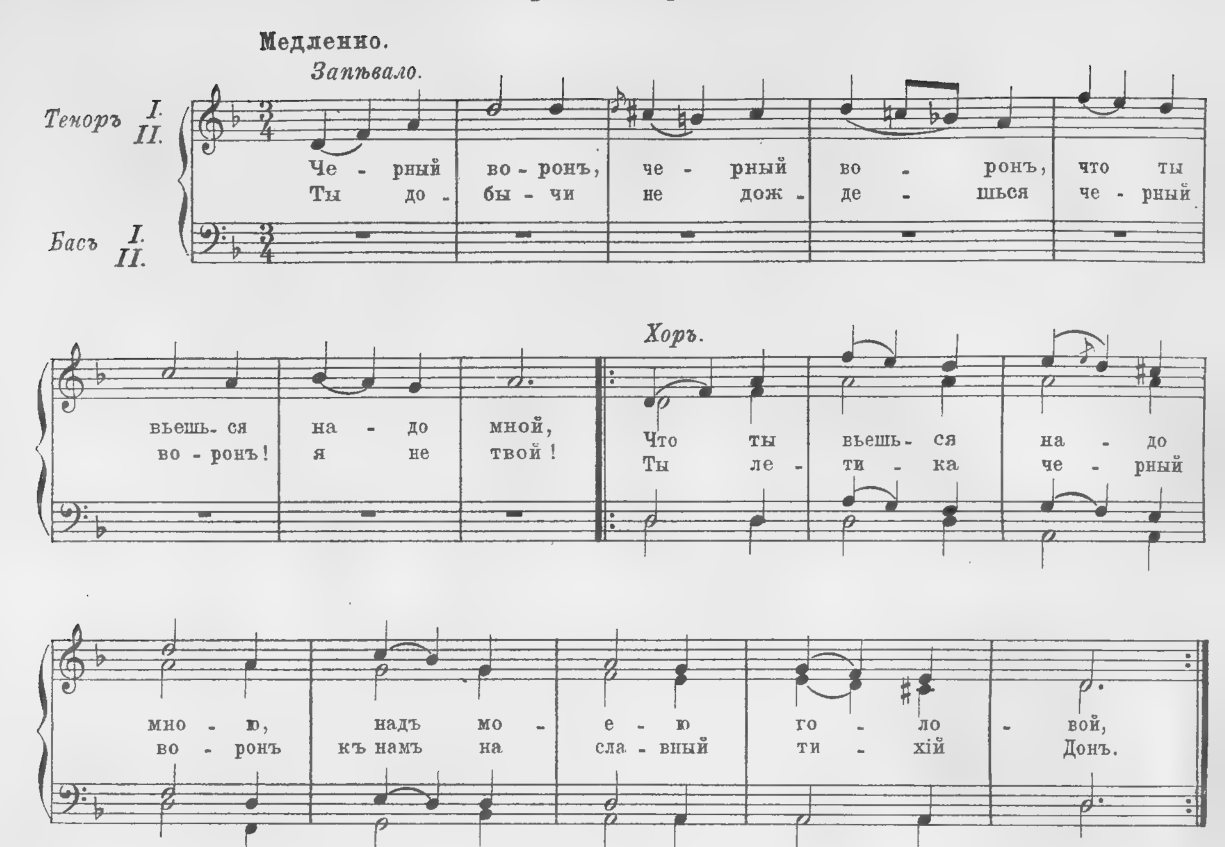
Съ одного конца Кавказа.

Съ одного конца Кавказа
На конецъ другой,
Перешагнемъ всѣ горы разомъ,
Твердою ногой!
Разъ, два,
Перешагнемъ всѣ горы разомъ,
Твердою ногой!
Ни труды насъ, ни болѣзни,
Въ пути не страшатъ,
Барабаны, наши пѣсни,
Всюду загремятъ!
Разъ, два,
Барабаны, наши пѣсни,
Всюду загремятъ!
Мы всегда били невѣрныхъ,
А коль Царь велитъ,
Русскій нашъ орелъ двуглавый
Всюду залетитъ!
Разъ, два,
Русскій нашъ орелъ двуглавый
Всюду залетитъ!
На войну какъ на охоту
Съ радостью идемъ,
И Турецкую пѣхоту,
Ровно зайцевъ бьемъ!
Разъ, два,
И Турецкую пѣхоту,
Ровно зайцевъ бьемъ!
Офицеры удалые,
Родомъ всѣ Донцы,
Не смотря, что молодые,
Въ дѣлахъ молодцы!
Разъ, два,
Не смотря, что молодые,
Въ дѣлахъ молодцы!

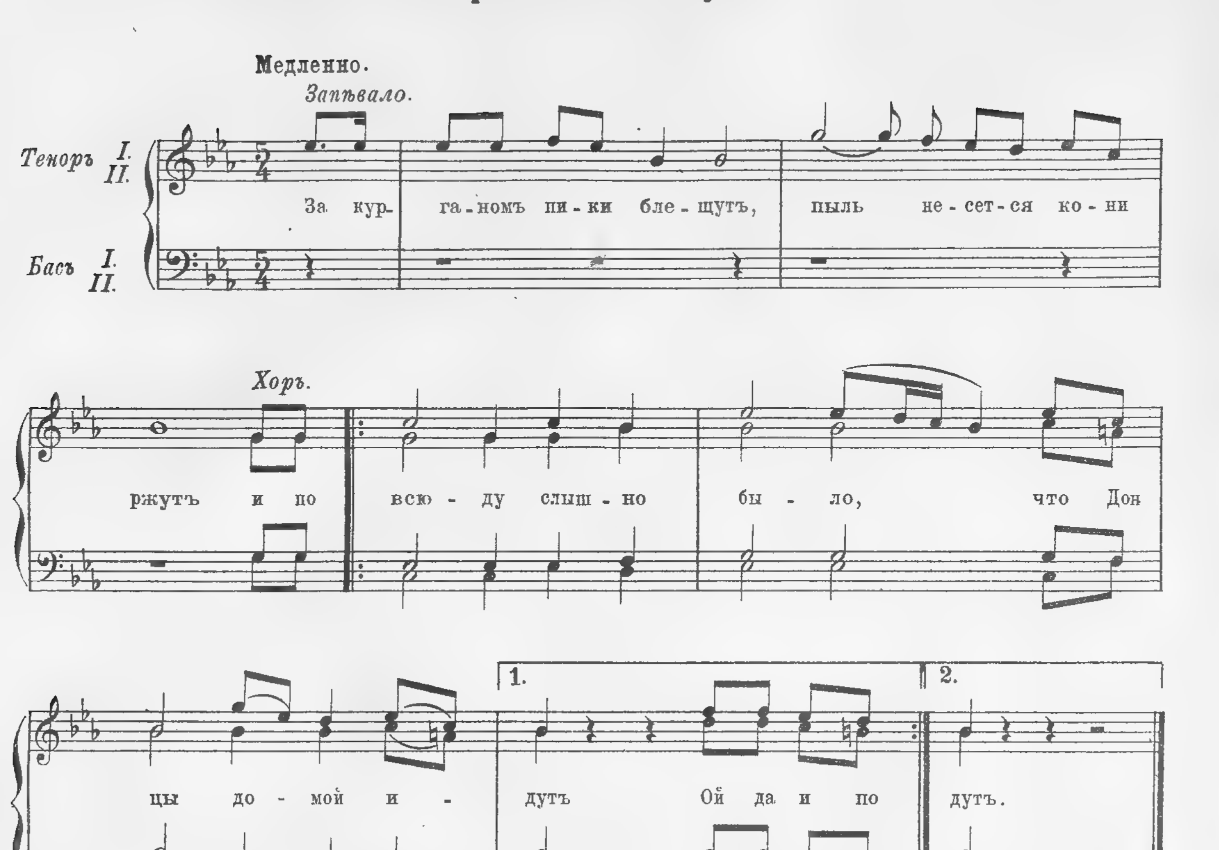
Всколыхнулся, взволновался.

Медленно. *)

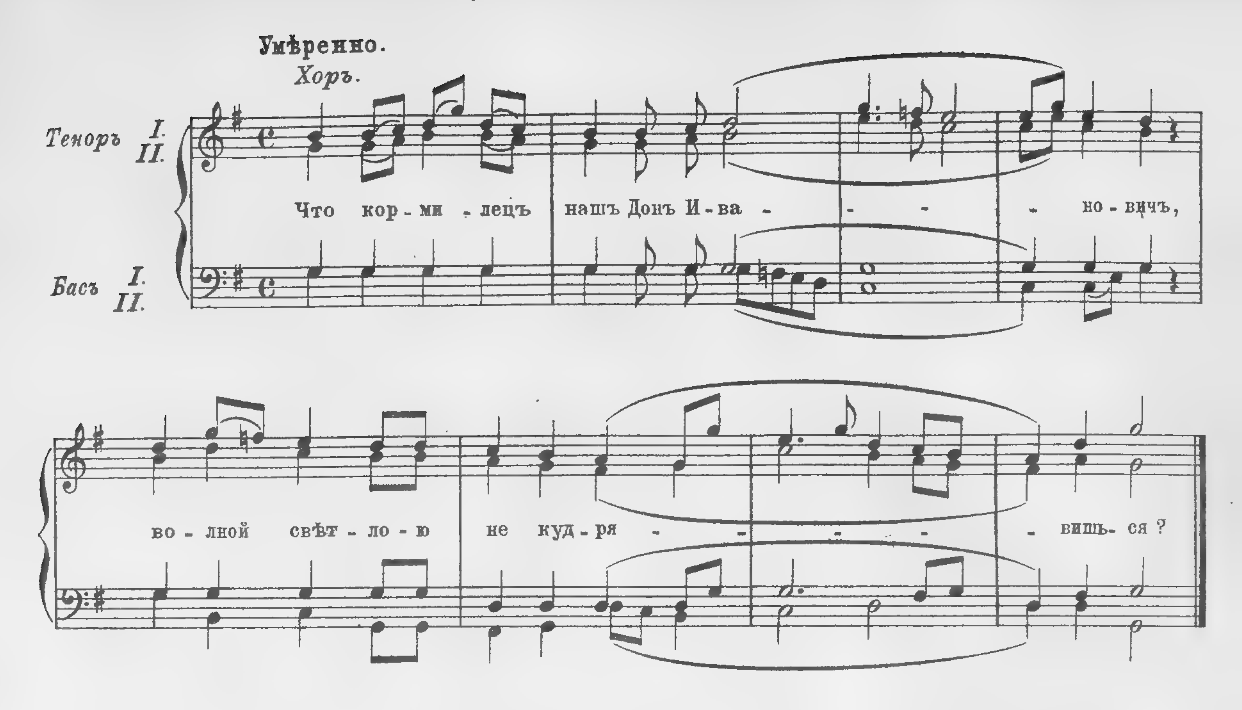
Музыка Анисимова.

Всколыхнулся, взволновался,
Православный тихій Донъ,
И послушно отозвался
На призывъ Монарха онъ,
Онъ дѣтей своихъ сзываетъ,
На кровавый бранный пиръ,
Къ Туркамъ въ гости снаряжаетъ,
Чтобъ добыть Россіи миръ.
Съ Богомъ, дѣти, вѣдь широкій
Переплыть вамъ лишь Дунай,
А за нимъ ужъ недалеко
Цареградъ и нашихъ знай.
Сорокъ лѣтъ тому въ Парижѣ
Насъ прославили отцы,
Цареградъ — еще къ намъ ближе...
Въ путь-же, съ Богомъ, молодцы!
Стойте крѣпко за святую
Церковь, общую намъ мать—
Богъ вамъ дастъ луну чужую,
Съ храмовъ Божіихъ сорвать,
На мѣстахъ, гдѣ чтутъ пророка,
Скласть Христовы алтари,
И тогда къ звѣздѣ востока
Придутъ съ запада Цари!
Надъ землею всей прольется
Мира кроткаго заря,
И до неба вознесется
Слава Русскаго Царя!

*) можно и темпъ марша.

Черный воронъ.

Черный воронъ, черный воронъ,
Что ты вьешься надо мной,
Что ты вьешься надо мною,
Надъ моею головой,
Ты добычи не дождешься:
Черный воронъ!— я не твой!
Ты лети-ка черный воронъ,
Къ намъ на славный тихій Донъ,
Отнеси-ка черный воронъ
Отцу, матери поклонъ,
Отцу, матери поклонъ,
И женѣ-ли молодой,
Ты скажи ей черный воронъ,
Что женился на другой,
На пулечкѣ свинцовой.
Наша свашка— была шашка,
Штыкъ булатный былъ дружкомъ,
А вѣнчался я на полѣ
Подъ ракитовымъ кустомъ.

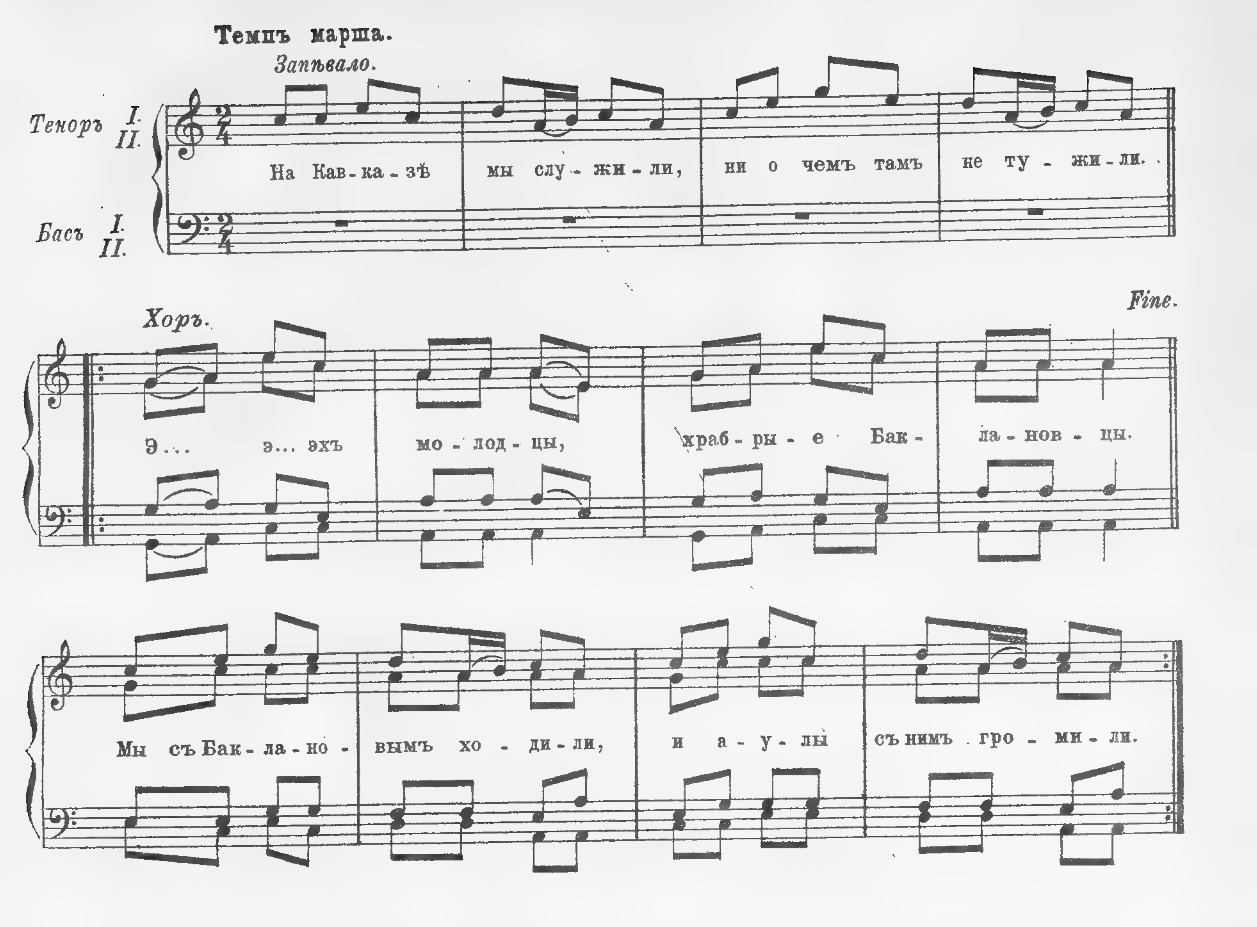
Возвращеніе со службы.

За курганомъ пики блещутъ,
Пыль несется, кони ржутъ
И по всюду слышно было,
Что Донцы домой идутъ.
Подходили къ Дону близко,
Тотъ-часъ кивера долой,
Поклонились Дону низко.
„Здравствуй нашъ отецъ родной!“
А рѣка кипитъ и блещетъ,
И вздымается горой,
И въ лицо имъ влагой плещетъ
И купаетъ ихъ волной.

„Ты кормилецъ нашъ сердечный,
„Или ты про насъ забылъ,
„Или ты про насъ забылъ,
„Или ты насъ разлюбилъ?“
„Я не сержусь на васъ дѣти
Тихій Донъ проговорилъ:
„И я радъ, что Богъ васъ дѣти
„Здоровыми воротилъ!
„А безъ васъ тутъ грусть напала,
„Вспомянулась старина,
„Вы пришли и силъ не стало,
„Слезы брызнули со дна!“

Донъ Ивановичъ.

Что кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ,
Волной свѣтлою не кудрявишься?
Али впала въ умъ дума крѣпкая?
Аль колодою грусть налегла на грудь?
Аль провѣдалъ ты, что Турчанинъ злой,
Замышляетъ насъ полонить съ тобой?
Нѣтъ, сыны мои, соколы мои,
Я лишь всласть дремлю и не думаю,
Легко дышетъ грудь, нѣтъ кручины въ ней,
А Турчанинъ злой не забылъ Азовъ!
Да межъ вами есть, въ стадѣ соколовъ,
Орелъ старый, Николаевскій [1])
Изъ бывалыхъ онъ, слышалъ громъ войны,
Плечи мѣрялъ онъ съ силой вражею,
Голова его серебромъ блеститъ,
Очи влажные полны разума.
Грудь широкая вся въ крестахъ, звѣздахъ,
А подъ ними душа крѣпкая.
Не тревожьте жъ мой покой сыны
Я вздремну сыны пока съ вами онъ!

[1]) Генералъ-Лейтенантъ Я. П. Баклановъ.

На кавказѣ мы служили.



На Кавказѣ мы служили,
Ни о чемъ тамъ не тужили.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Мы съ Баклановымъ ходили
И аулы съ нимъ громили.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
На Чеченцевъ нападали:
Ихъ рубили и въ плѣнъ брали.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
За то кресты намъ давали
И на груди надѣвали.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Вдругъ пришелъ приказъ, весной
Полку нашему домой.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!

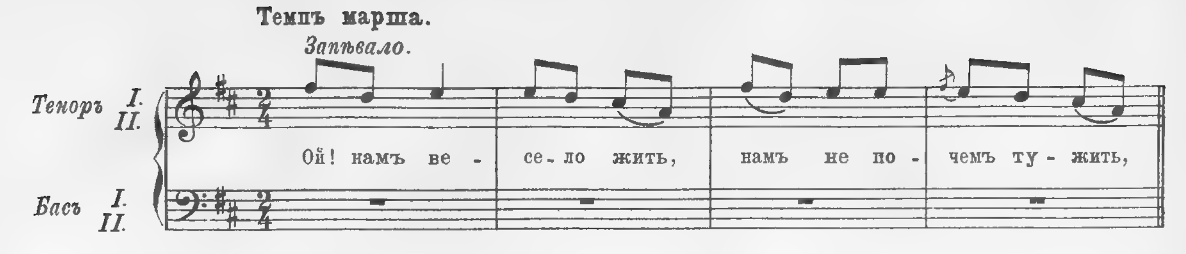
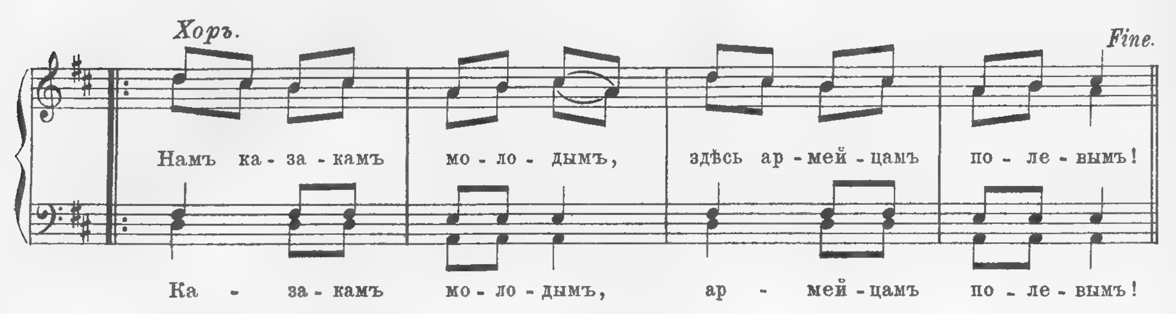
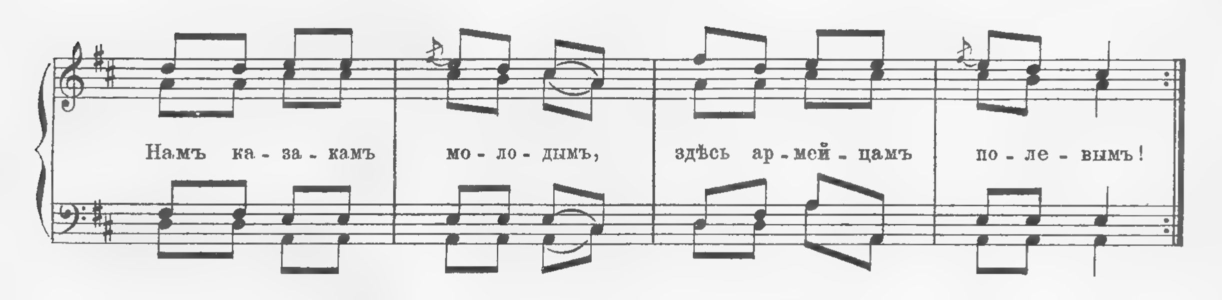
Чемязины [1] наши полны,
Ну и мы были довольны.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Мы съ Кавказомъ распростились,
И на тихій Донъ пустились.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
На Майданъ [2] когда попали,
Стариковъ всѣхъ увидали.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Жены, дѣти насъ встрѣчали,
Обнимали, цѣловали.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Мы икону принесли, [3]
Въ церковь Божію внесли.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
На аналой положили
И молебенъ отслужили.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
По домамъ мы разошлись
И гулять всѣ принялись.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Много пили и гуляли,
Бакланова вспоминали.
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Нашъ Баклановъ молодецъ,
Онъ намъ былъ родной отецъ!
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!
По сабѣ [4] дня три ходили,
Кавказъ, Грузію забыли!
Э... э... эхъ молодцы,
Храбрые Баклановцы!

1) „Чемязинъ“ длинный кожаный кошелекъ для денегъ, который обвязывался кругомъ тѣла въ видѣ пояса.

2) „Майданъ“. Около станицы возвышенное мѣсто, откуда провожаютъ казаковъ на службу и тамъ же ихъ встрѣчаютъ.

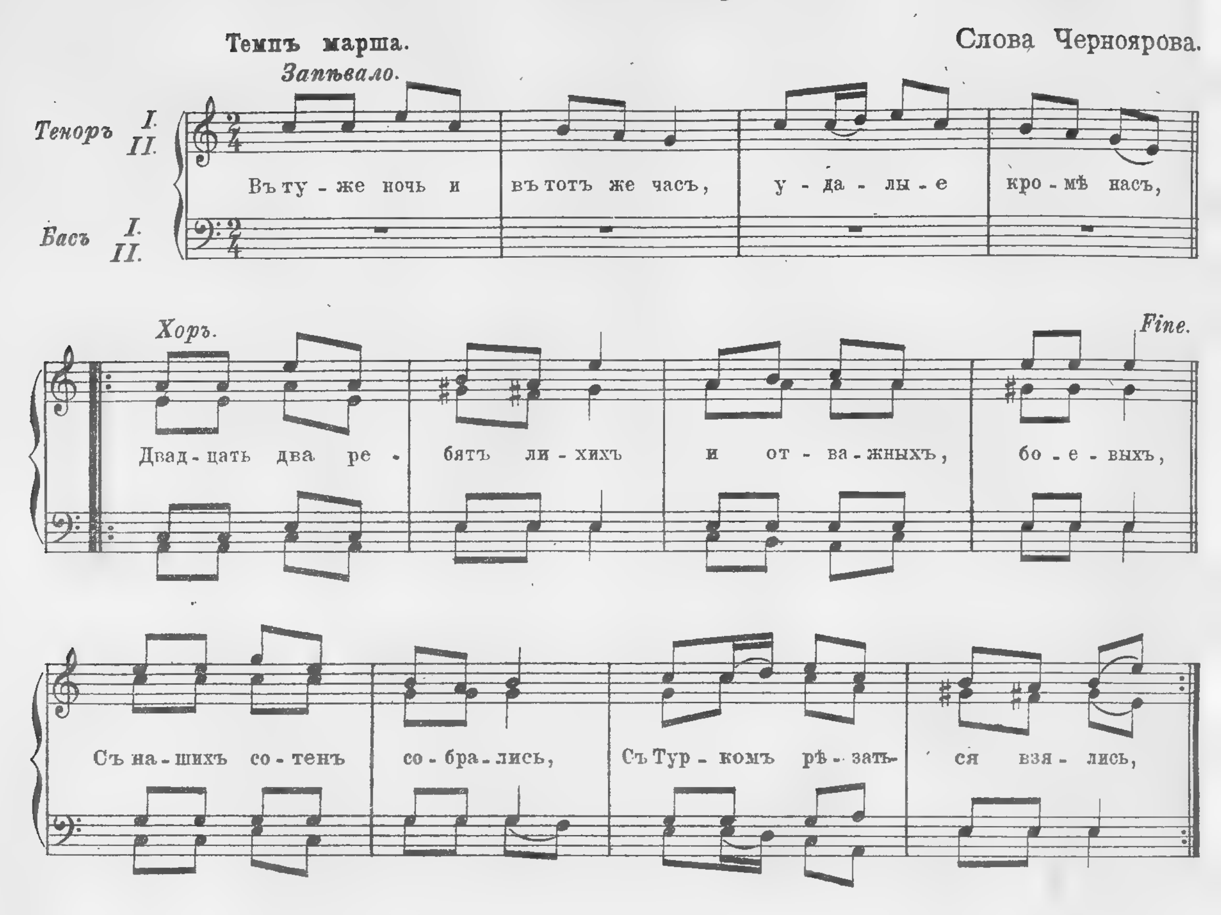
3) Когда казаки возвращаются со службы то всегда приносятъ икону въ мѣстный храмъ.

4) „По сабѣ“ ходятъ по роднымъ и знакомымъ, которые были при встрѣчѣ, гдѣ пьютъ и веселятся.

Ой! намъ весело жить.

Ой! намъ весело жить
Намъ не по чемъ тужить,
Намъ казакамъ молодымъ,
Здѣсь армейцамъ полевымъ!
Только та наша бѣда,
Что холодная зима.
Зима лютая проходитъ,
Весна красна настаетъ.
Весна красна настаетъ,
По утру рано вставать,
Намъ головушки чесать,
Чубы набокъ заводить,
На ученье выходить!
Послѣ коннаго ученья,
Перейдемъ мы въ лагерь жить,
Намъ въ лагеряхъ легче служба,
Межъ собою у насъ дружба.
Хлѣба, соли у насъ много,
Разныхъ порцій довольно,
На ученье ходимъ вольно.
Намъ ученье ничево,
Между прочимъ — тяжело:
Стой прямо, гляди браво,
Шашкой дѣлай хорошо,
Приступай правой ногой
Поворачивайся.
Офицеры наши хваты,
Веселѣе жить велятъ,
Мы на это всѣ взираемъ,
Всѣ мы ходимъ, пьемъ, гуляемъ,
Пьемъ, гуляемъ, щеголяемъ,
Щеголяемъ какъ хотимъ!
Намъ сударушки знакомы
Всегда въ гости зовутъ,
Вотъ зовутъ, зовутъ, зовутъ,
Всегда жалуютъ.

Разбитіе Турецкихъ пикетовъ

въ ночь съ 18 на 19 Ноября 1853 г.



Разбитіе Турецкихъ пикетовъ Донскими казаками Сазонова № 1 полка, въ ночь съ 18 на 19-е Ноября 1853 года.

Писано въ колоніи Салтуново Бессарабской губерніи 1-го Декабря 1853 года казакомъ Иваномъ Черноярововымъ.

Здравствуй другъ, станичникъ, кумъ,
И сосѣдъ и односумъ!
Мы ужъ долго не видались,
Помнишь-ли какъ мы разстались?
Гдѣ мы служимъ, гдѣ гуляемъ?
Какъ, братъ, вѣкъ мы коратаемъ?
Молвилъ такъ казакъ Гаврилычъ,
Слушалъ кумъ его Данилычъ.
И казаки здоровлялись,
Обнимались, цѣловались.
Вотъ Данилычъ отвѣчалъ
И товарищу сказалъ:

—Я живу братъ, не тужу,
Я въ Валахіи служу,
У Валуева въ полку
Быть припало старику.
Гдѣ же служишь ты Гаврилычъ?
Вопросилъ его Данилычъ.
— Аль не видишь, на погонѣ,
Номеръ первый въ чистомъ полѣ?
Я Сазонова полка,
Нашихъ видно съ далека!
Нашего полка казаки
Всѣ лихіе забіяки.

Командирушка герой
И предобрый и простой;
Царску службу славно знаетъ,
И ученье уважаетъ,
На конѣ сидитъ орломъ,
И правдивый онъ при томъ;
Дураковъ вишь распекаетъ,
И на разумъ наставляетъ,
Умныхъ любитъ какъ отецъ,
Однимъ словомъ молодецъ.
Нашъ поставленъ храбрый полкъ
Въ Бессарабскій уголокъ:
Мы въ цѣпи по— надъ Дунаемъ
Всѣ кордоны занимаемъ,
Съ устьевъ Прута до Чамала,
Вишь постовъ-то братъ не мало!
Вотъ что мнѣ пришло на умъ,
Хочешь-ли послушать кумъ?
Разскажу тебѣ я вѣсти,
Вотъ садись-ка со мной вмѣстѣ,
Я скажу, какъ мы гуляемъ,
Какъ дѣдовъ мы вспоминаемъ.
Ну, Гаврилычъ, удружи
Притчу эту разскажи:
Тутъ товарищъ помолчалъ
И разсказывать началъ:
Осенью во прошломъ годѣ,
По отличнѣйшей погодѣ,
Съ штаба грамоту прислали
И охотниковъ сзывали,
Чтобъ за Дунай перейтить,
Цѣпь Турецкую разбить.
Намъ за то кресты сулили,
Лишь-бы Турокъ разорили,
Насъ хватило за живое,
Заиграло ретивое!
Захотѣлось отличиться,
Чемязинъ вѣдь братъ пустой
Не показывай домой.
И во чтобы ужъ ни стало,
Сколько бъ Турокъ не бывало,
Мы рѣшилися идти,
Славу новую найти,
Басурмановъ наказать,
Удаль дѣдовъ показать.
Въ мигъ собрались молодцы
Наши бойкіе Донцы.

Насъ избрали двадцать шесть
И воздали намъ тутъ честь,
Самъ Полковникъ похвалилъ,
И на путь благословилъ.
И мы Богу помолились,
Съ односумами простились
Пики, ружья похватали
И на берегъ побѣжали,
За разъ въ лодочки мы сѣли
И за Дунай полетѣли.
А рѣка-то братъ рѣка!
И быстра, и глубока,
Шириною болѣ Дона...
Вотъ причалили къ кордону,
Вышли съ лодокъ и потомъ
Подошли къ нему тайкомъ.
Турки грѣлися у печи
И горѣли ярко свѣчи.
Намъ досадно и больно стало,
Что тамъ Турокъ было мало,
Ихъ тамъ было девять всѣхъ,
Такъ ужъ будто-бы на грѣхъ.
Не съ кѣмъ было погулять,
Но и этихъ не гдѣ взять!
Распахнувши настежъ двери,
Мы вскочили къ нимъ какъ звѣри,
Закричали имъ: пардонъ!
|: Такъ велитъ и нашъ законъ, :|
Мы пріѣхали къ вамъ въ гости
Перещупать ваши кости!
Сабли, ружья отдавайте,
И за нами въ слѣдъ ступайте,
Басурманы оробѣли,
И сдаваться не хотѣли,
За оружіе взялись,
Съ нами крѣпко задрались.
Мы въ отвѣтъ имъ десять пикъ,
И поднялся у нихъ крикъ.
Всѣхъ проклятыхъ перебили
И кордонъ огнемъ спалили.
Одного живого взяли
И пожитки ихъ забрали,
И четыре вражьихъ тѣла,
Въ знакъ охотничьяго дѣла,
На нашъ берегъ привезли,
Намъ хвалу тутъ принесли.

[1] Въ ту-же ночь и въ тотъ же часъ,
Удалые кромѣ насъ,
Двадцать два ребятъ лихихъ
И отважныхъ боевыхъ,
Съ нашихъ сотенъ собрались,
Съ Туркомъ рѣзаться взялись,
Лодка тамъ была готова,
Изъ кордона сто шестого,
Отвалили и катай,
Всѣ помчались за Дунай.
Вотъ и къ берегу пристали,
Мигомъ съ лодокъ по вставали,
Чрезъ камышъ тайкомъ прошли
И къ пикету подошли.
Вотъ счастливый былъ пріѣздъ!
Тутъ Турецкій былъ разъѣздъ.
Всѣхъ тамъ было тридцать пять,
Было съ кѣмъ тамъ погулять.
Въ три кружка они сидѣли,
Надъ огнемъ тамъ что то грѣли,
Трубки длинныя курили,
Что-то громко говорили.
Наши залпъ по нихъ задали
И на пики посажали;
Басурмане хоть смутились
А потомъ остервенились,
Тутъ пошла у нихъ возня
И жестокая рѣзня.
Вотъ потѣха-то была!
А ужъ часа братъ полтора
Наши славно тамъ гуляли,
Битыхъ Турокъ въ рвы валяли
Били, рѣзали, рубили,
Туркамъ хари колотили.
Пика мѣтка и остра,
Штыку родная сестра,
Разгулялася на волѣ
Какъ на чистомъ ратномъ полѣ,
Двадцать пять тамъ положили
И живого въ плѣнъ схватили,
Остальные испугались,
Затряслись и потерялись,
Стали громко всѣ кричать
И ударились бѣжать,
Съ казаками счетъ короткій
И раздѣлъ не такъ то ловкій,
Мы какъ грянемъ на Ура!
Потрясется и гора!
Мы бывало въ рогъ сгинали,
Не такихъ какъ эти твари,
А ужъ Турокъ-то катать,
Намъ легко, какъ перья драть.
Ну, вотъ наши все забрали,
Турка плѣннаго связали,
Два раза перекрестились
И потомъ назадъ пустились.
Правду матушку сказать,
Нашимъ было не подстать,
Четверымъ тамъ раны дали,
Но они какъ небывали,
Оконтузили троихъ,
Тоже не бѣда для нихъ.
Раны скоро залечили,
Пики, ружья починили,
Шашки остро наточили
И опять готовы въ бой,
Лишь бы было на какой.
Когда къ берегу пристали,
Всѣ удалыхъ поздравляли;
Славный Лидерсъ— Генералъ
Съ удовольствіемъ сказалъ:
Ай Сазоновцы лихіе!
Молодцы и удалые!
За труды вамъ исполать
И еще хочу сказать,
Что за удаль васъ хвалю
И представлю васъ Царю!
Что же больше казаку?
Славу заслужить полку.
А тутъ Царская награда
Душѣ славная отрада,
Рубля по три получили
Въ чемязины заложили
Голуны другимъ нашили,
Двое крестики схватили.
А ужъ Турки помнить будутъ
И казаковъ врядъ забудутъ!

[1] поется только съ этого мѣста.

Темпъ марша.

Запѣвало.

Теноръ I. II.

Басъ I. II.

Какъ въ сто - ли - цѣ Пе - тер - бу - ргѣ, надъ рѣч - ко - ю надъ Не - вой,

Хоръ.

Пра - вда, пра - вда, пра - вда лю - ли, надъ рѣч - ко - ю надъ Не - вой,

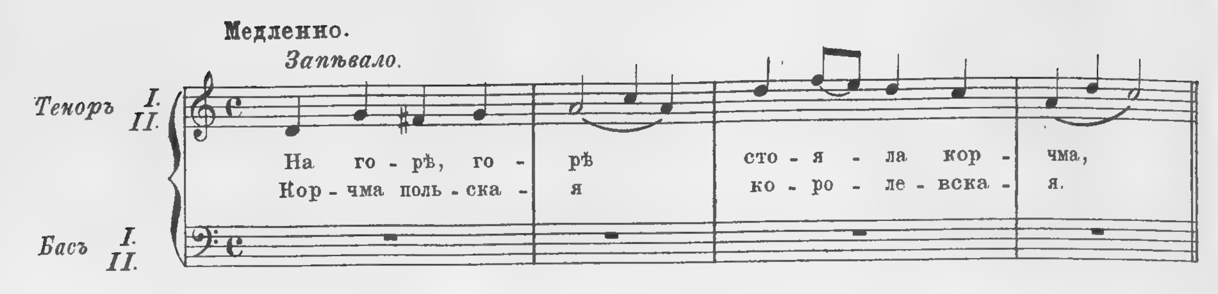
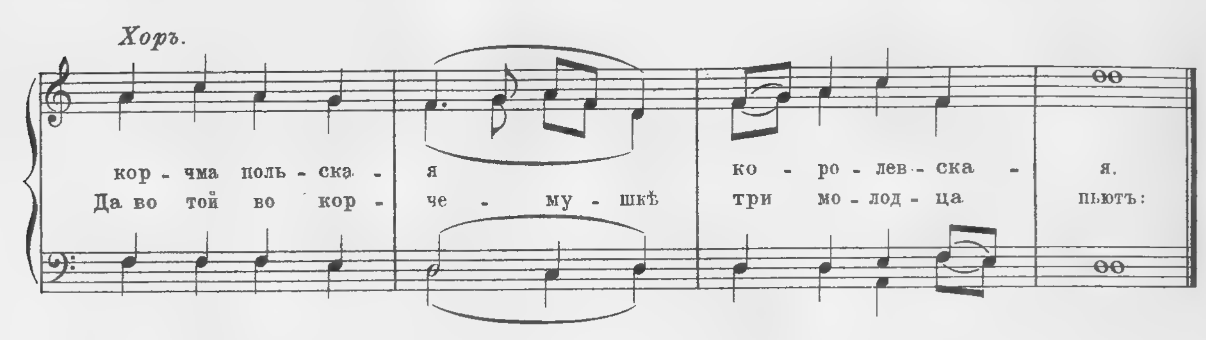
Пра - вда,

пра - вда, пра - вда, пра - вда лю - ли, надъ рѣч - ко - ю надъ Не - вой.

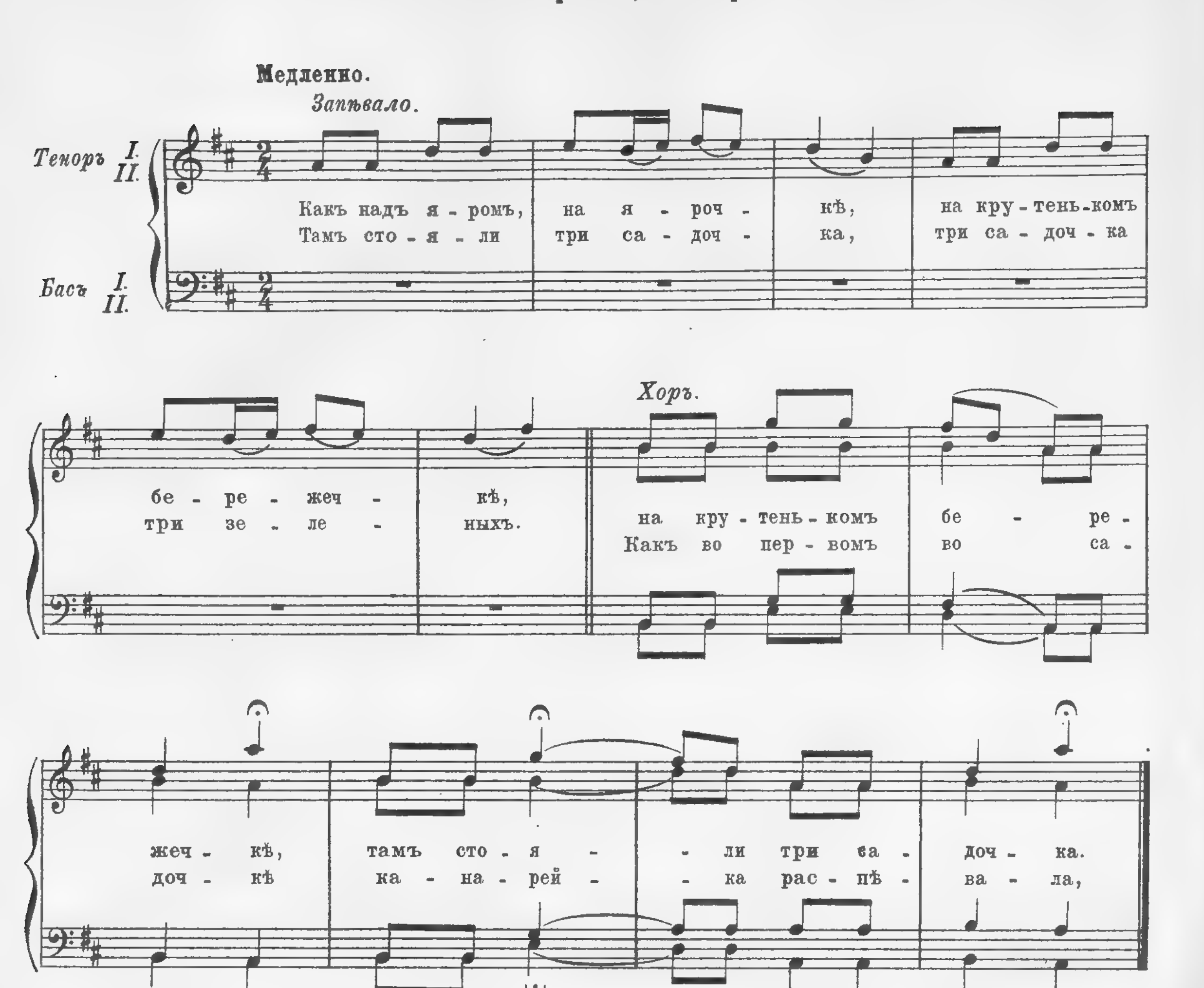
пра - вда,

Какъ въ столицѣ Петербургѣ,
Надъ рѣчкою надъ Невой
  Правда, правда, правда люли,
  Надъ рѣчкою надъ Невой.
Надъ рѣчкою надъ Невою
Стоитъ зимній дворецъ.
  Правда, правда, правда люли,
  Стоитъ зимній дворецъ.
Россійскаго Государя,
Все Романова Царя.
  Правда, правда, правда люли,
  Все Романова Царя.
Лейбъ-казаки въ дворцѣ служатъ,
При дверяхъ всегда стоятъ.
  Правда, правда, правда люли,
  При дверяхъ всегда стоятъ.
Государь часто проходитъ,
Имъ „здорово“ говоритъ.
  Правда, правда, правда люли,
  Имъ „здорово“ говоритъ.
Мы Донцы съ охотой служимъ,
Отвѣчаемъ весело!
  Правда, правда, правда люли,
  Отвѣчаемъ весело!
Мы въ манежѣ собирались,
Государя дожидались.
  Правда, правда, правда люли,
  Государя дожидались.
Государь къ намъ пріѣзжалъ,
Слово ласково сказалъ.
  Правда, правда, правда люли,
  Слово ласково сказалъ.
„Здорово Донцы,
„Вы Гвардейцы молодцы“.
  Правда, правда, правда люли,
  „Вы Гвардейцы молодцы“
И по фронту проѣзжалъ,
Самъ разводы начиналъ.
  Правда, правда, правда люли,
  Самъ разводы начиналъ.
А покончивши разводы,
Онъ „спасибо“ намъ сказалъ.
  Правда, правда, правда люли,
  Онъ „спасибо“ намъ сказалъ.
Мы служить Гвардейцы рады,
И за жизнь не постоимъ.
  Правда, правда, правда люли,
  И за жизнь не постоимъ.
Будемъ службу несть исправно,
Мы вѣдь ею дорожимъ!
  Правда, правда, правда люли,
  Мы вѣдь ею дорожимъ!

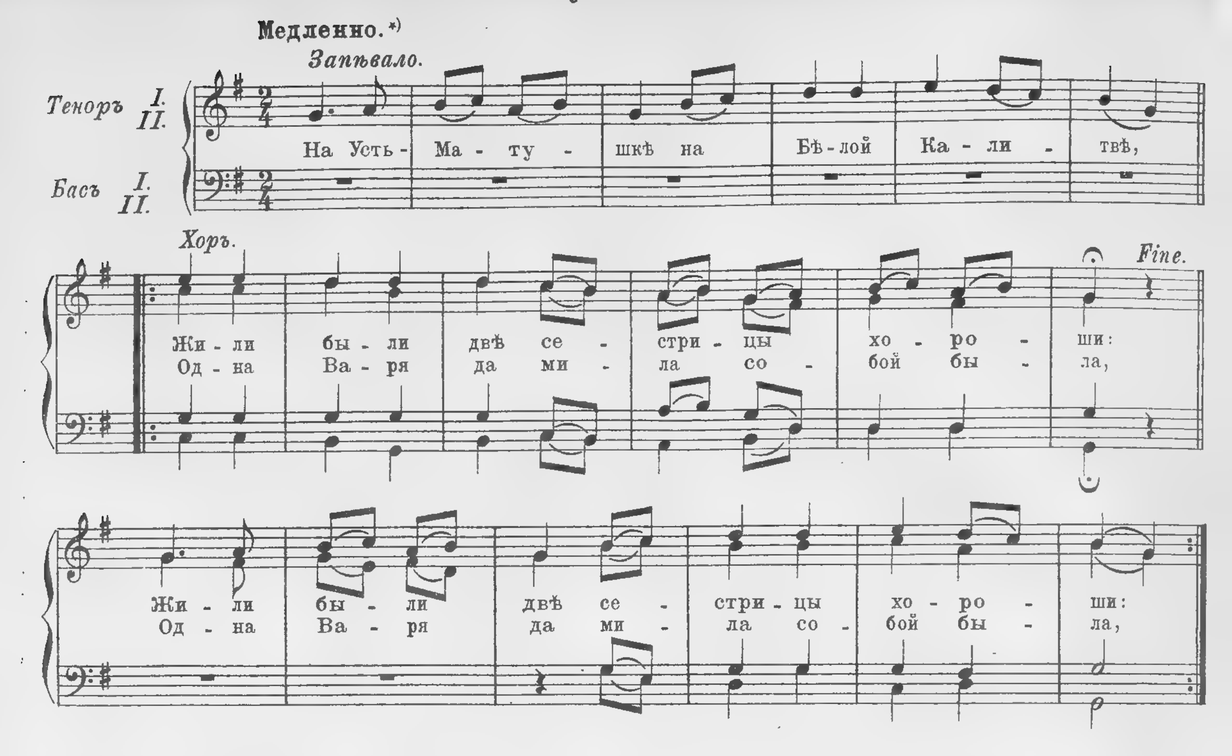
На горѣ, горѣ стояла корчма.



На горѣ, горѣ стояла корчма,
Корчма польская, королевская.
Да во той во корчемушкѣ три молодца пьютъ:
Пруссакъ да полякъ и Донской казакъ,
Пруссакъ пиво пьетъ, дукаты кладетъ
Полякъ вино пьетъ, золотые даетъ,
А казакъ водку пьетъ, денегъ недаетъ.
Денегъ недаетъ, шинкарку манетъ:
„Да поѣдемъ шинкарочка къ намъ на тихій Донъ,
„У насъ на Дону не по вашему,
„Ни ткутъ, ни прядутъ, ни сѣютъ, ни жнутъ,
„Ни сѣютъ, ни жнутъ, хорошо живутъ".
Прельстилась шинкарочка на тѣ словеса,
Да садилась шинкарочка, коню за бедра.
Да повезъ онъ шинкарочку, во темны лѣса,
Повѣсилъ шинкарочку, онъ на сосенку,
Да поджегъ эту сосенку снизу до верху,
Сосенка горитъ, шинкарка кричитъ:
„Да Донскіе казаки, всѣ обманщики!"

Какъ надъ яромъ, на ярочкѣ.

Какъ надъ яромъ, на ярочкѣ,
На крутенькомъ бережечкѣ
Тамъ стояли три садочка,
Три садочка, три зеленыхъ.
Какъ во первомъ во садочкѣ
Канарейка распѣвала,
Во второмъ-ли садочкѣ
Кукушечка куковала,
Мимо третьяго садочка
Шляхъ— дороженька лежала,

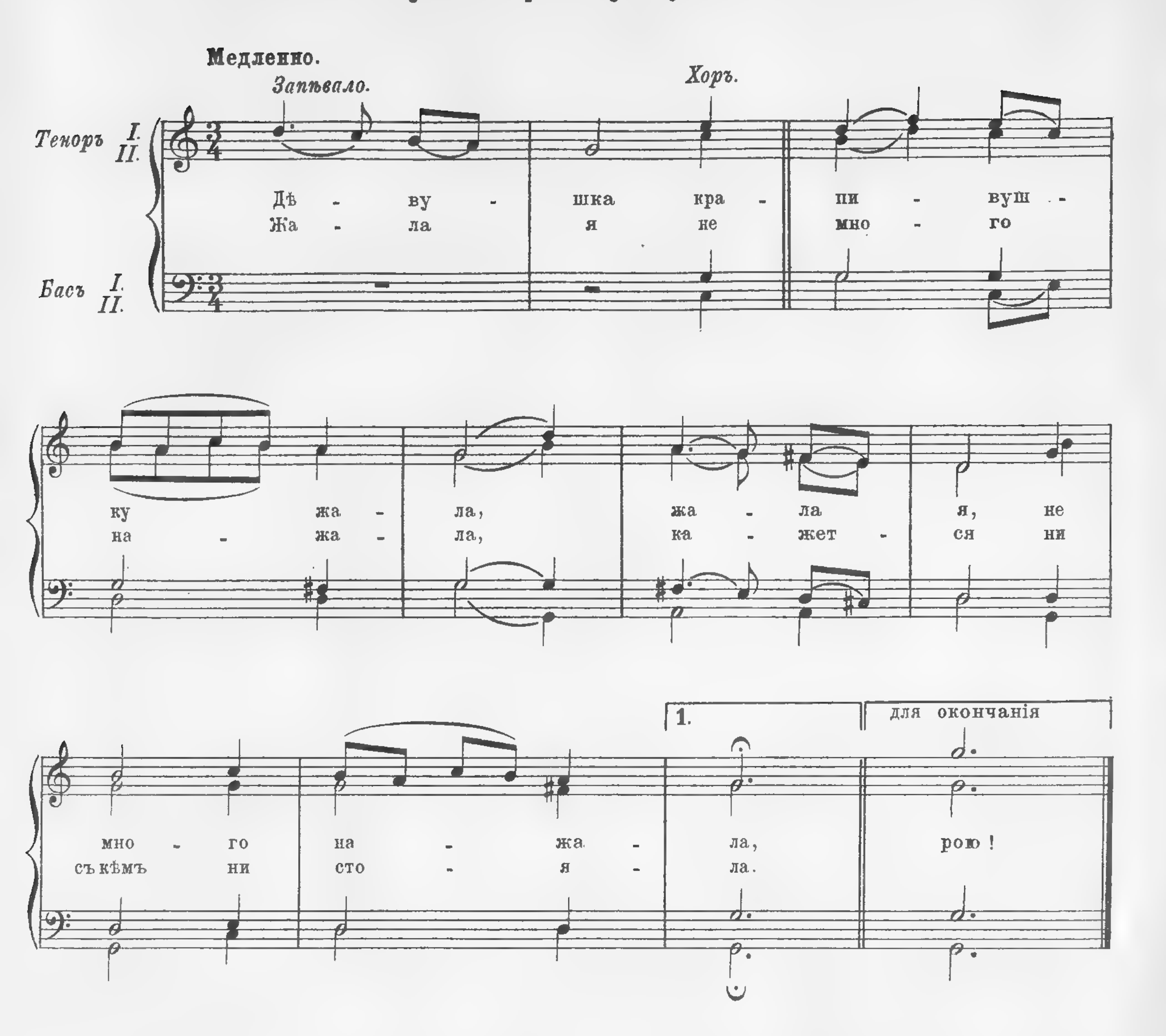
Какъ по этой по дорожкѣ
Мать сыночка провожала,
Мать сыночка провожала,
Горько плакала, рыдала.
„Ты иди, иди сыночекъ,
„Иди ясный соколочекъ,
„Служи Царю по вѣрнѣе
„Служи вѣрой, не робѣя,
„А отслужишься сыночекъ
„Ты вернись ко мнѣ скорѣе!“

На Усть-Матушкѣ на Бѣлой-Калитвѣ.

На Усть-Матушкѣ на Бѣлой-Калитвѣ,
Жили были двѣ сестрицы хороши:
Одна Варя, да мила собой была;
Другая Маня красавицей слыла,
Полюбила молодого казака,
Любилися, миловалися безъ нужды.
Вотъ, какъ я нынеча да надѣлала бѣды,
Поругалась я съ любезнымъ сы своимъ,
Разобидѣлся, уѣхалъ милъ къ другой,
Меня бросилъ, мой красавецъ дорогой.
Какъ по травушкѣ тропинушка лежитъ,
По тропинушкѣ мой милый другъ бѣжитъ,
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ не трохнется,
Черные кудры не шалохнутся лежатъ.
Такъ и скрылся, мой любезный, дорогой,
Всѣ балочки, теклиночки, я прошла,
Ни гдѣ сваво я милого не нашла.
Эхъ! да кто бы, кто бы моему горю пособилъ,
Сы пути дружка милова воротилъ.
Ты вернисъ, воротися милый мой,
Ты вернися мой красавецъ дорогой,
Вспомни, вздумай мою прежнюю любовь
Какъ сидѣли во зеленомъ во саду,
Говорили рѣчь— хорошія слова:
Чтобы не обманывать во вѣкъ дружка въ глаза.
Слышу, вижу милъ иную по любилъ,
Меня— дѣвочку на вѣкъ загубилъ!

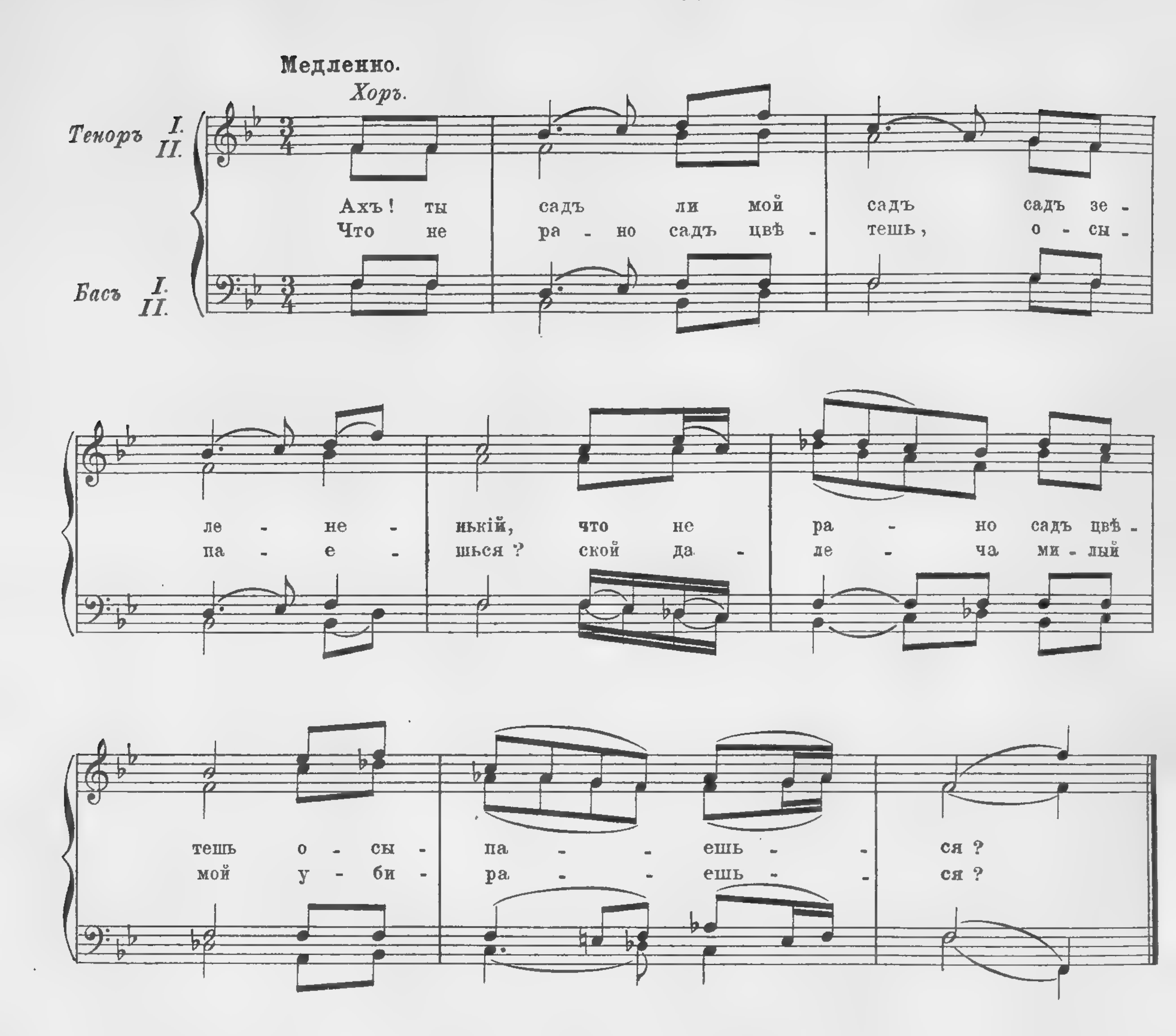
МОТИВЪ ТОТЪ ЖЕ.

По Донцу, Донцу, да на Сѣверскомъ Донцу,
По Донцу, Донцу да станицы хороши:
Калитовская станица лучше всѣхъ,
Ой да почему же она лучше всѣхъ?
Потому она и лучше всѣхъ,
Что сидитъ она на Сѣверскомъ Донцѣ
На Усть—Матушкѣ на Бѣлой-Калитвѣ!
Какъ и всѣ въ ней хуторочки хороши:
И Корсунскій, и Коновскай, и Титовъ,
Николаевъ, Качеванскай, Дубавой,
И Дядинскай, Свинаревскай, Рудаковъ,
Пагановскай, Погарѣлавъ и Поповъ,
Дараговскай, Багатавскай, Мечетновъ,
Какичевскай, Бугураевъ и Альховъ,
И Фурштатскай хуторокъ— городокъ.
Какъ во томъ-ли во Фурштатѣ городкѣ
Проживалъ казакъ Бурьянушка.
У того-ли у Бурьяна казака
Жили были два сыночка сокола:
Какъ и первой сынъ Иванушка
А второй-ли сынъ Захаръ молодецъ.
На ходу-то Захаръ пуличку жевалъ,
Онъ любимую кремневку заряжалъ.

*) можно и темпъ марша.

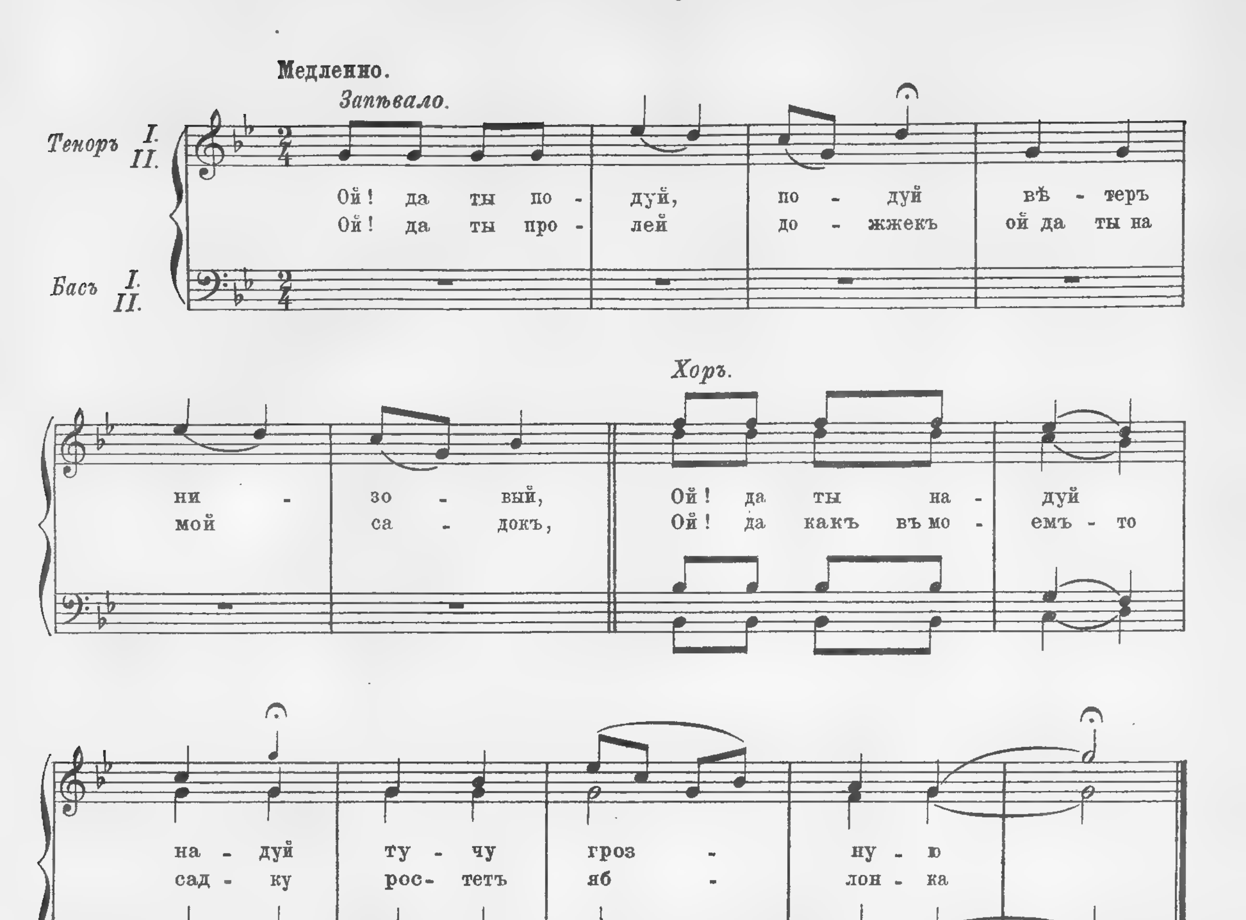
Дѣвушка крапивушку жала.

Дѣвушка, крапивушку жала,
Жала я, не много нажала,
Кажется ни съ кѣмъ не стояла,
Толичка съ милымъ говорила:
Милый мой, мой милый дружечекъ
Слышала про твое несчастье,
Будто-бы на службицу гонютъ?
Милый мой возьми меня съ собой,
Назови родною сестрою!

Ахъ! ты садъ.



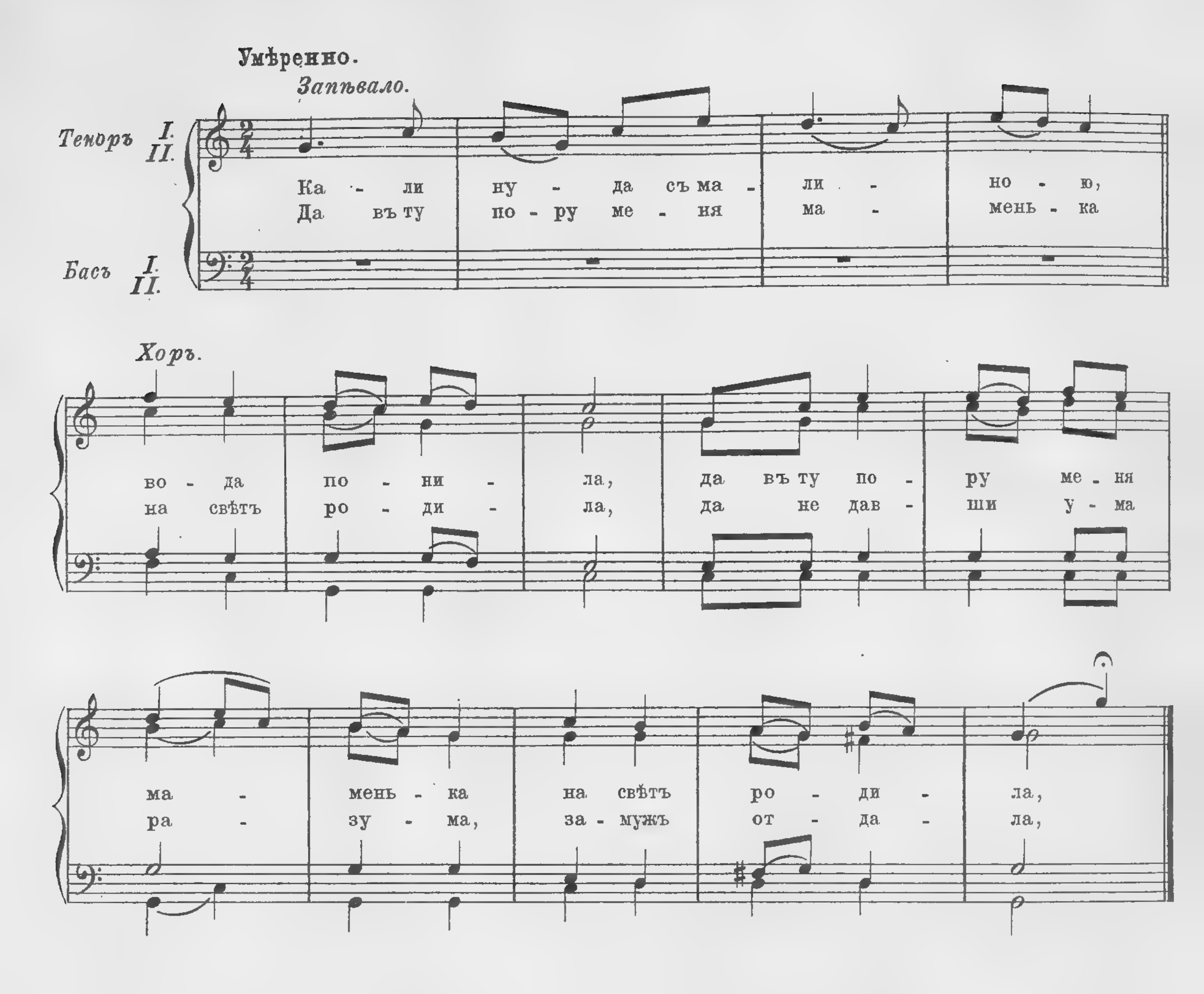
Ахъ! ты садъ-ли, мой садъ, садъ зелененькій,
Что не рано садъ цвѣтешь, осыпаешься?
Ской далеча милый мой убираешься?
Да со всѣми людьми, ты прощаешься
А со мной молодой, все ругаешься,
Не ругай, не брани, скажи: милая прости!

Ой! да ты подуй, подуй.



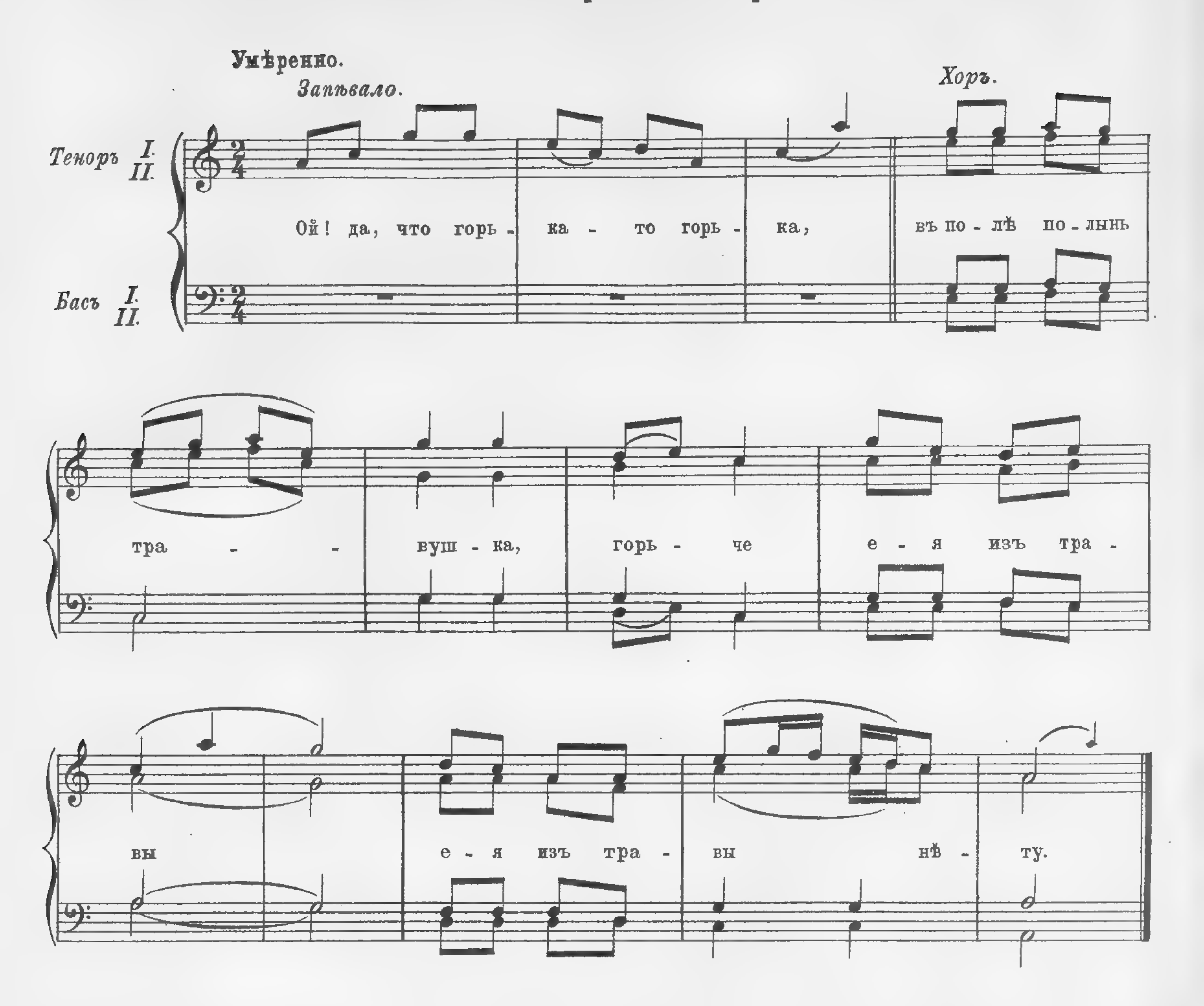
Ой! да ты подуй, подуй
Вѣтеръ низовый,
Ой! да ты надуй, надуй,
Тучу грозную.
Ой! да ты пролей дожжекъ,
Ой! да ты на мой садокъ,
Ой! да какъ въ моемъ-то саду
Ростетъ яблонка,
У ней сухая маковка;
Ой! да зеленыя вѣточки,
Да внизъ опустилися,
Красныя яблочки
Да врозь раскатилися.
Катись, катись яблочко
Куда катишься?
Выдай меня батенька,
За ково мнѣ хочется.
Ой! да ни за старава,
Ни за малова,
Ой! да за казаченьку,
Разудалова.

Калину да съ малиною.



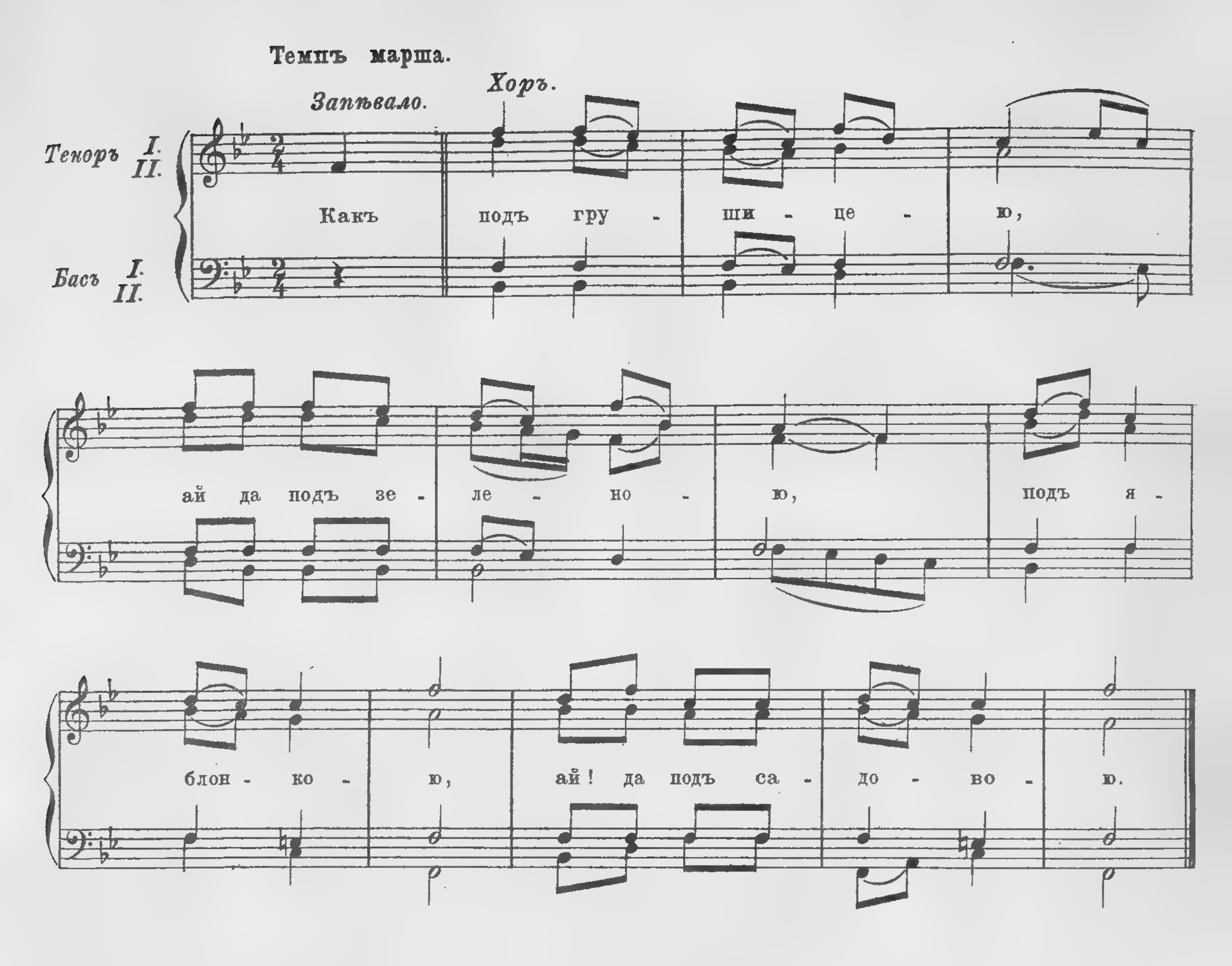
Калину да съ малиною, вода понила,[1]
Да въ ту пору меня маменька на свѣтъ родила,
Да недавши ума — разума, замужъ отдала,
Въ дальнюю сторонушку, въ чужую семью,
Чужая сторонушка безъ вѣтра сушитъ,
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушитъ!
Не буду я къ матушкѣ ровно три года,
На четвертый годочекъ пташечкой полечу
Горемычной пташечкой, кукушечкою,
Сяду я у маменьки въ зеленомъ саду,
Сама кукованьемъ я весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимой моей матушкѣ сердце надорву.

1) залила.

Ой! да, что горька-то горька.

Ой! да, что горька-то, горька,
Въ полѣ полынь — травушка,
Горьче ея изъ травы нѣту.
Ой! да, что милѣй-то, милѣй
Дружка маво милова,
Милѣй его въ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ.
Ой! да, какъ милой-то дружёкъ,
Милѣй отца, матери,
Милѣй онъ да, всей родни моей.
Ой! да, какъ спала-то, спала,
Одна я бабеночка,
Спала въ горенкѣ, на лавочкѣ,

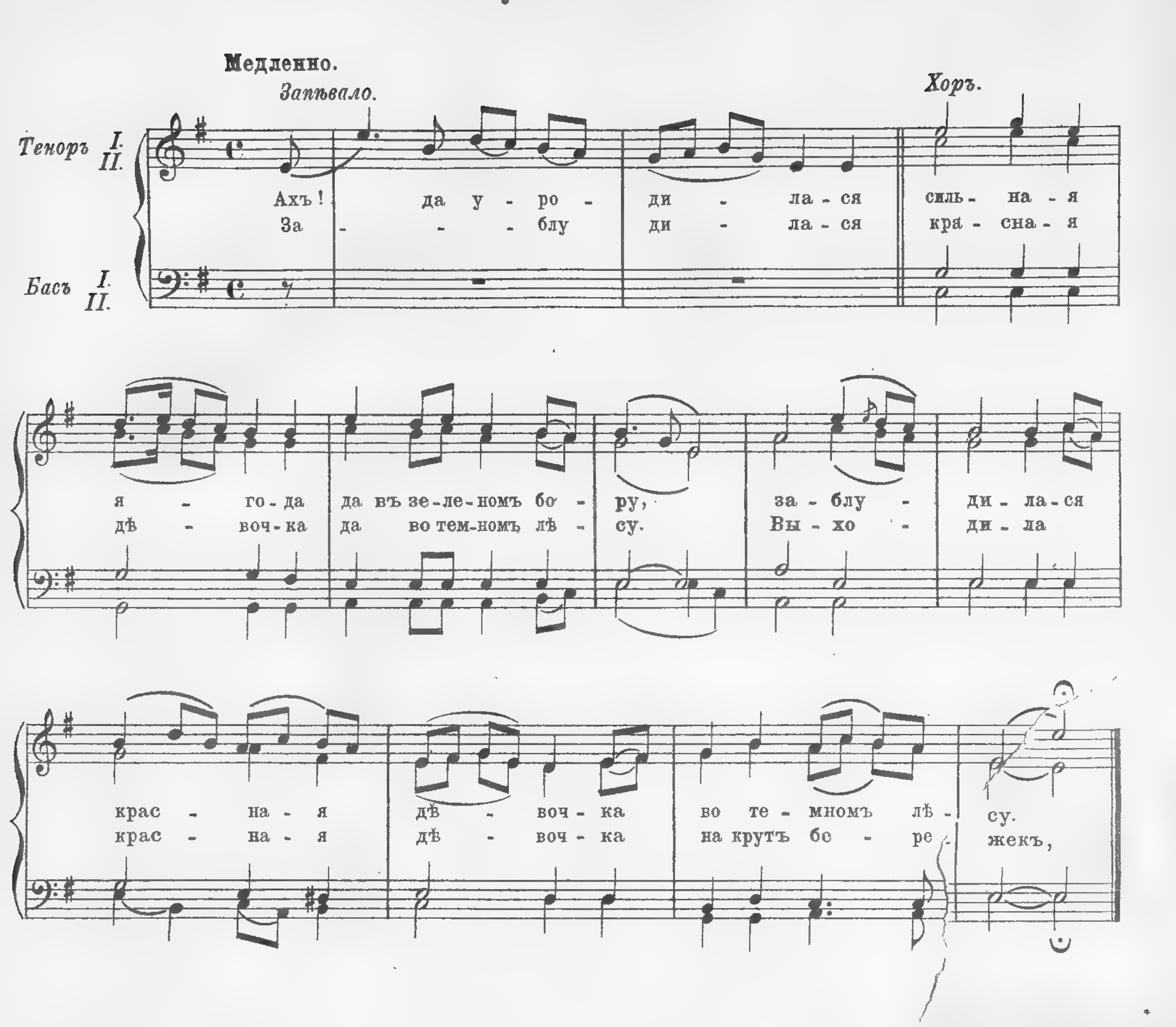
Ой! да, какъ ждала-то къ себѣ
Сваво дружка милова,
Да пришелъ милый во окно стучитъ,
Ой! да, во окно стучитъ,
Онъ да, отворять велитъ.
Ой! да отвори, ты отвори
Милая бабеночка,
Пришелъ ни воръ, ни разбойничекъ,
Ой! да а пришелъ то къ тебѣ
Да твой полюбовничекъ,
Пришелъ милую провѣдать.

Какъ подъ грушицею.



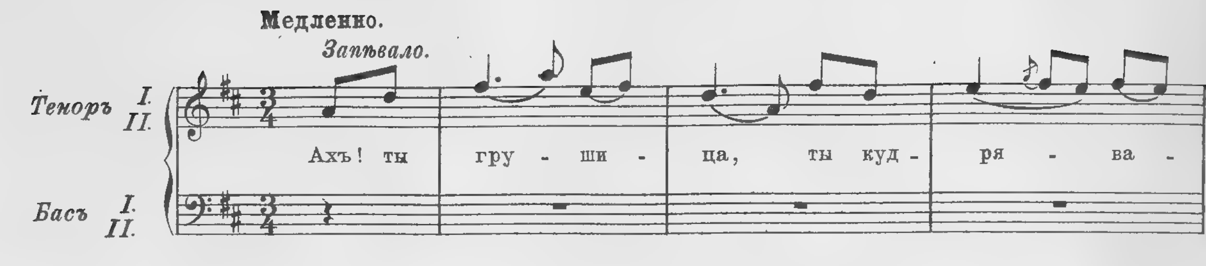
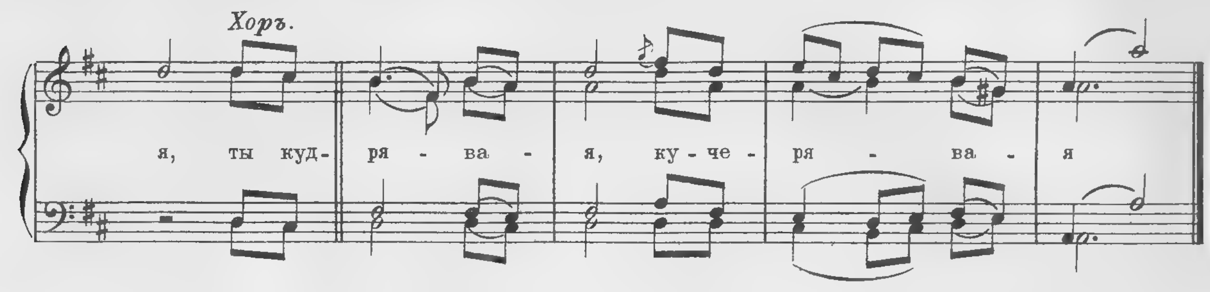
Какъ подъ грушицею, ай! да подъ зеленою,
Подъ яблонкою, ай! да подъ садовою,
Тамъ сидѣлъ голубь, ай! да сы голубкою,
Они цѣловалися, они миловалися,
Сизы крылушками они обнималися,
Ни откуль взялся стрѣлецъ,
Разудалый молодецъ.
Онъ стрѣлялъ по уточкѣ, а убилъ голубочку,
Сы высокова крыльца, онъ подбилъ да голубца,
Взялъ его за крылышко да понесъ его домой,
Налилъ ему водички, да посыпалъ пашенички,
Онъ водички не пьетъ, пашеничку не клюетъ,
По своей голубочкѣ голубь гуртуетъ:
Такъ-ли я молодецъ, ай! да по своей милой,
Дюже тоскую, дюже горюю,
Свѣтъ моя голубочка, свѣтъ ты моя сизая,
И гдѣ-жъ моя милая и гдѣ разлюбезная?

Я не думала ни о чемъ.

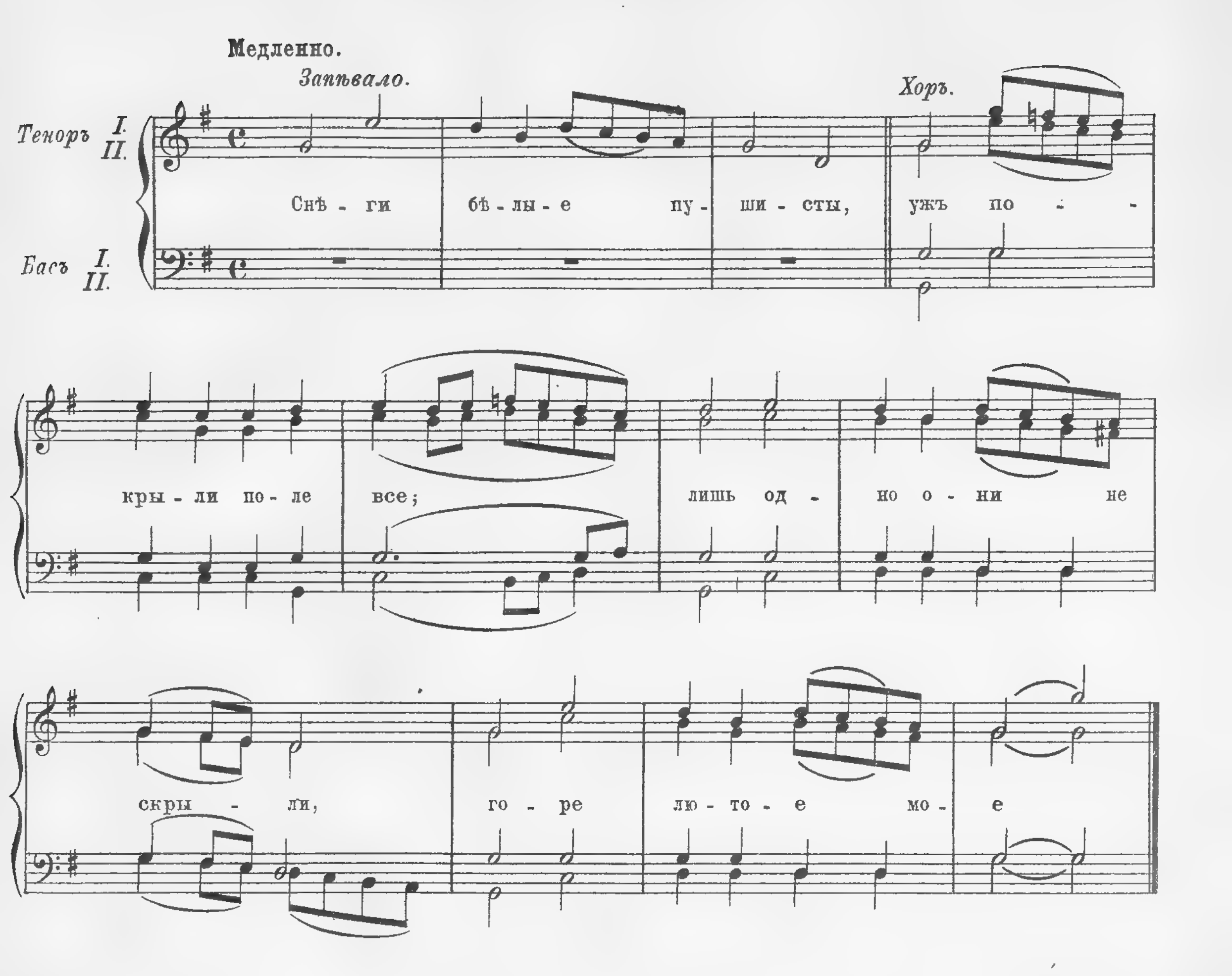


Уродилася сильная ягода
Да въ зеленомъ бору,
Заблудилася красная дѣвочка
Во темномъ лѣсу.
Выходила красная дѣвочка
Да на крутъ бережекъ,
Разстилала красная дѣвченочка,
Шелковый платокъ,
Становила красная дѣвочка,
Водки полуштофъ,
На закусочку красная дѣвочка
Яблочковъ пятокъ.

Да просила красная дѣвочка
Перевозчика:
„ Перевези-ка меня красную дѣвочку,
„ На ту сторону“.
Эхъ! да перевозчичекъ парень статный,
И красивъ собой.
„ Я не думала ни о чемъ
„ Въ свѣтѣ тужить.
„ Пришло времячко начало
„ Мое сердце крушить,
„ Со вздыханьица сердечушку,
„ Стало тяжело!
„ То ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло?“

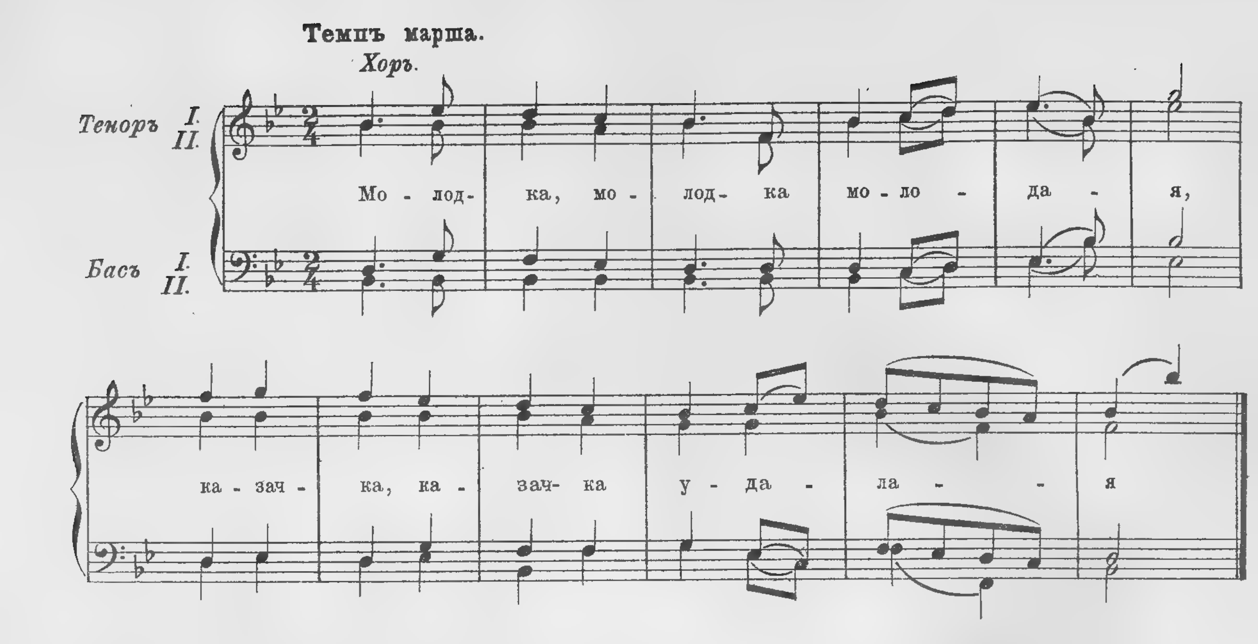
Ахъ! ты, грушица.

Ахъ! ты грушица, ты кудрявая,
Ты кудрявая, кучерявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я зарей цвѣла, въ полдень вызрѣла.
Какъ подъ грушицею, подъ кудрявою,
Что не макъ цвѣтетъ, не трава ростетъ,
Не трава ростетъ — не огонь горитъ,
Не огонь горитъ — ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ахъ! горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ,
По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ — красной дѣвицѣ. —
Та душа-ль, душа, красна дѣвица:
На зарѣ-ль, зарѣ, зарѣ утренней,
При восходѣ-ли свѣтла солнышка,
Не простившися съ отцомъ, съ матерью,
Не видавшися съ добрымъ молодцемъ,
Жизнь оставила! умерла она!
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣднiй разъ
Распрощатися съ моей милою,
Съ моей милою, душей дѣвицей!
Окропивъ ее горючей слезой,
Я, вздохнувъ, умру подлѣ ней тогда!

Снѣги бѣлые пушисты.

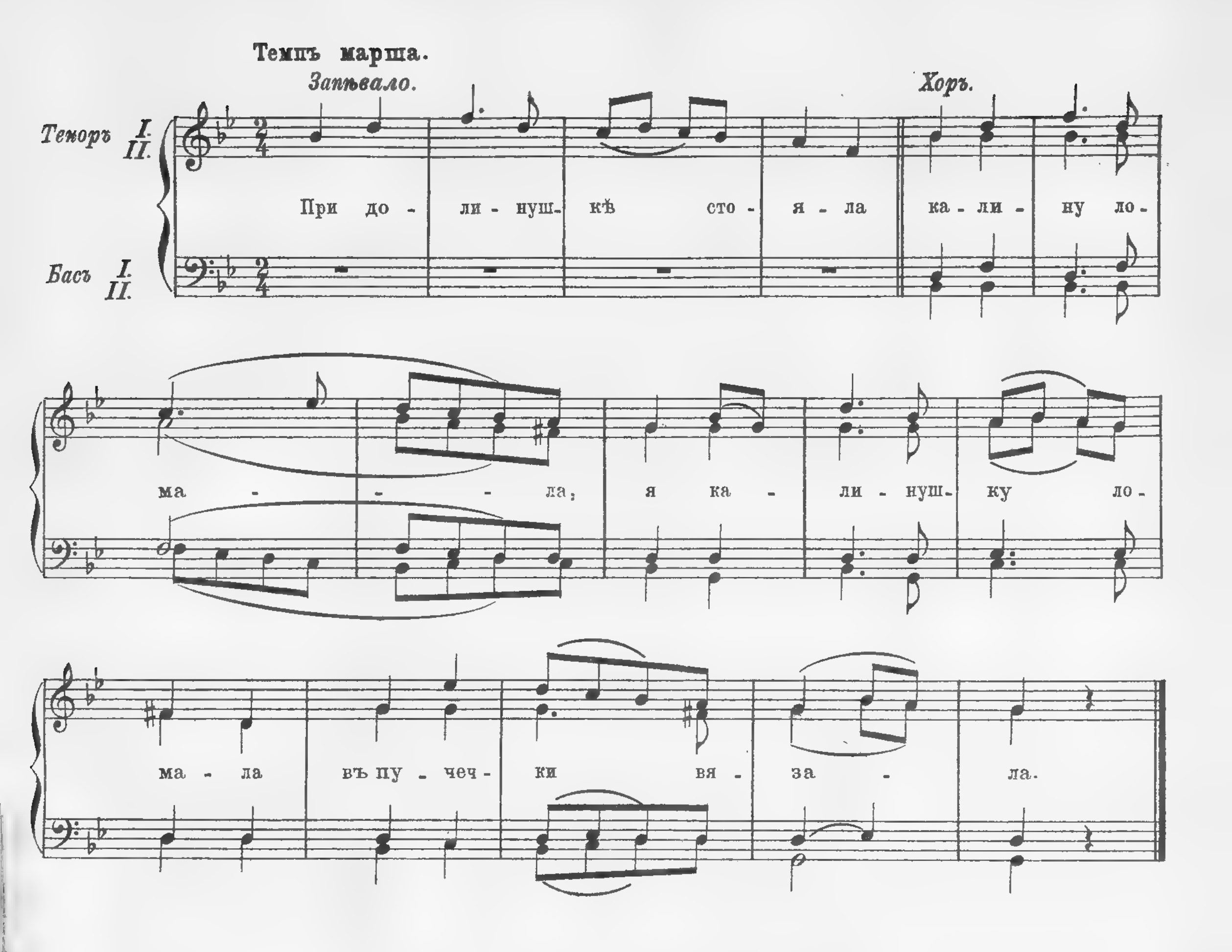


Снѣги бѣлые пушисты,
Ужъ покрыли поле все;
Лишь одно они не скрыли,
Горе лютое мое.
Какъ кусточекъ среди поля
Одинехонекъ стоитъ;
Иней клонитъ къ землѣ вѣтки,
Ни листочка нѣтъ на немъ.
Такъ безъ милого я друга
Здѣсь тоскую все одна;
Сердце все печаль стѣснила
И утѣхи скрылись всѣ.
Злу кручину, чтобъ размыкать
Выйду я на бугорокъ;
На изсохшій тамъ пенечекъ,
Подгорюнюсь сяду я.

Погляжу я въ ту сторонку,
Гдѣ мой миленькій живетъ;
Погляжу, вздохну и — слезы
Навернутся на глазахъ.
Замретъ сердце и заноетъ,
Обольется кровью въ мигъ,
Духъ займется, грудь стѣснится,
Вздохъ за вздохомъ полетитъ.
Замелькаютъ на рѣсницахъ
И не взвижу свѣта я; —
Градомъ слезы покатятся,
Быстро горьки по лицу
Слеза канетъ, снѣгъ растаетъ,
И исчезнетъ онъ подъ ней, —
Слезы льются а не смоютъ
Горя сердца моего.

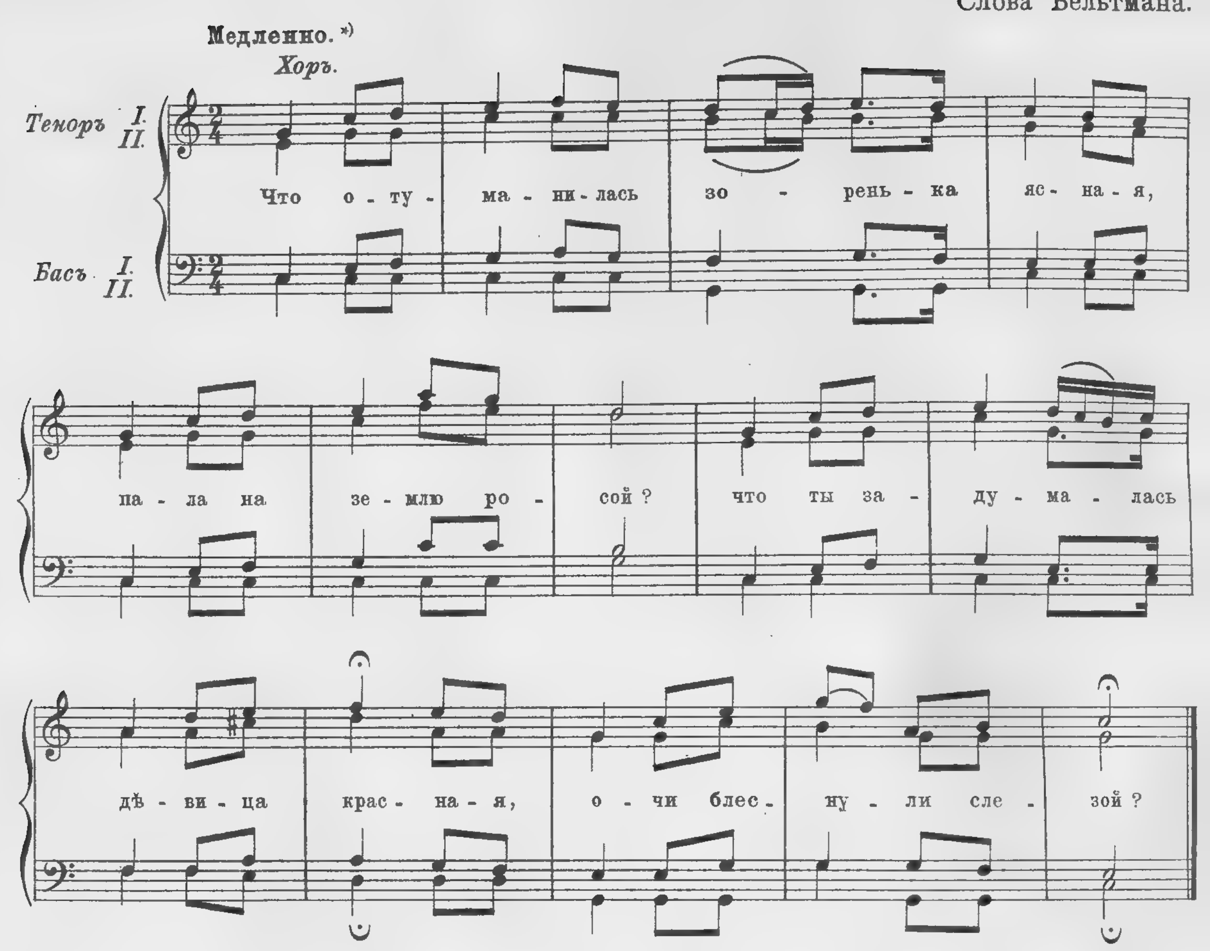
Молодка.

Молодка, молодка молодая,
Казачка, казачка удалая!
Ужъ полно по улицѣ ходити,
Ахъ! полно по миленькомъ тужити!
Какъ же мнѣ по миломъ не тужити,
Такова другова не нажити.
Что ростомъ, дородствомъ, красотою,
Своей молодецкою поступкой.
Вчера-то я съ милымъ побранилась;
Вечеръ съ дорогимъ я посчиталась;
Побранка была небольшая,
Незнаю какъ съ милымъ помириться,
Самой покориться не годится,
Людей засылати, мнѣ не кстати.
Дождусь я млада темной ночи,
Что темныя ноченьки осенней,
Сама я къ милому побываю,
Въ глаза дорогому попеняю:
„Ахъ! любчикъ мой, миленькій голубчикъ!
„Не слушай другъ! разума чужова,
„Чужихъ, моя радость! наговоровъ;
„Люди-то смущаютъ, разлучаютъ,
„Людямъ то завидно, что совѣтно“

При долинушкѣ стояла.



При долинушкѣ стояла,
Калину ломала,
Я калинушку ломала
Въ пучечки вязала,
Я въ пучечики вязала
Къ дорожкѣ бросала;
Я къ дороженькѣ бросала,
Примѣты примѣчала.
Я примѣты примѣчала
Дружка ворочала,
Ты вернись, вернись моя надежда
Воротися радость,
Коль не вернешься моя надежда
Махни черной шляпой,
Черной шляпой, шляпой пуховою,
Правою рукою.

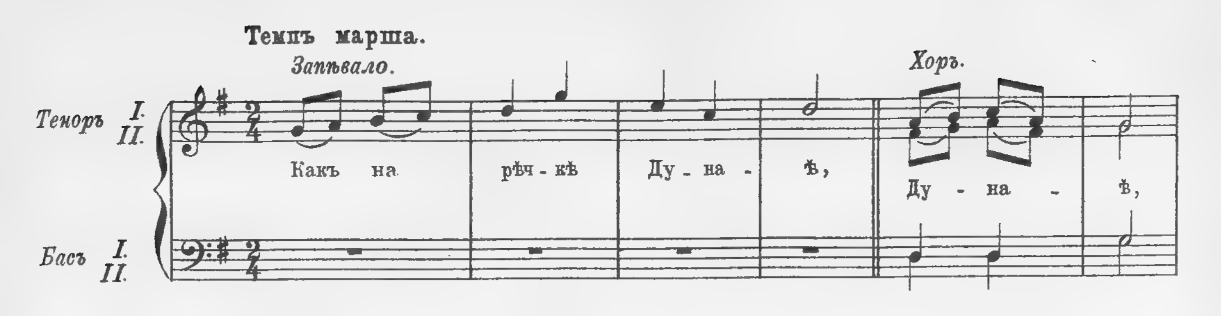
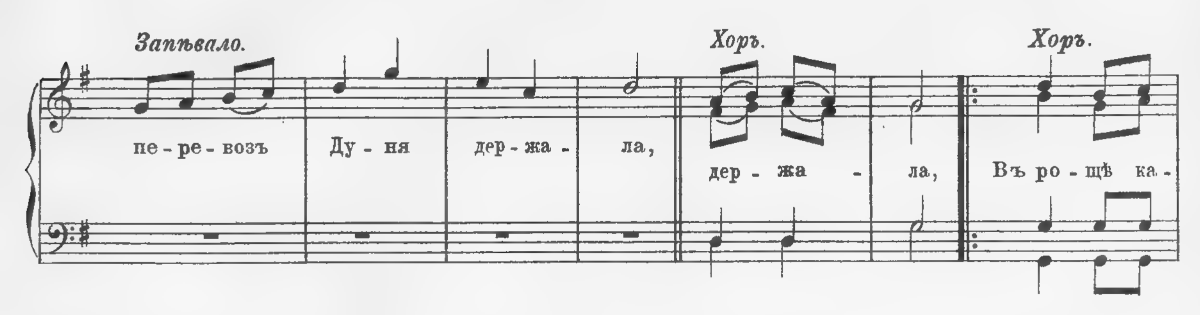
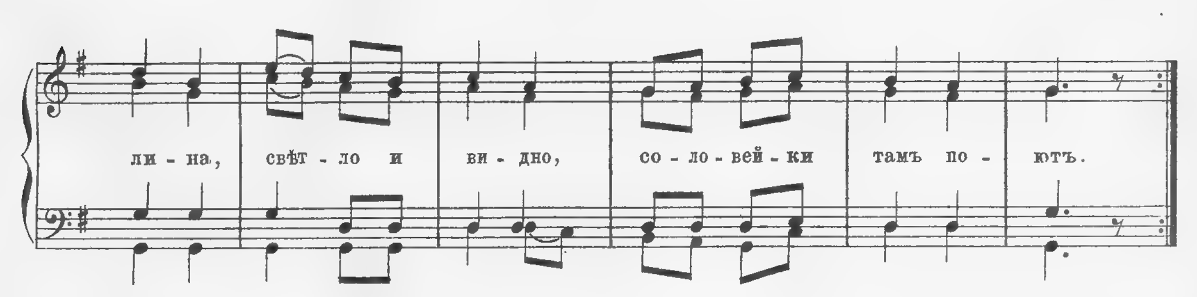
Пѣснь Атамана.

Слова Вельтмана.

Что отуманилась зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась дѣвица красная,
Очи блеснули слезой?
Жаль мнѣ покинуть тебя, черноокую!
Пѣтелъ ударилъ крыломъ,
Крикнулъ... ужъ полночь! Дай чару глубокую,
Вспѣнь поскорѣе виномъ!
Время! Веди ты коня мнѣ любимова,
Крѣпче держи подъ уздцы;

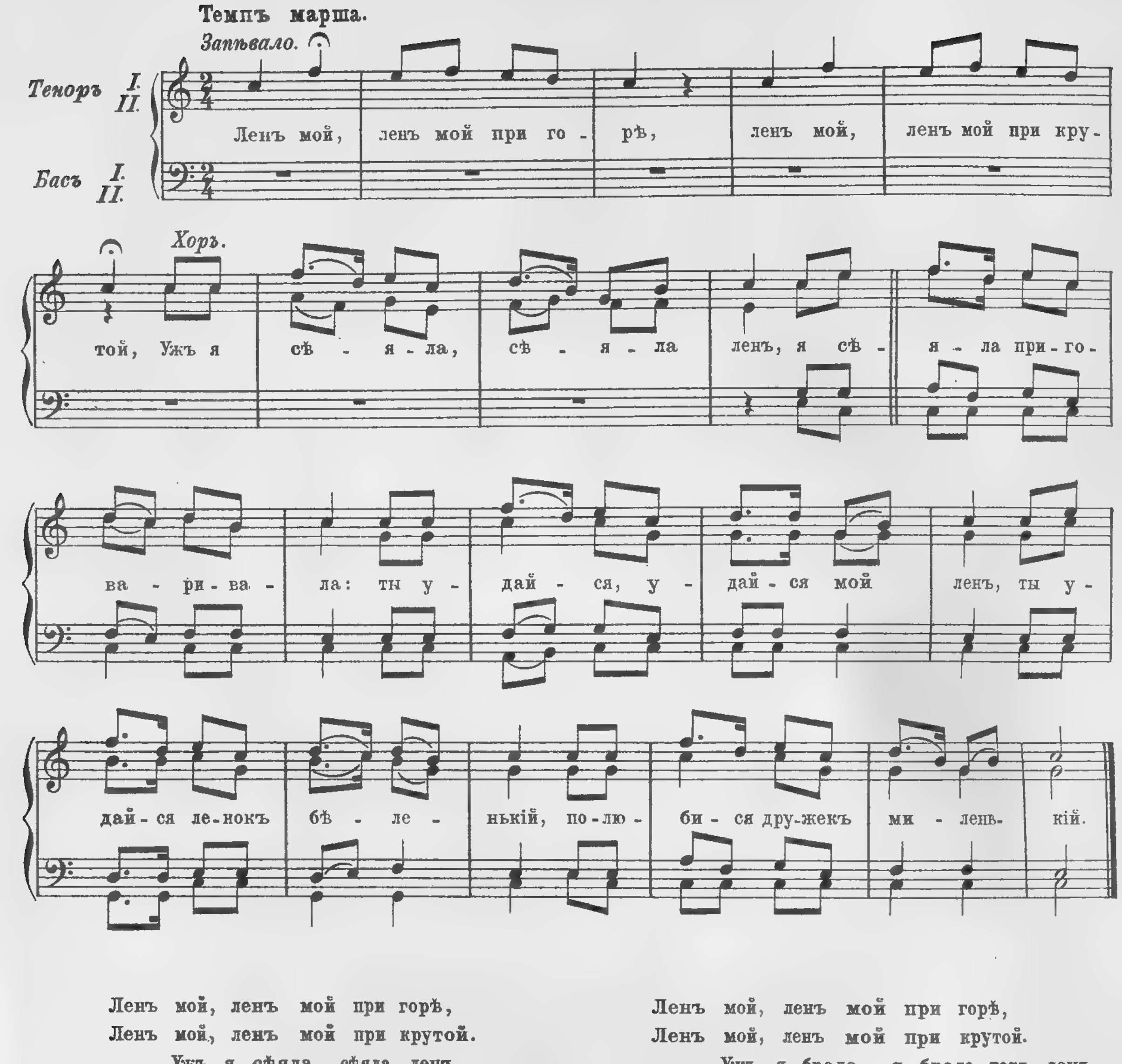
Ѣдутъ, съ товарами, въ путь изъ Касимова
Муромскимъ лѣсомъ купцы.
Есть для тебя у нихъ кофточка шитая,
Шуба на лисьемъ мѣху...
Будешь ходить ты вся златомъ облитая,
Спать на лебяжьемъ пуху!
Много за душу свою одинокую,
Много нарядовъ куплю!
Я ль виноватъ, что тебя, черноокую
Больше чѣмъ душу люблю?

*) можно и темпъ марша.

Какъ на рѣчкѣ Дунаѣ.

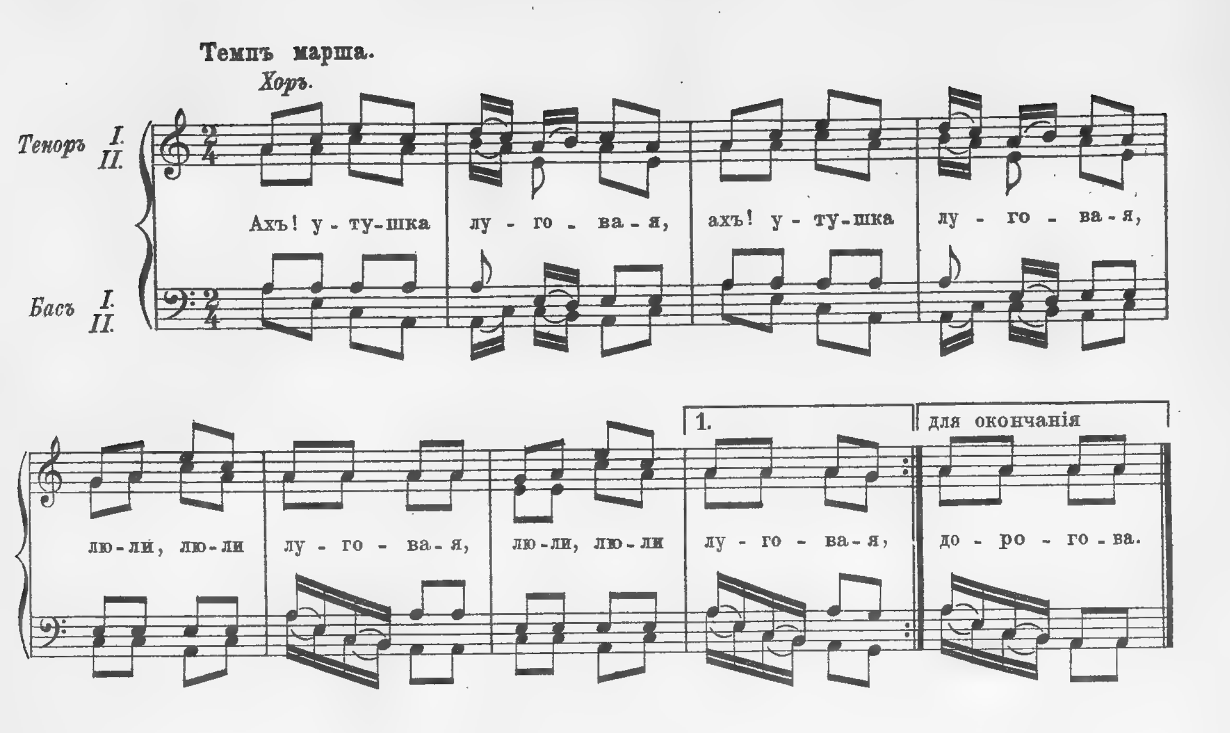


Какъ на рѣчкѣ Дунаѣ, Дунаѣ,
Перевозъ Дуня держала, держала.
Въ рощѣ калина, свѣтло и видно,
Соловейки тамъ поютъ.
Пришелъ къ Дунѣ родный братъ, родный братъ,
Перевези-жъ меня, Дунюшка, Дунюшка.
Въ рощѣ калина, темно не видно,
Соловейки тамъ не поютъ.
Она жъ его не узнала, не узнала,
Перевозчика не наймала, не наймала.
Въ рощѣ калина, темно не видно,
Соловейки тамъ не поютъ.
Пришелъ къ Дунѣ, батюшка, батюшка,
Перевези-жъ меня, Дунюшка, Дунюшка.
Въ рощѣ калина, темно не видно,
Соловейки тамъ не поютъ.
Она жъ его не узнала, не узнала,
Перевозчика не наймала, не наймала.
Въ рощѣ калина, темно не видно,
Соловейки тамъ не поютъ.
Пришелъ къ Дунѣ, милый другъ, милый другъ,
Перевези-жъ меня Дунюшка, Дунюшка.
Въ рощѣ калина, свѣтло и видно,
Соловейки тамъ поютъ.
Она жъ его узнала, узнала,
Перевозчика наймала, наймала.
Въ рощѣ калина, свѣтло и видно,
Соловейки тамъ поютъ.

Ленъ мой при горѣ.

Ленъ мой, ленъ мой при горѣ,
Ленъ мой, ленъ мой при крутой.
Ужъ я сѣяла, сѣяла ленъ
Я сѣяла приговаривала:
Ты удайся, удайся мой ленъ,
Ты удайся ленокъ бѣленькій,
Полюбися дружекъ миленькій.
Ленъ мой, ленъ мой при горѣ,
Ленъ мой, ленъ мой при крутой.
Я полола, полола мой ленъ,
Я полола приговаривала:
Ты удайся, удайся мой ленъ,
Ты удайся ленокъ бѣленькій,
Полюбися дружекъ миленькій.

Ленъ мой, ленъ мой при горѣ,
Ленъ мой, ленъ мой при крутой.
Ужъ я брала, я брала тотъ ленъ,
Ужъ я брала приговаривала:
Ты удайся, удайся мой ленъ,
Ты удайся ленокъ бѣленькій,
Полюбися дружекъ миленькій.
Ленъ мой, ленъ мой при горѣ,
Ленъ мой, ленъ мой при крутой.
Я вязала, вязала мой ленъ,
Я вязала приговаривала:
Ты удайся, удайся мой ленъ,
Ты удайся ленокъ бѣленькій,
Полюбися дружекъ миленькій.

Ахъ! утушка луговая.

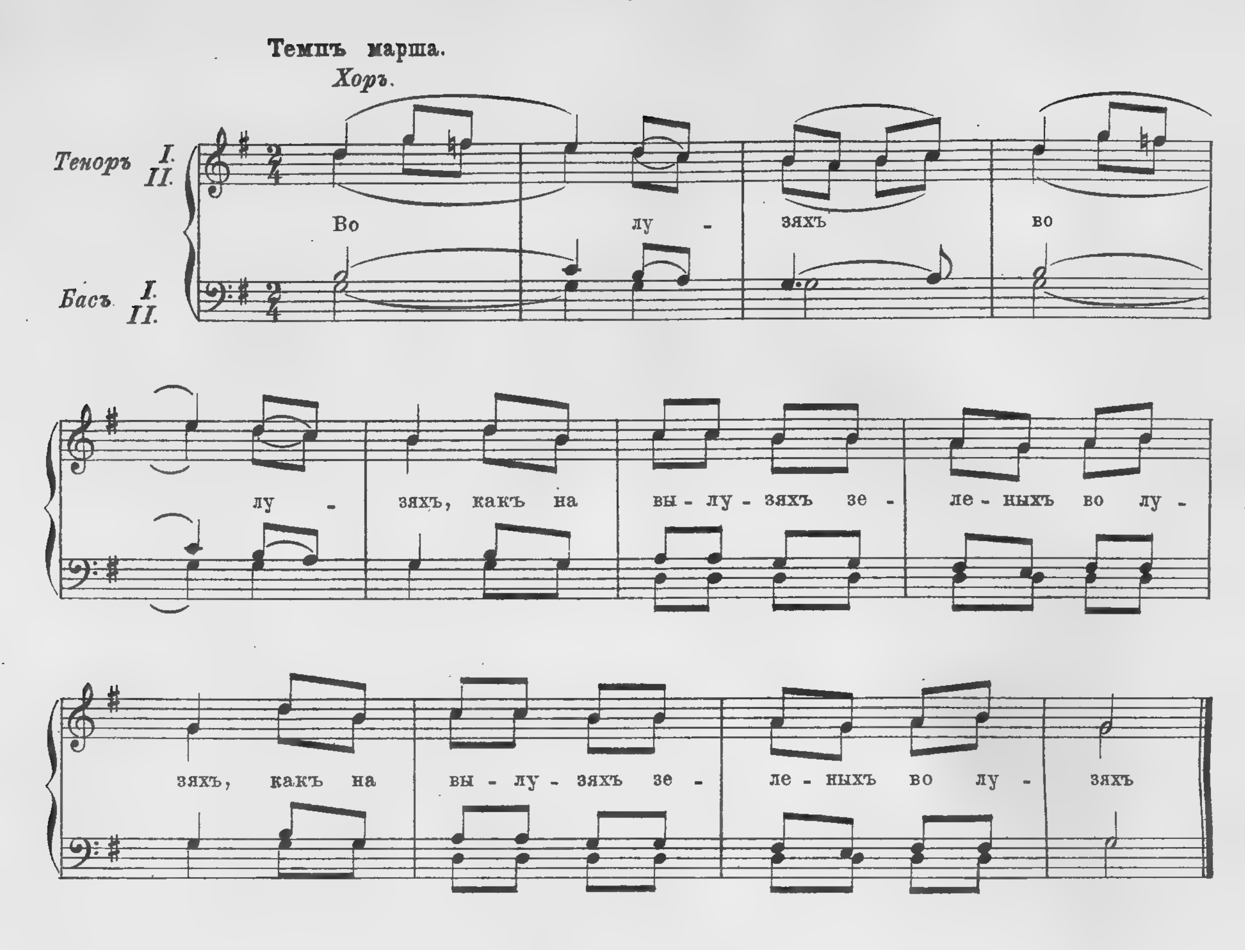


[1] Ахъ! утушка луговая,
Люли, люли луговая!
Молодушка молодая,
Люли, люли молодая!
Ты гдѣ спала— ночевала?
Люли, люли ночевала?
Ночевала я во лужечкѣ,
Люли, люли во лужечкѣ,
Подъ ракитовымъ кусточкомъ,
Люли, люли подъ кусточкомъ!
Какъ шли прошли веселые,
Люли, люли веселые,
Два молодца удалые,
Люли, люли удалые;
Они срѣзали по пруточку,
Люли, люли по пруточку.

Они сдѣлали по гудочку,
Люли, люли по гудочку.
Ай! вы гудки не гудите,
Люли, люли не гудите,
Маво батюшку не будите,
Люли, люли не будите;
Мой батюшка спитъ съ похмелья
Люли, люли спитъ съ похмелья
Моя матушка за рѣкою,
Люли, люли за рѣкою,
Варитъ пиво молодое,
Люли, люли молодое;
Куритъ вино зеленое,
Люли, люли зеленое,
Поитъ зятя молодова,
Люли, люли молодова,
Сваво гостя дорогова.
Люли, люли дорогова.

[1] Каждая строчка поется два раза.

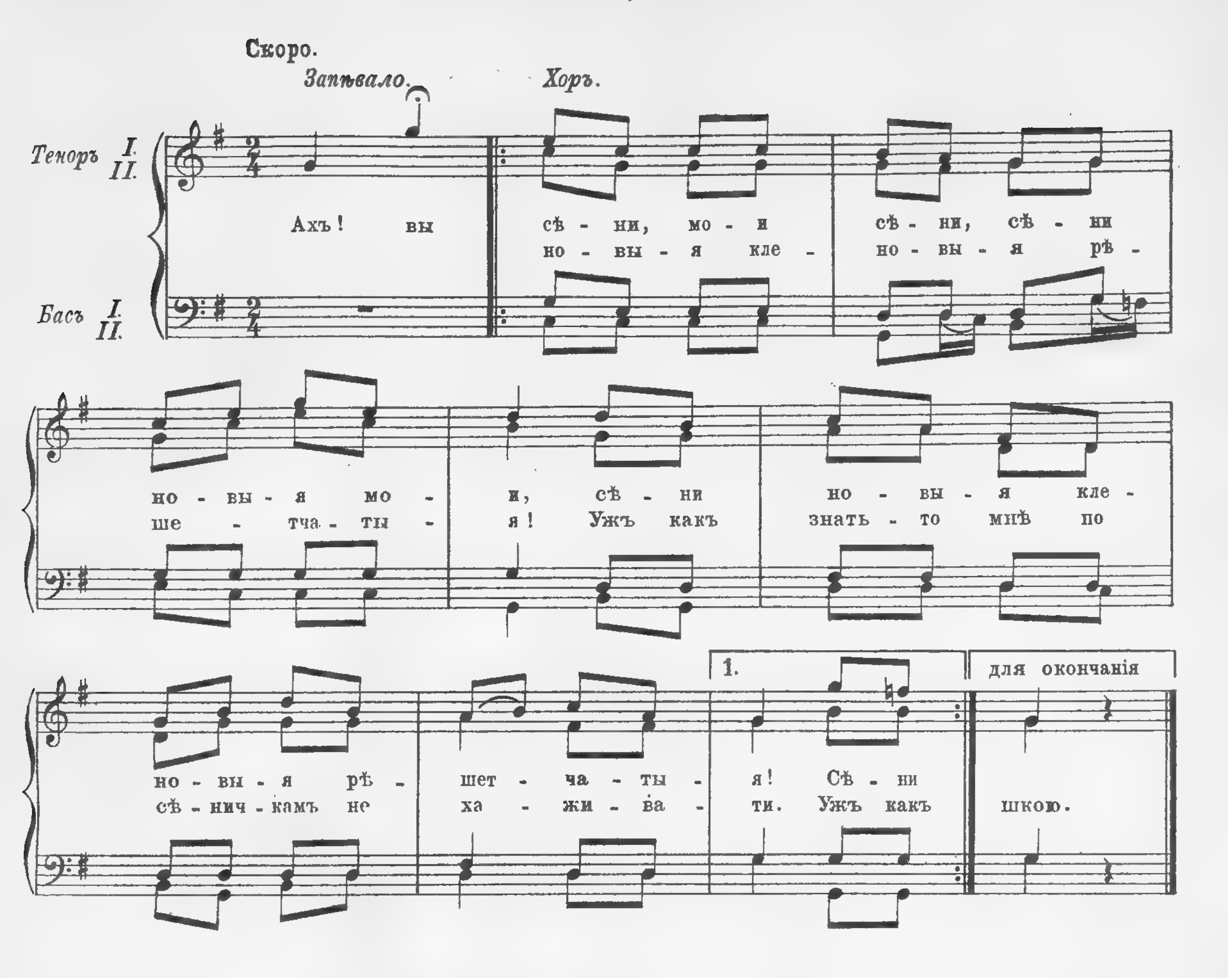
Во лузяхъ.



Во лузяхъ, во лузяхъ,
Какъ на вылузяхъ, зеленыхъ вылузяхъ, *2 раза.*
Выростала, выростала,
Выростала трава шелковая, *2 р.*
Расцвѣли, расцвѣли,
Расцвѣли цвѣты лазоревые, *2 р.*
Понесли, понесли,
Понесли духи малиновые. *2 р.*
Ужъ я въ той травѣ, ужъ я въ той травѣ,
Ужъ я въ той травѣ выкормлю коня, *2 р.*
Ужъ я выкормлю, ужъ я выкормлю,
Ужъ я выкормлю, выглажу его. *2 р.*
Подведу я коня, подведу коня,
Подведу я коня къ батюшкѣ. *2 р.*

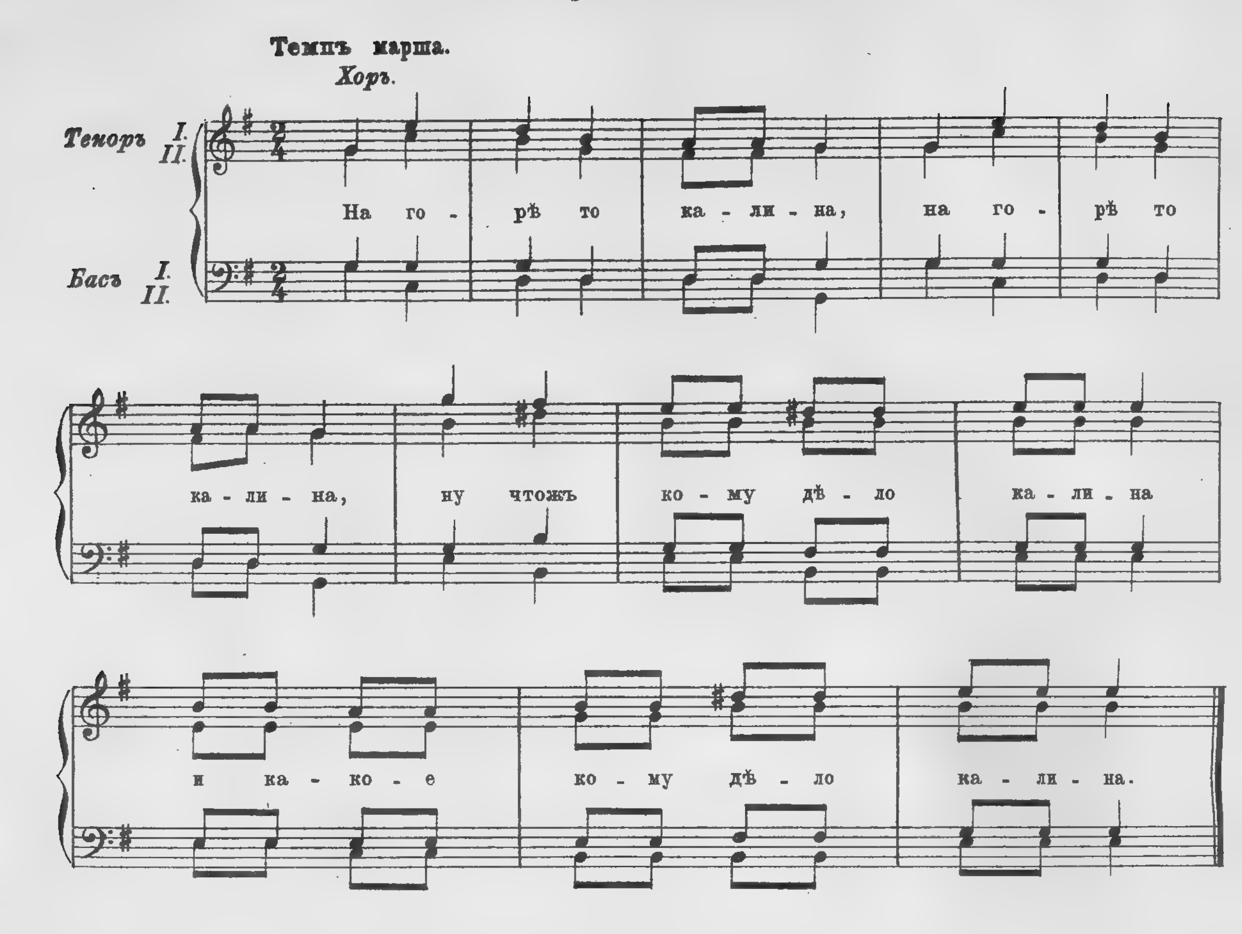
Ужъ ты батюшка, ужъ ты батюшка,
Ужъ ты батюшка родный мой! *2 р.*
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое;
Ты прими слово привѣтливое,
Полюби, полюби,
Полюби слово привѣтливое: *2 р.*
Не давай меня, не давай меня,
Не давай меня за стараго замужъ. *2 р.*
Ты отдай, ты отдай,
Ты отдай меня за ровнюшку. *2 р.*
Ужъ я стараго, ужъ я стараго,
Ужъ я стараго на дворъ не пущу, *2 р.*
А я съ ровнюшкой, а я съ ровнюшкой,
А я съ ровнюшкой гулять пойду! *2 р.*

Ахъ! вы сѣни, мои сѣни.

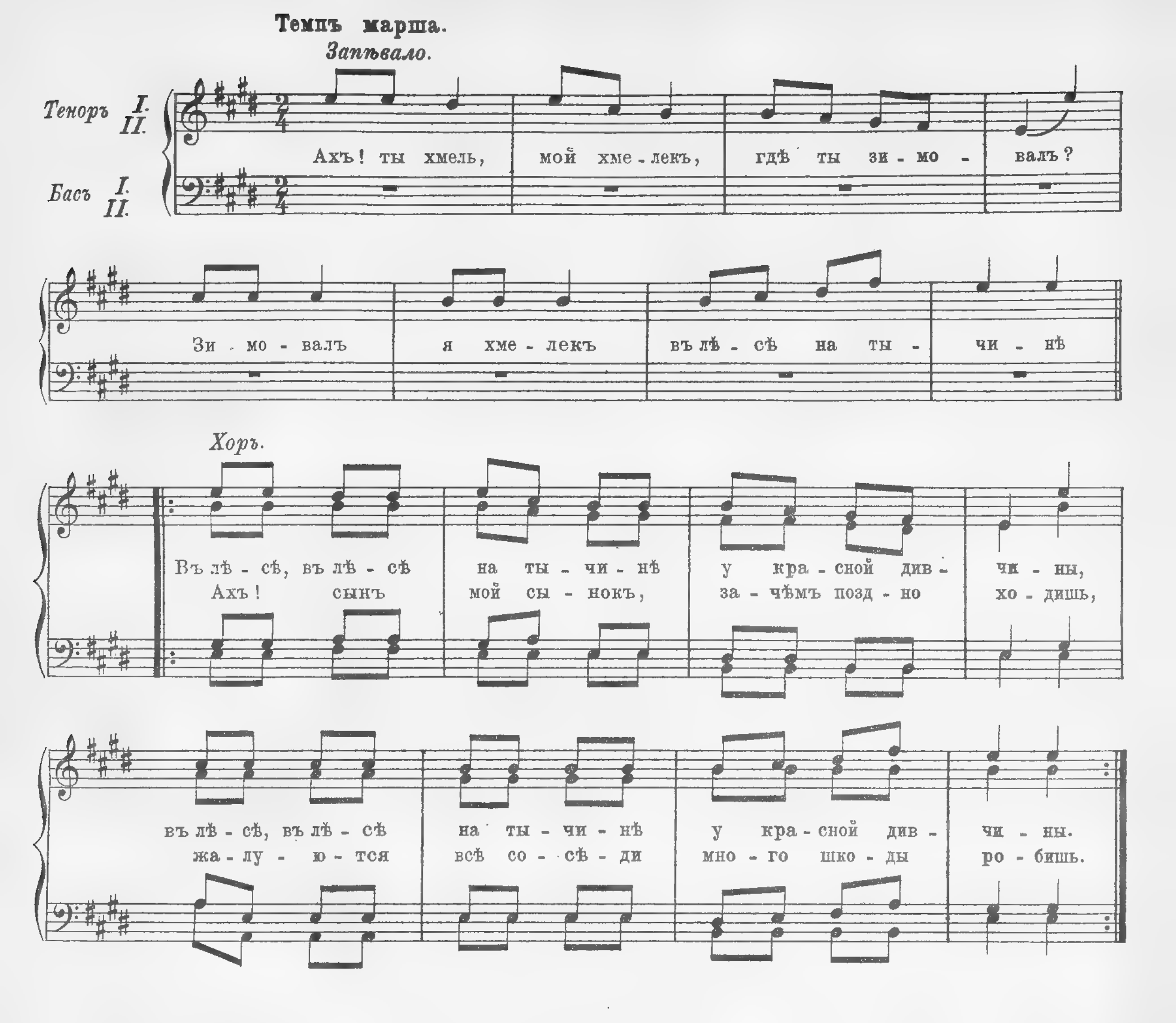


Ахъ! вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя!
Ужъ какъ знать-то, мнѣ по сѣничкамъ не хаживати,
Мнѣ мила дружка за рѣченьку не важивати.
Выходила молода, за новыя ворота,
Выпускала сокола изъ праваго рукова;
Сама своему соколику приказывала:
Ты лети, лети соколикъ высоко и далеко,
И высоко и далеко, на родиму сторону,
На родимой на сторонкѣ, грозенъ батюшка живетъ,
Онъ грозенъ, грозенъ, грозенъ, грознѣй матушки родной,
Грознѣй матушки родной, не велитъ гулять одной,
Велитъ съ дѣвушками, сы молодушками.
Я не слушаю отца, а потѣшу молодца,
Я за то его потѣшу, что одинъ сынъ у отца,
Одинъ сынъ у отца, уродился въ молодца,
Зовутъ Ванюшкою, пивоварушкою.

На горѣ-то калина.



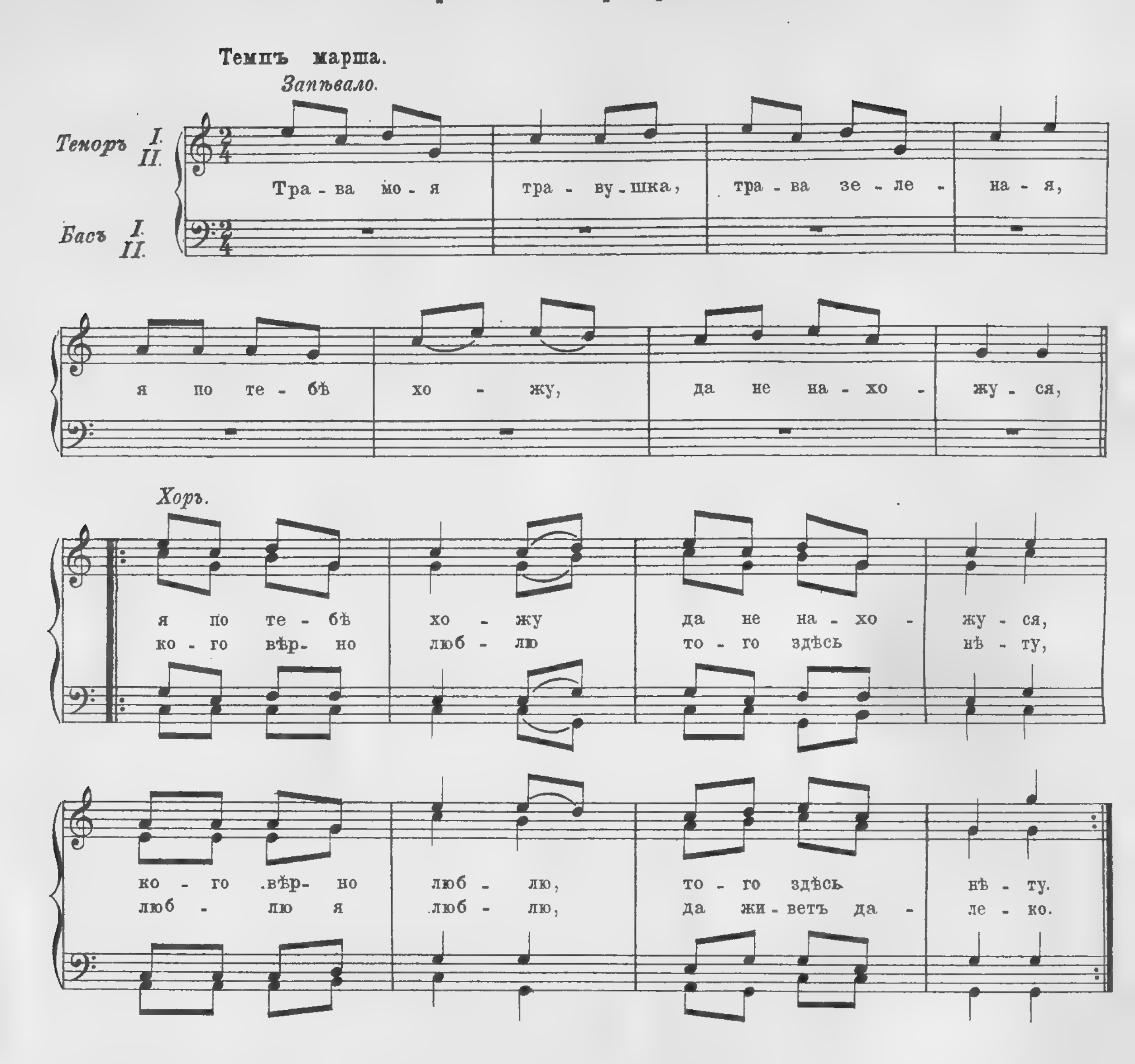
На горѣ-то калина, на горѣ-то калина,
Ну чтожъ кому дѣло калина,
И какое кому дѣло калина.
Подъ горою малина, подъ горою малина,
Ну чтожъ кому дѣло малина,
И какое кому дѣло малина.
Тамъ дѣвица гуляла, тамъ дѣвица гуляла,
Ну чтожъ кому дѣло гуляла,
И какое кому дѣло гуляла.
Свѣтъ, калину ломала, свѣтъ, калину ломала,
Ну чтожъ кому дѣло ломала,
И какое кому дѣло ломала.
Во пучечки вязала, во пучечки вязала,
Ну чтожъ кому дѣло вязала,
И какое кому дѣло вязала.
При дорожкѣ бросала, при дорожкѣ бросала,
Ну чтожъ кому дѣло бросала,
И какое кому дѣло бросала.

Ахъ, ты хмель, мой хмелекъ.

Ахъ! ты хмель, мой хмелекъ
Гдѣ ты зимовалъ?
Зимовалъ я хмелекъ
Въ лѣсѣ на тычинѣ,
Въ лѣсѣ, въ лѣсѣ на тычинѣ,
У красной дивчины.
Ахъ! сынъ, мои сынокъ,
Зачѣмъ поздно ходишь,
Жалуются всѣ сосѣди,
Много шкоды робишь.

Пускай, пускай жалуются,
Всѣ люди на меня,
Чаво жъ меня не женила,
Давно не теперя?
Женись, женись мой сынокъ,
Возьми себѣ женку.
Да на что же мнѣ жениться,
На что мнѣ и женку,
Меня любятъ молодцы
И красны дѣвицы.

Какъ одна молода
Глазами моргала,
Бросай казакъ, коня чистить,
Приходи къ овину,
А я сваво старика,
Пошлю по калину.
Ступай старый съ бородой,
Калину ломати,
А я сваво казачка,
Я пущу до хаты.
Я пущу, пущу до хаты,
Стану цѣловати!

Трава моя травушка.

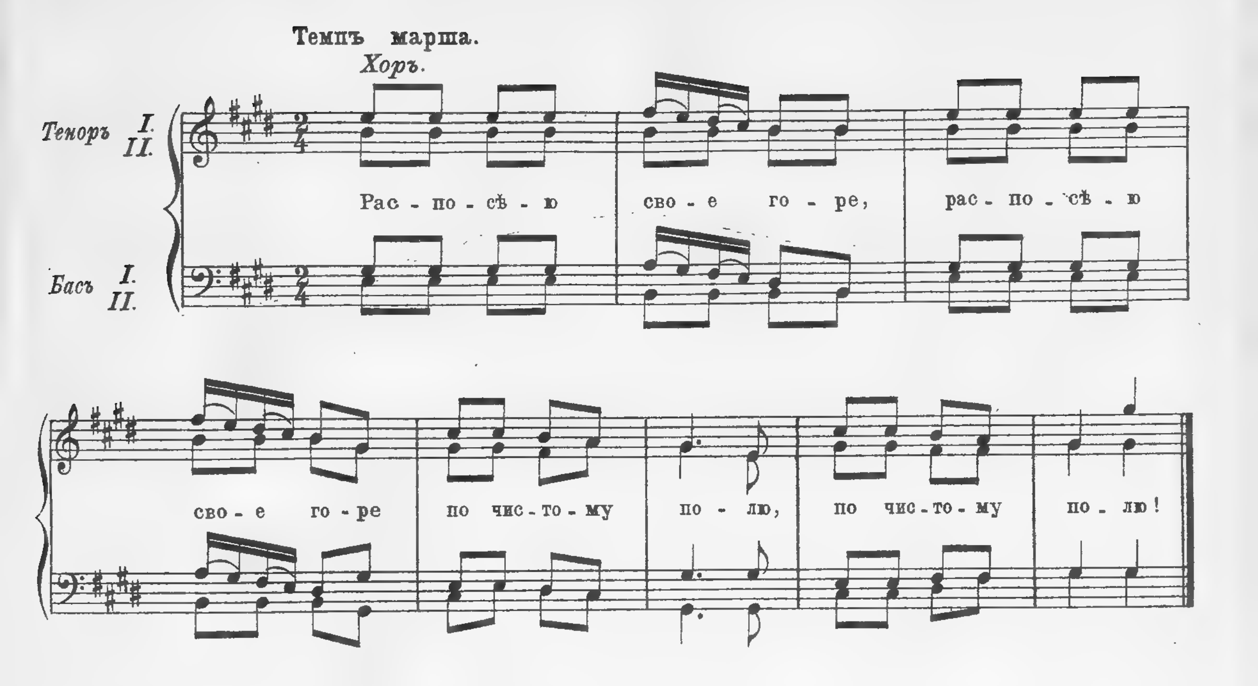


Трава, моя травушка,
Трава зеленая,
Я по тебѣ хожу,
Да не нахожуся,
Кого вѣрно люблю,
Того здѣсь нѣту.
Люблю, я люблю,
Да живетъ далеко.
Толичка пріѣхалъ,
Опять уѣзжаетъ,
А меня дѣвченочку
Одну оставляетъ.

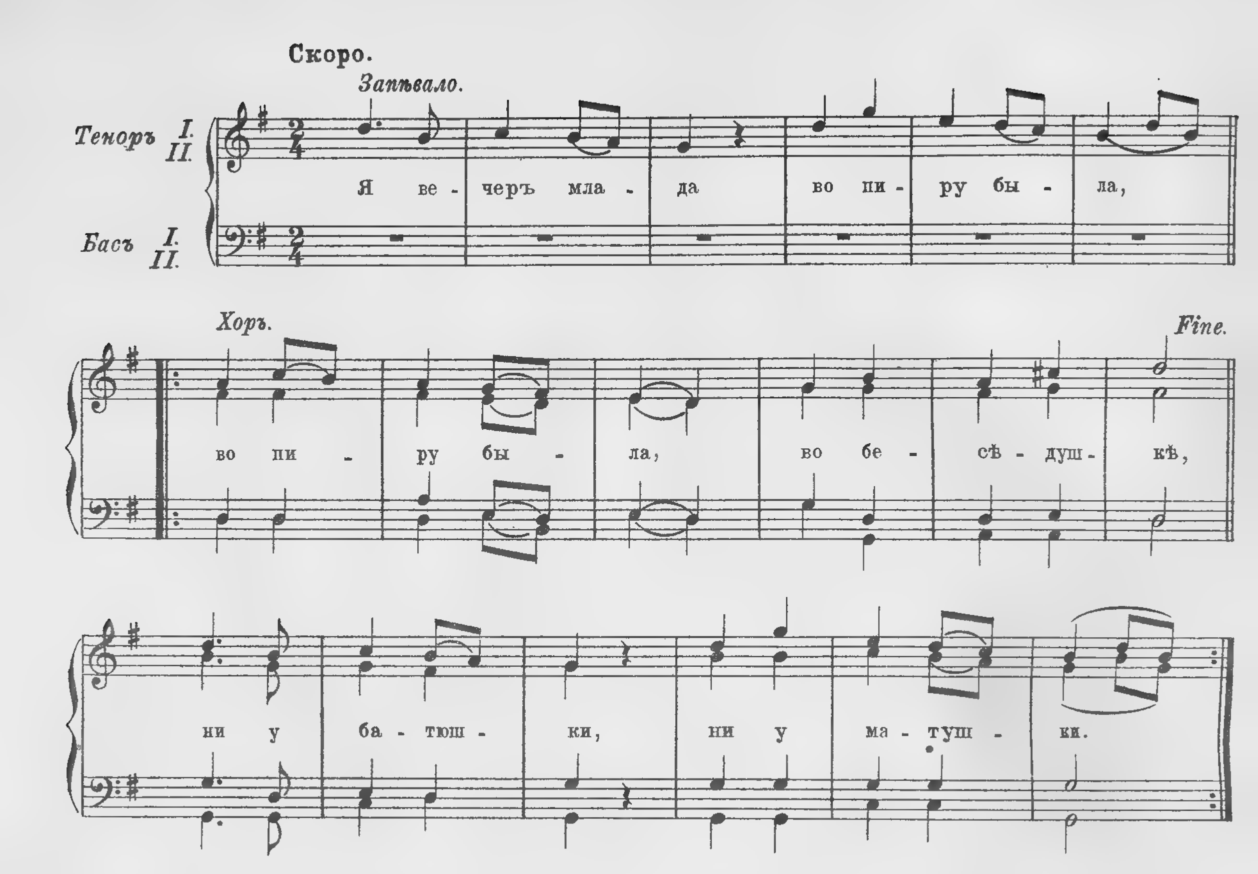
Одна остаюся,
Ночевать боюся,
Заночуй Урядничекъ,
Хоть одну ты ночку?
Радъ-бы ночевати,
Боюся проспати?
Не бойся Урядничекъ,
Разбужу пораньше,
Разбужу пораньше,
Провожу подальше.

Проснулся Урядничекъ,
На дворѣ бѣленько.
Ахъ! дѣвочка мила,
Чего натворила!
Не рано Урядничка,
Меня разбудила.
Всѣ мои товарищи,
Коней посѣдлали
Коней посѣдлали
Съ двора посъѣзжали!

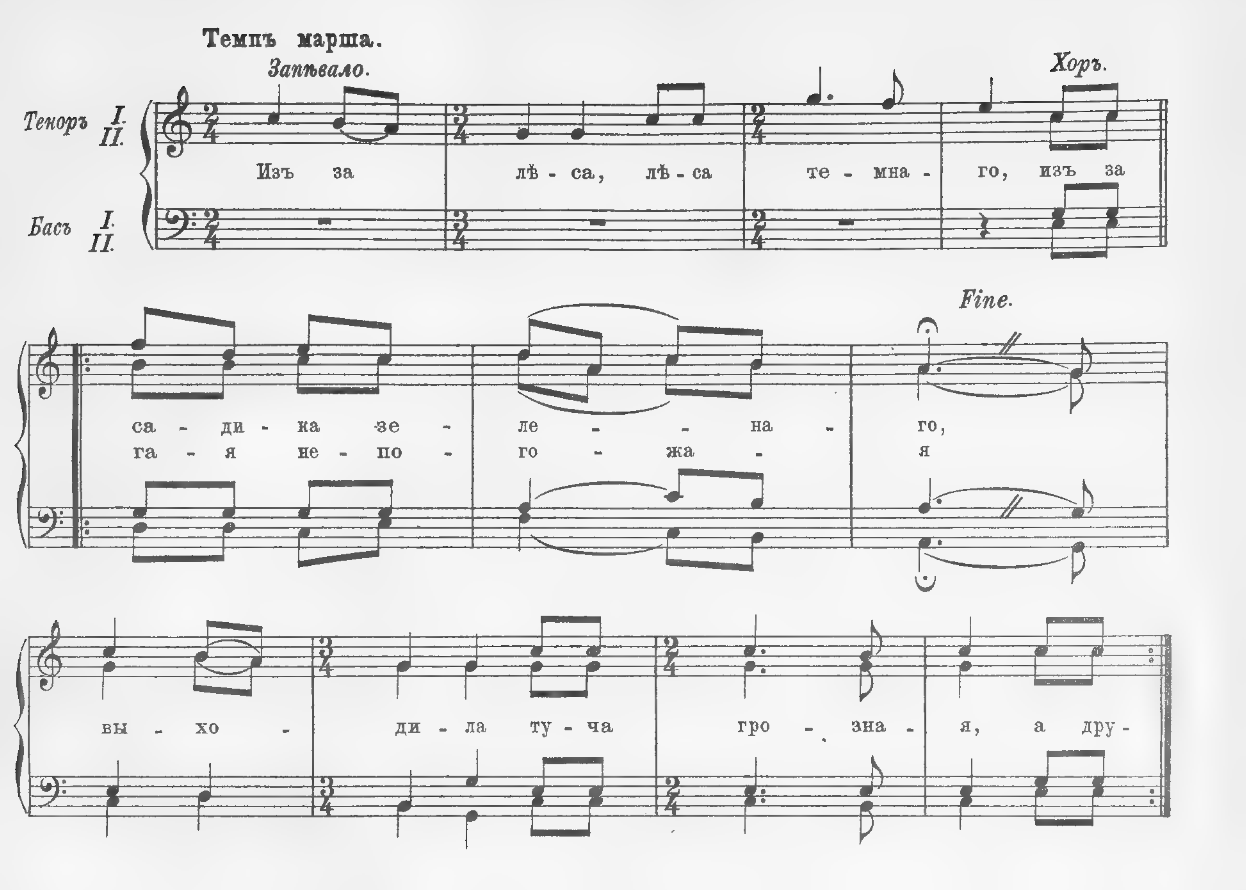
Распосѣю свое горе.



Распосѣю свое горе, распосѣю свое горе
По чистому полю, по чистому полю!
Уродися мое горе, уродися мое горе
Ни рожь, ни пшеница, ни рожь, ни пшеница, —
Ни рожь, ни рожь, ни пшеница, ни рожь, ни рожь, ни пшеница.
Трава муровая, трава муровая,
Трава, трава муровая, трава, трава муровая
Съ алыми цвѣтами, съ алыми цвѣтами!
Не ходи казакъ кудрявый, не ходи казакъ кудрявый
Мимо маво саду, мимо маво саду,
Не топчи казакъ кудрявый, не топчи казакъ кудрявый
Ты мою посаду, ты мою посаду:
Я не для тебя садила, я не для тебя садила,
Да и поливала, да и поливала,
Я садила, поливала, я садила, поливала,
Сердце надрывала, сердце надрывала,
Сердце, сердце надрывала, сердце, сердце надрывала,
Дружка проклинала, дружка проклинала!

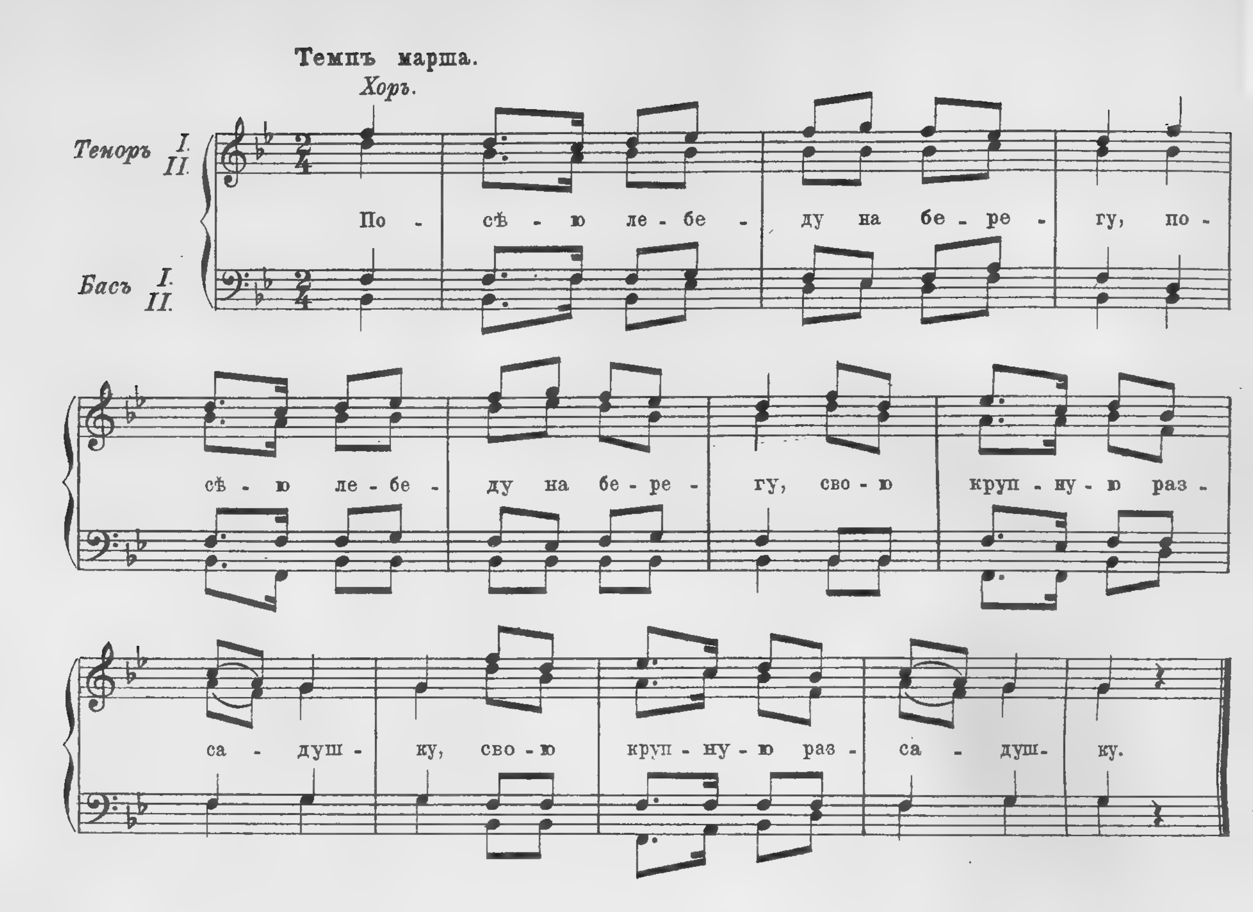
Я вечеръ млада.

Я вечеръ млада во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушкѣ,
Ни у батюшки, ни у матушки,
Я была въ гостяхъ у мила дружка,
Я не медъ пила, не настоичку,
Я пила млада сладку водочку;
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
Я пила млада чайной чашечкой;
Я и лѣсомъ шла не боялася,
Я и полемъ шла не шаталася,
Ко двору пришла пошатнулася,
За верею шку ухватилася;
Верея-ль моя, ты вереюшка,
Поддержи меня бабу пьяную,
Бабу пьяную и похмельную!

Изъ за лѣса, лѣса темнаго.

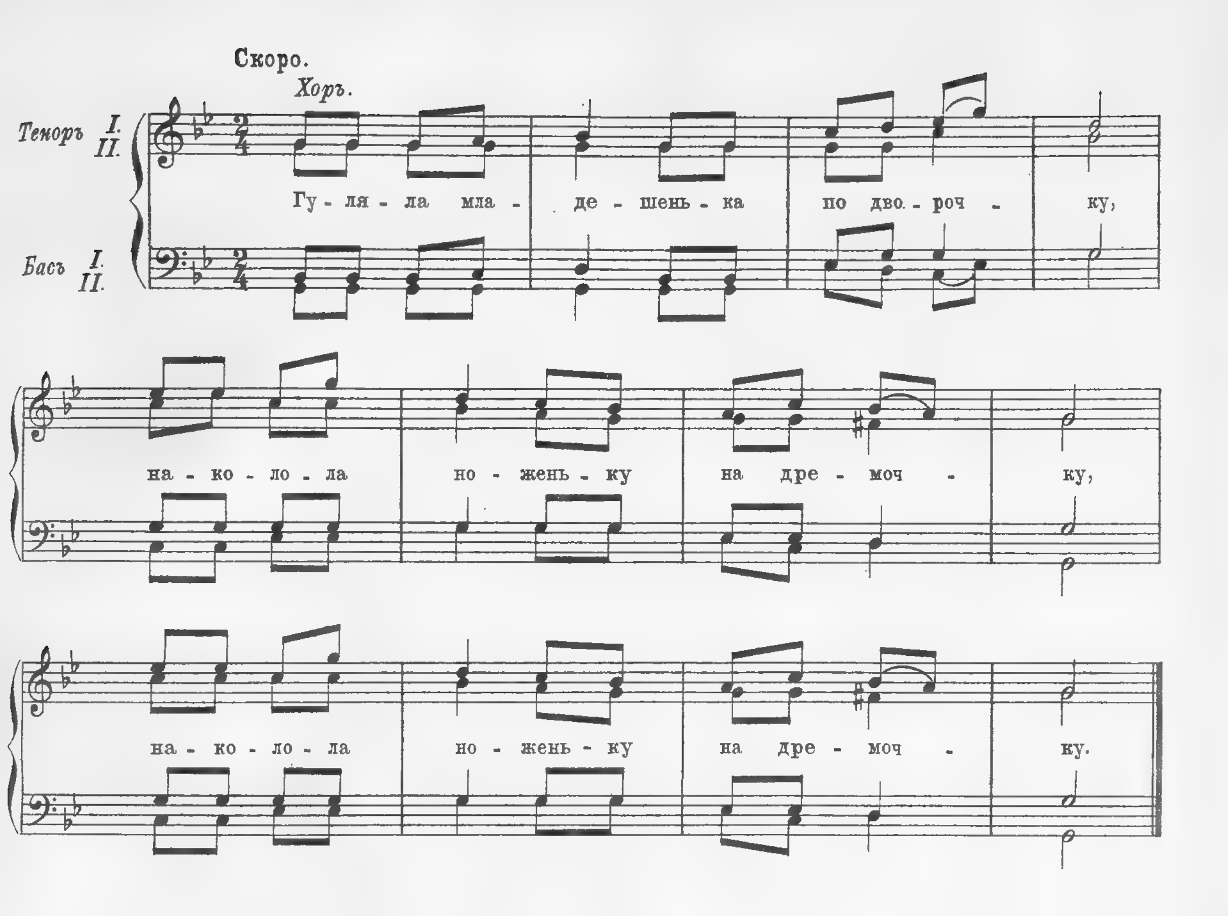


Изъ за лѣса, лѣса темнаго,
Изъ за садика зеленаго.
Выходила туча грозная,
А другая непогожая
Сы дождами, сы морозами
И снѣгами глубоками —
Во ту пору дочь поѣхала
И съ матерью не простилася,
Середь лѣса становилася,
Середь лѣса, середь темнаго,
Середь садика зеленова,
Съ соловьями думу думала.
Съ молодыми думу крѣпкую:
Соловей, ты мой соловьюшекъ
Залетная да ты пташечка!
Полети-ка мой соловьюшекъ

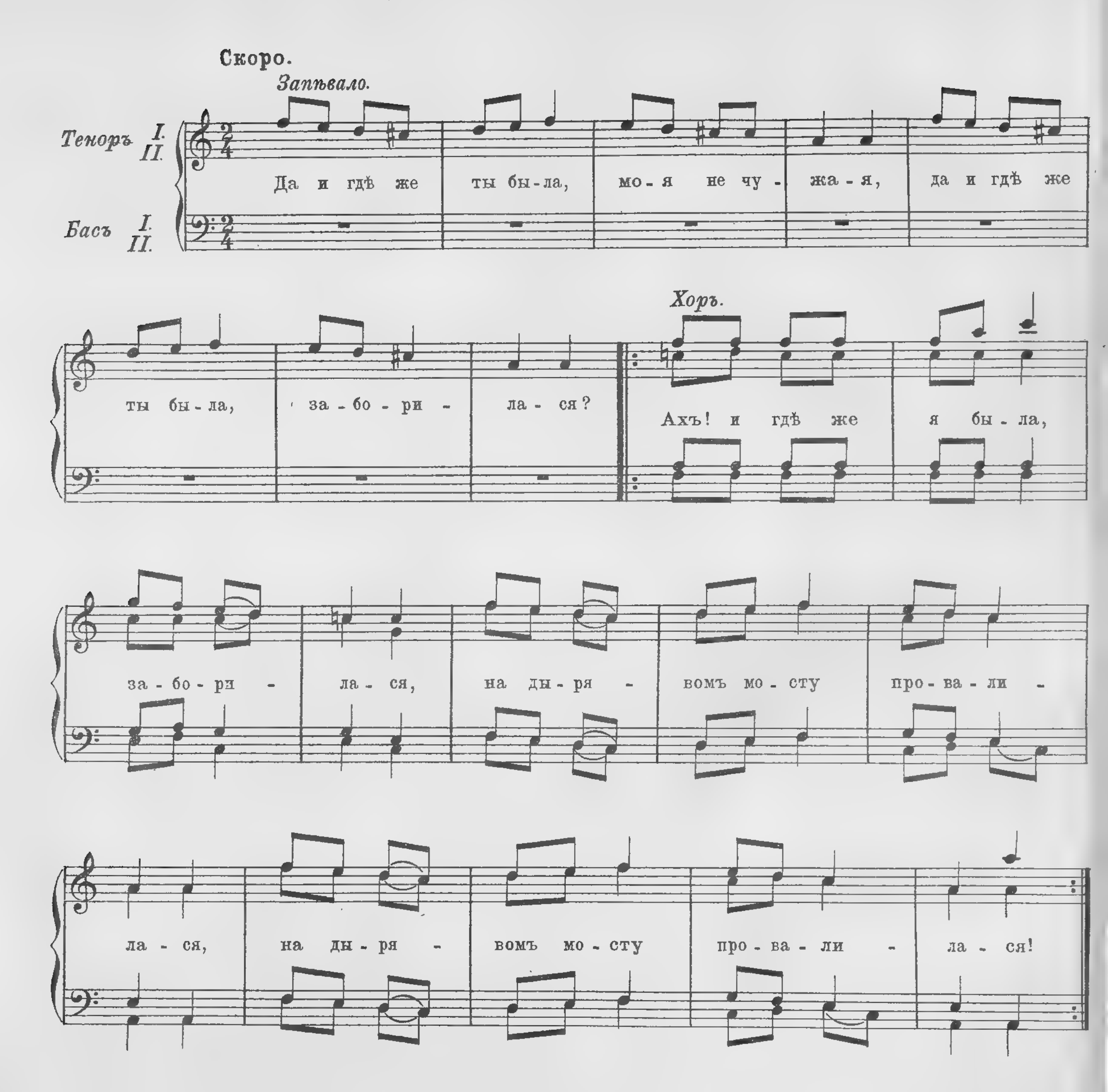
На родимую сторонушку!
Поклонися моей маменькѣ
Скажи маменькѣ, что неволюшка,
Да сердитая свекровьюшка,
Посылаетъ меня молоду
Во глухую полночь поводу
И холодную и голодную!
И разутую и раздѣтую,
На летѣли гуси сѣрые,
По мутили воду свѣтлую
И я той воды часъ ждала
А другой часъ я поплакала,
А на третій часъ я домой пошла,
Подхожу я ко двору широку —
Свекоръ — батюшка журить, бранить,
Свекровь матушка по бить хотитъ

Посѣю лебеду на берегу.

[1] Посѣю лебеду на берегу,
Свою крупную разсадушку.
Погорѣла лебеда безъ воды,
Моя крупная разсадушка.
Пошлю я казака по воду,
Ни воды нѣтъ, ни казаченьки.
Кабы мнѣ младой ворона коня,
Я бы вольная казачка была!
Скакала-бы, плясала по лугамъ,
По зеленымъ: лѣсъ, дубравушкамъ,
Съ Донскимъ съ молодымъ казачкомъ,
Съ разудалымъ добрымъ молодцемъ.
Раздушка казакъ молодой,
Разудалый добрый молодецъ,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мнѣ,
Безъ тебя-ли другъ постеля холодна,
Одѣялицо заиндивило.

[1] при пѣніи каждая строчка повторяется.

Гуляла младешенька по дворочку.

Гуляла младешенька по дворочку,
Наколола ноженьку на дремочку,
Болитъ, болитъ ноженька да не больно,
Любилъ меня миленькій да не долго,
Недолгое времячко— три годочка,
Три годочка, три годочка, три денечка.
Поѣхалъ мой миленькій въ городочекъ,
А я за нимъ, дѣвочка во слѣдочекъ,
Гнала, гнала, дѣвочка, пріустала,
Пріуставши, дѣвочка, пріуснула,
Наѣхалъ на дѣвочку молодой казакъ:
Вставай, вставай, дѣвочка, поскорѣе,
Садись въ тарантасикъ посмѣлѣе,
Говори словечушко, поживѣе!

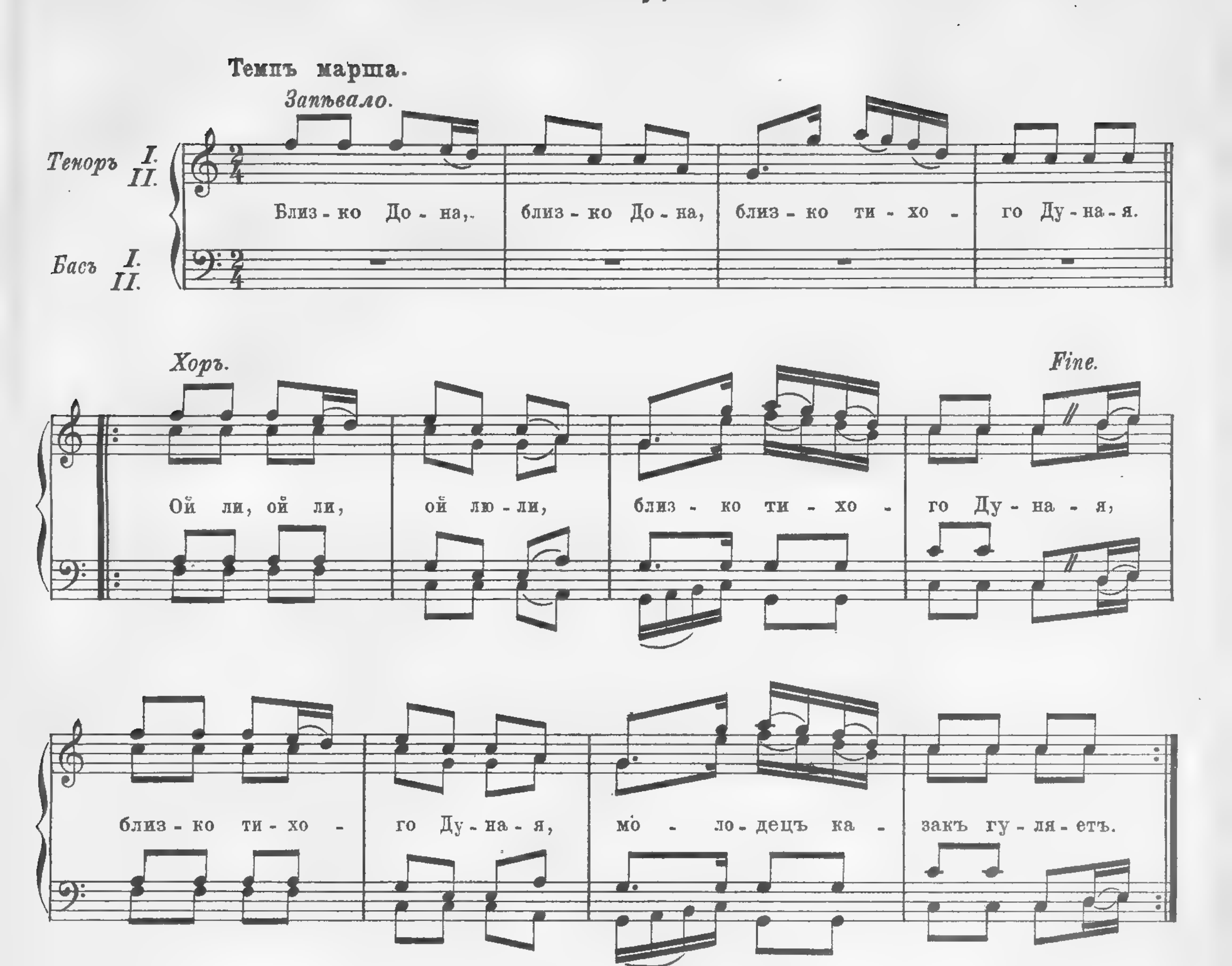
Да и гдѣ же ты была.



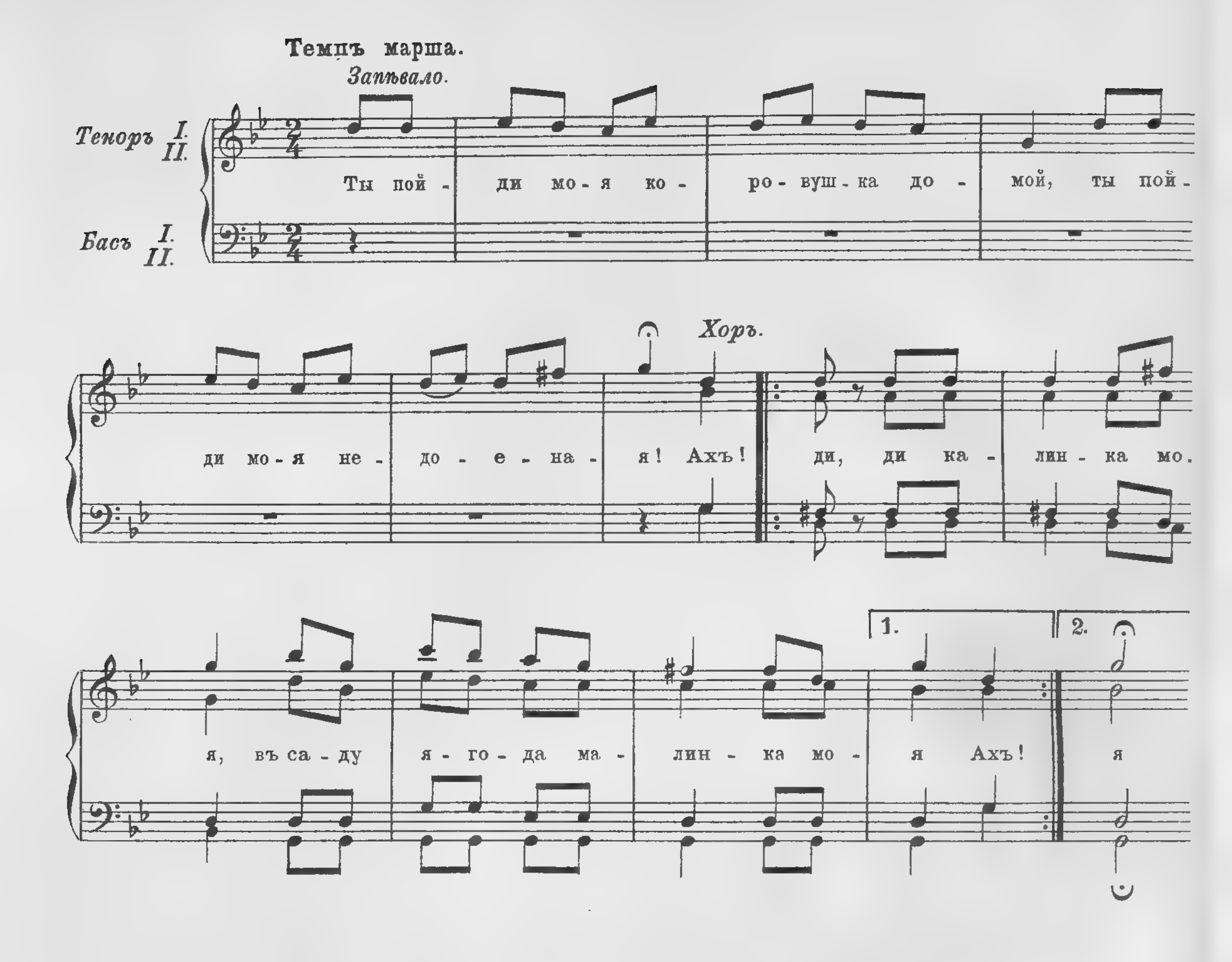
Да и гдѣ же ты была, моя не чужая,
Да и гдѣ же ты была заборилася?
Ахъ! и гдѣ же я была заборилася,
На дырявомъ мосту провалилася!
А кто жъ тебя несъ, на дырявый мостъ,
Вѣдь ты видѣла, дыра, не ходила бы туда.

Дровъ не носила, печь не топила,
По воду пошла ведры побила?
Я на улицѣ была, я горилку пила,
Я разсаду посадила, огородъ полила.
Капуста моя и разсадушка,
Пожалѣй, не брани меня матушка!

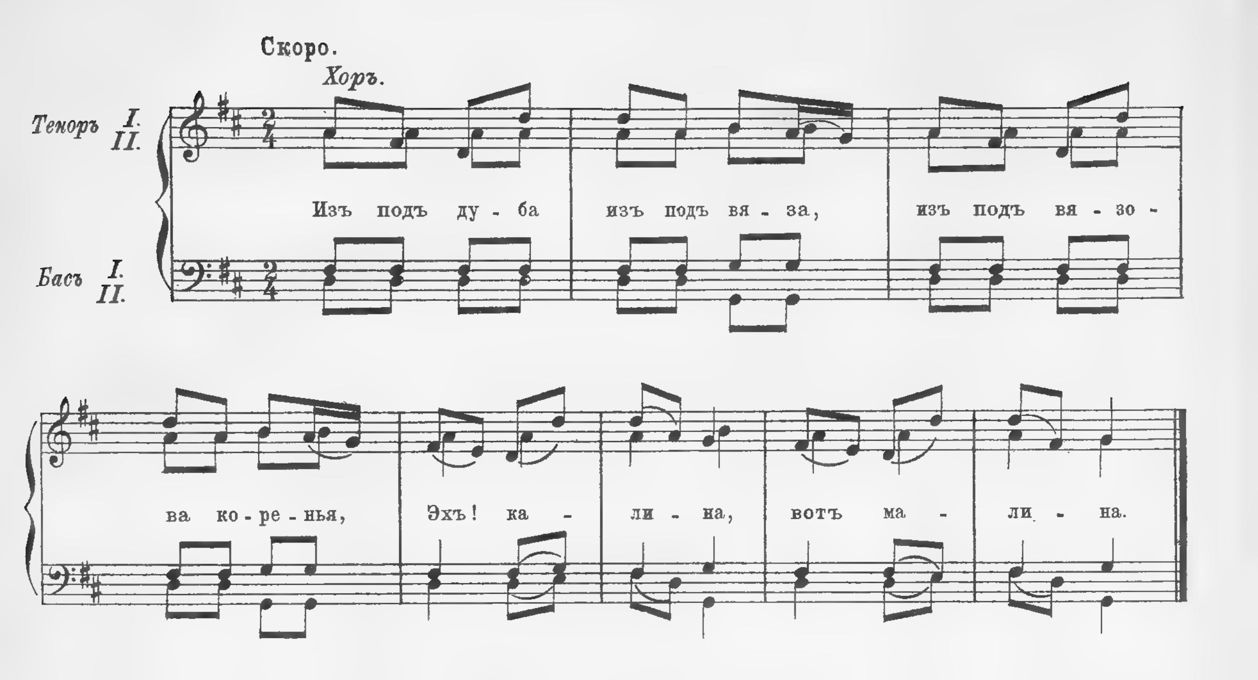
Близко Дона.



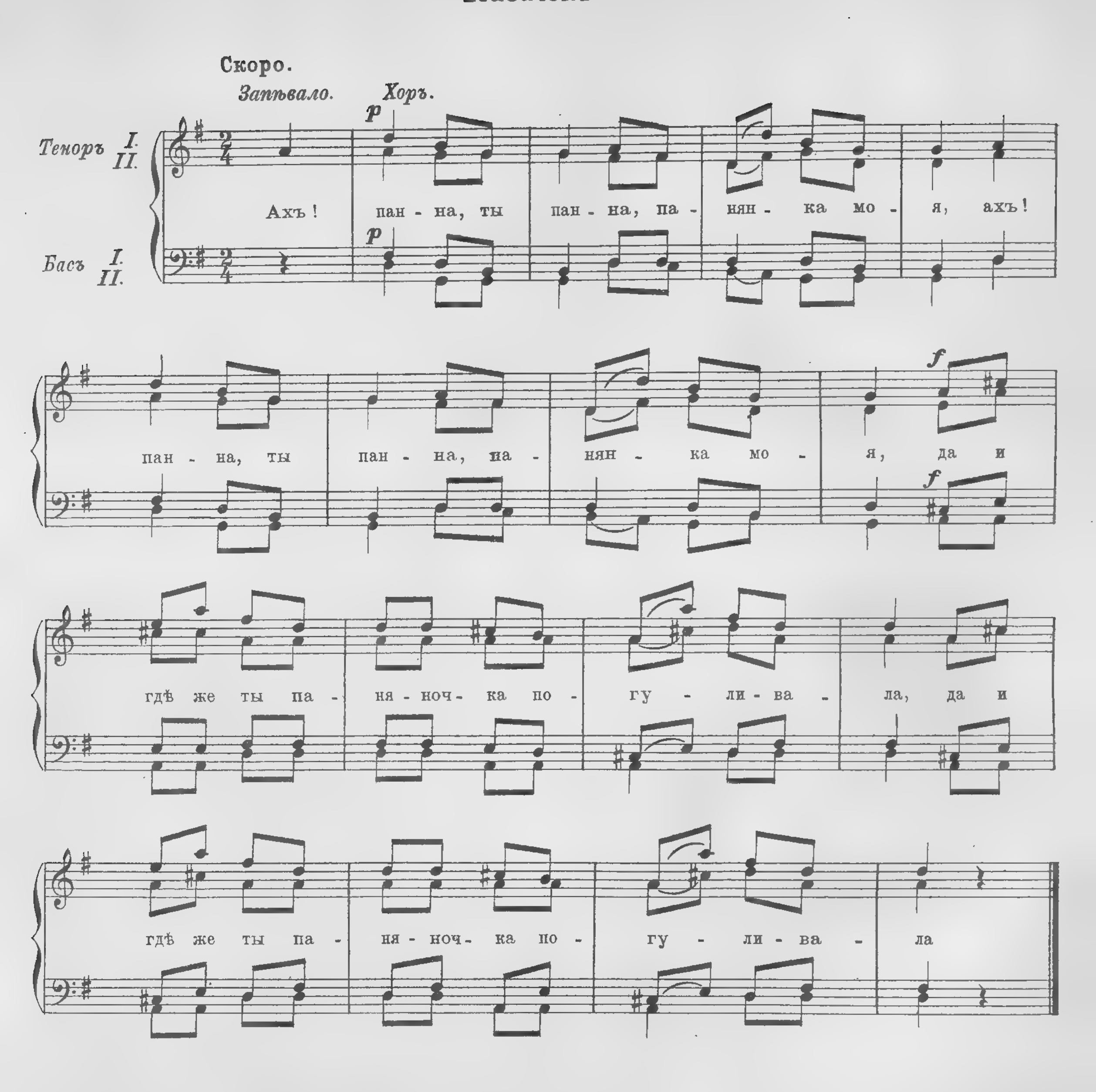
Близко Дона, близко Дона,
Близко тихого Дуная.
Ой ли, ой ли, ой люли,
Близко тихого Дуная.
Близко тихого Дуная,
Молодецъ казакъ гуляетъ.
Ой ли, ой ли, ой люли,
Молодецъ казакъ гуляетъ.
Молодецъ казакъ гуляетъ,
Табунъ коней загоняетъ.
Ой ли, ой ли, ой люли,
Табунъ коней загоняетъ.
Повстрѣчалась молодица,
Раскрасавица дѣвица.
Ой ли, ой ли, ой люли,
Раскрасавица дѣвица.
„Раскрасавица дѣвица,
„Пособи коней загнать?"
„Ой ли, ой ли, ой люли,
„Пособи коней загнать?
„Я бы рада пособила,
„Буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ!
„Ой ли, ой ли, ой люли,
„Буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ.
„Буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ,
„Частымъ дождичкомъ сѣчетъ!
Ой ли, ой ли, ой люли,
Частымъ дождичкомъ сѣчетъ!

Ты пойди моя коровушка домой.

Ты пойди моя коровушка домой,
Ты пойди моя недоеная!
Ахъ! ди, ди калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя.
Какъ у всѣхъ женъ мужья добры,
Покупили женамъ бобры.
Ахъ! ди, ди калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя.
Ужъ какъ мой-то казаченекъ
Да и тотъ, съ кулаченочекъ.
Ахъ! ди, ди калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя.
Поперекъ моей кроватушки лежитъ,
Поперечную мнѣ рѣчь говоритъ.
Ахъ! ди, ди калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя.

Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Загубилъ мою головушку.
Ахъ! ди, ди калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя.
Погоню я коровушку на росу,
А на встрѣчу мнѣ медвѣдь изъ лѣсу.
Ахъ! ди, ди калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя.
Ты медвѣдюшка — батюшка,
Задери мою коровушку.
Ахъ! ди, ди калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя.
Задери мою коровушку,
Развяжи мою головушку.
Ахъ! ди, ди калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя.

Изъ подъ дуба изъ подъ вяза.

Изъ подъ дуба изъ подъ вяза,
Изъ подъ вязова коренья.
Эхъ! калина, вотъ малина.
Изъ подъ вязова коренья,
Вытекалъ быстрый ручей.
Эхъ! калина, вотъ малина.
На этомъ ручеечкѣ,
Мыла дѣвочка платочки.
Эхъ! калина, вотъ малина.
Она мыла, колотила,
Валекъ въ воду уронила.
Эхъ! калина, вотъ малина.
Отколь взялся паренекъ,
Досталъ дѣвицѣ валекъ.
Эхъ! калина, вотъ малина.
Спасибо тебѣ!
Что помогъ моей бѣдѣ.
Эхъ! калина, вотъ малина.

Казачекъ.

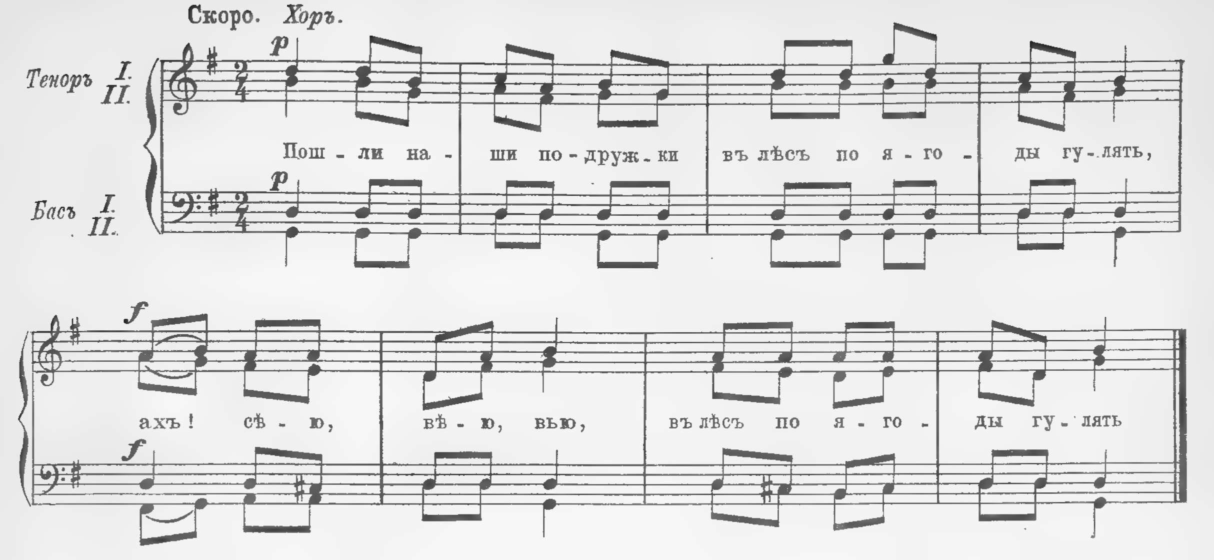


[1] Ахъ! панна, ты панна, паняночка моя,
Да и гдѣ же ты паняночка погуливала?
Не слыхать, не видать и не чуть про тебя,
Проявилася паняночка у насъ на дворѣ,
Ни одна пришла, сы милымъ дружксмъ,
Сы милымъ дружкомъ, съ Донскимъ казакомъ.
Казакъ, казачекъ, казакъ миленькій дружекъ.

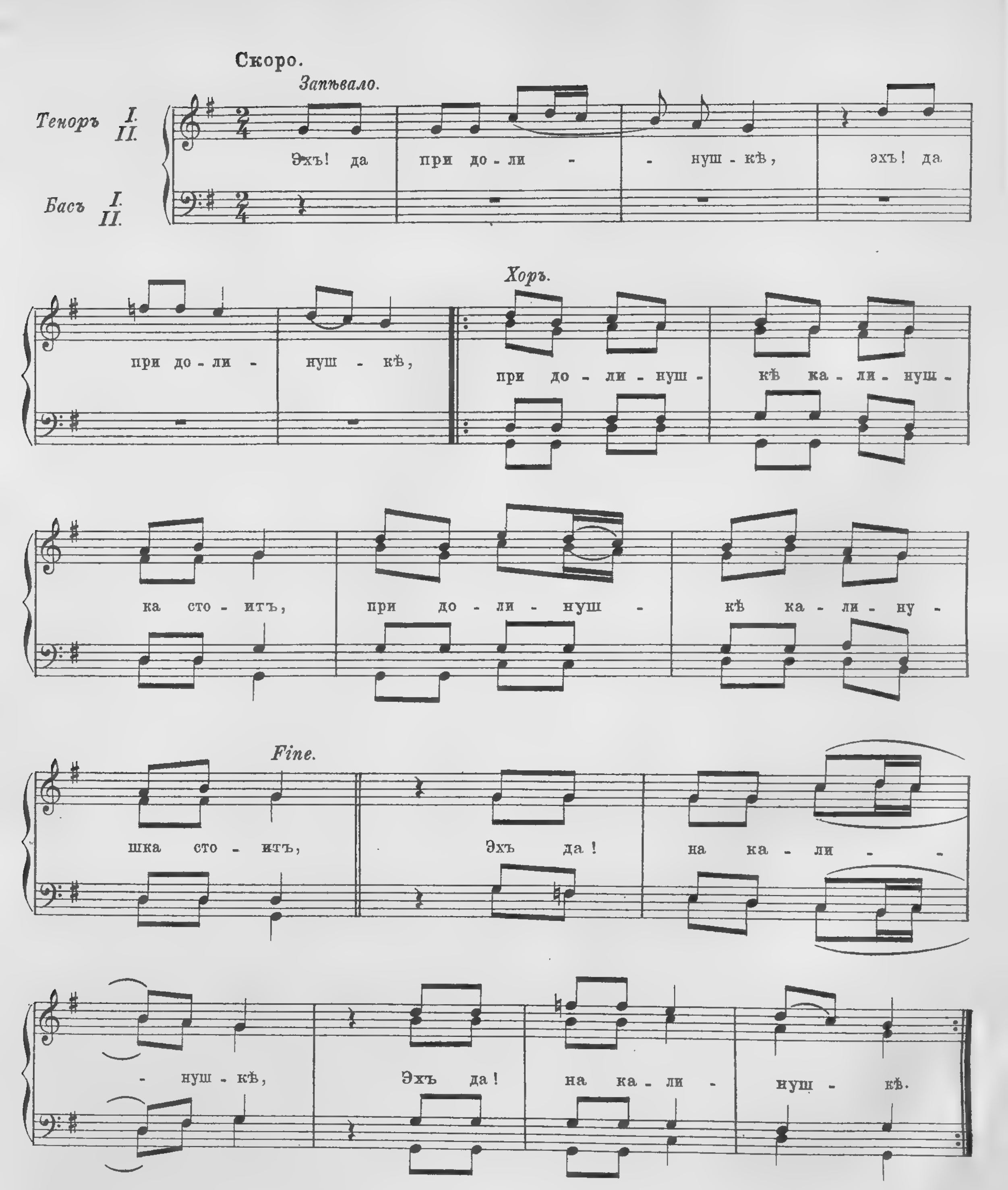
Съ тобой скачемъ, съ тобой пляшемъ и тебя веселимъ,
Тебя веселымъ, тебѣ пѣсни поемъ,
Тебѣ пѣсни поемъ, тебѣ честь воздаемъ.
Не дивуйтеся подружки на мое веселье,
На мое-ли на веселье на дѣвическое.
Получше подружки запойте казачка,
Запойте казачка все забавничка,
Забавничка, балалайничка.
Пора сы двора, прощай милая моя,
Прощай милая красотка, прощай сердце мое!

[1] **Каждая** строчка при пѣніи повторяется два раза.

Д

Пошли наши подружки.

Пошли наши подружки,
Въ лѣсъ по ягоды гулять!
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
Въ лѣсъ по ягоды гулять!
По черную черничку,
По ягоду земляничку.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
По ягоду земляничку.
Они ягодъ не нарвали,
Лишь подружку потеряли.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
Лишь подружку потеряли.
Любимую подружку
Катеринушку милушку.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
Катеринушку милушку.
И, гдѣ Катя дѣлася?
И гдѣ заблудилася?
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
Гдѣ заблудилася?
Не въ лѣсу-ли заблудилась,
Не въ травѣ-ли заплелась.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
Не въ травѣ-ли заплелась.
Если-бъ въ травѣ заплелась,
То трава-бы завилась.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
То трава-бы завилась.
Если-бъ въ водѣ утопилась,
То вода бы возмутилась
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
То вода бы возмутилась.

Пошелъ я по тропинѣ,
Нашелъ я кустъ калины.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
Нашелъ я кустъ калины.
Подъ калиною кровать,
На кровати-то перина.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
На кровати-то перина.
На кровати-то перина,
На перинѣ Катерина.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
На перинѣ Катерина.
На перинѣ Катерина,
Передъ ней стоитъ дѣтина.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
Передъ ней стоитъ дѣтина.
Передъ ней стоитъ дѣтина,
Иванушка сиротина.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
Иванушка сиротина.
Иванушка сиротина,
Проситъ душу Катерину.
Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
Проситъ душу Катерину.
„Если любишь скажи,
„Подъ вѣнецъ со мной иди!
„Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
„Подъ вѣнецъ со мной иди!
„Любить не люблю,
„Отказать не могу!
„Ахъ! сѣю, вѣю, вью,
„Отказать не могу!

При долинушкѣ калинушка стоитъ.

Эхъ! да при долинушкѣ, эхъ! да при долинушкѣ,
При долинушкѣ калинушка стоитъ. *2 раза.*
Эхъ! да на калинушкѣ, эхъ! да на калинушкѣ,
На калинушкѣ соловьюшекъ сидитъ. *2 р.*
Онъ сидитъ, сидитъ, онъ сидитъ, сидитъ,
Онъ сидитъ, сидитъ посвистываетъ. *2 р.*
Горькую ягоду, горькую ягоду,
Горьку ягоду калинушку клюетъ. *2 р.*
А малиною, а малиною,
А малиною закусываетъ. *2 р.*
Прилетали къ соловью, прилетали къ соловью,
Прилетали къ соловью соколы, *2 р.*
Взяли, взяли соловья, взяли, взяли соловья,
Взяли, взяли соловья съ собою. — *2 р.*
Посадили соловья, посадили соловья,
Посадили соловья въ клѣточку, *2 р.*
За рѣшеточку, за рѣшеточку,
За рѣшеточку серебряную. *2 р.*
Заставляли соловья, заставляли соловья,
Заставляли соловья пѣсни пѣть. *2 р.*
Ужъ ты пой, воспѣвай, ужъ ты пой, воспѣвай,
Ужъ ты пой, воспѣвай соловей, *2 р.*
Призабавь, пріутѣшь, призабавь, пріутѣшь,
Призабавь, пріутѣшь соколовъ. *2 р.*

Гравировка-печать Г. Шмидтъ. С.П.Б. 4 рота 20.